

Ф.И. ДУБОВИЦКИЙ

О прошлом

ЧЕРНОГОЛОВКА

Федор Иванович Дубовицкий

Мне думается, что жизненный путь отдельного человека представляет и общий интерес. И не только потому, что это — составляющий элемент той мозаики, которую потом называют историей, а скорее потому, что судьба отдельного человека определяется общим полем больших и малых общественных интересов, окружающей средой, круговертью разных процессов, т. е. всем развитием общества. Особенно ощущается это с возрастом, когда уже многожито и прожито. А прожито не мало. И пока, слава Богу, нахожусь в доброй памяти и есть хорошая работоспособность, я решил написать очерк своей жизни. По-моему, долгая жизнь, возможно, и не отмеченная особыми захватывающими событиями, но правдиво рассказанная, может быть интересной и поучительной.

Я родился 20 февраля 1907 года в селе Вишневом, Вишневской волости, Козловского уезда, Тамбовской губернии, в крестьянской семье. Семья была большая. Она образовалась из двух семей. Отец рано овдовел, и у него осталось четверо детей: два малолетних сына и две дочери. Жили в большой бедности. Моя мама, Полянская Матрена Егоровна, тоже рано овдовела и имела на руках двух малолетних сыновей. Вот из этих семей и образовалась новая сразу в восемь человек: из пяти мужчин и трех женщин. По рассказам матери, семья получилась недружная, жили сложно и трудно.

Детство подростка, родившегося в многодетной семье, а я был, по рассказу матери, седьмым ее ребенком из одиннадцати, по-видимому, трудно считать радостным, беспечным и веселым. Но память так хранит отдельные события детства, что утверждаешься в общепринятой мысли: детские годы — всегда хороши.

Я рос общительным и, похоже, занятым ребенком. Помню, мать говорила: «О тебе у меня и забот не было. Уйдешь, бывало, на целый день к соседу — столяру, он тебя и занимает весь день». А бывало мама находила меня спящим у него во дворе, в стружках. Был я любознательный и проворный. Смутно вспоми-

наю мое одно увлечение: ходить в Великий пост каждую субботу и воскресенье в церковь принимать сладкую розовую водичку во время причастия. Старшая сестра говорила, что в связи с этим я был известен всему селу. Чуть повзрослев, в 6—7 лет, я стал стыдиться этого, да и от матери мне стало попадать.

С каким-то восторженным чувством вспоминаются детские незатейливые азартные игры в крючки, салки, горелки, прыжки, перегонки, прятки и другие.

Я с упоением слушал пение церковного хора, который состоял из жителей села, имевших хороший слух, голос и любовь к пению. Таких в нашем селе было много. Наш сосед, Михаил Карпович Крахин, обладал хорошим, правильным, культурным, сильным голосом — басом. Это, как я теперь понимаю, был самородок, не уступающий, как мне кажется, по своему таланту многим известным певцам. Руководил церковным хором старейший в селе учитель Павел Алексеевич Синцеров. Ниже я расскажу о его дочери, Варваре Павловне Синцеровой, тоже учительнице, которая, как говорится, выводила нас в люди. Так вот, Михаил Карпович, уходя на спевку, всегда брал меня с собой. Мать благожелательно к этому относилась, потому что Михаил Карпович был на селе уважаемым человеком. Кроме удивительного дара — великолепного баса, которым он владел безукоризненно, был он еще и непревзойденным мастером-печником, умел класть печи любой конструкции: русские, голландские и другие.

Спевки проходили в школе вечерами, часов до десяти. По деревенским понятиям — это время позднее. Хор был хороший, он состоял из взрослых — басов и теноров и из юношей и девушек, мальчиков и девочек — альтов и дискантов. И вот я, тогда 6—7-летний, с напряженным вниманием слушал, как они поют — разучивают церковные песни, готовясь к выступлениям в праздничные дни. Мне очень нравилось их пение. Я слушал внимательно, не засыпал, несмотря на позднее время, и на это обратили внимание все хористы. Я уже начал запоминать мелодии отдельных произведений. И вот однажды в перерыве спевки Михаил Карпович взял меня — и к Павлу Алексеевичу с просьбой: «Павел Алексеевич, послушайте моего Федора, чего он тут наслушался». Павел Алексеевич взял скрипку и заставил меня голосом тянуть за скрипкой мелодию. А так как я был не из застенчивых, то я смело и правильно взял своим детским голосом несколько нот. Через некоторое время меня поставили в ряд ребят альтовой партии хора и я стал петь. А еще через некоторое время, может быть, через год, я стал солистом альтовых партий. Как сейчас помню, мы исполняли произведения Глинки, Чайковского, Даргомыжского, Бортнянского, Ломакина и других композиторов. Мое детское пение в хоре приобщило меня впоследствии к хоровому пению в средней школе и университете. Я полюбил и

стал понимать классическую симфоническую музыку. Интерес к этому виду искусства сохранился у меня до сих пор.

Федя Дубовицкий — школьник

Мое детство неотделимо от природы нашего края, родного села и окрестных деревень. Наши места, с одной стороны, девственно нетронутые, а с другой — обжитые и звучно поименованные народом, ясно стоят перед глазами: «Лука» — огромная территория заливного луга с большим, круглым глубоководным озером, с обилием земляники, с перепелиными гнездами в кустах; «За Дунаем» — это место в виде полуострова, окруженного большей частью лиственным, преимущественно дубовым лесом с выходом к замысловатой извилистой речке; «Углы» — берег старой речки Вишневки с плавающими в камышах утками со своими

резвыми выводками; «Галчий куст» — это лес площадью около 10 га с обилием грибов, ягод, птиц, который рос в огромном поле, потому и выглядел, как куст, по другую сторону которого протекала известная теперь нам река Лесной Воронеж, на берегах которой возвышались вековые деревья — вязы, дубы, березы. Тут же поблизости — большой, еще молодой, сад бывшего имения баронессы. Какой баронессы, не знаю. Но это место называлось обычно так: «За речкой, около сада баронессы». Вот и сейчас при воспоминании об этих местах грудь как будто заполняется свежайшим воздухом, наполненным ароматом полевых цветов.

А полноводная наша река Лесной Воронеж! Все детство связано с ней. Как мы любили со спортивным азартом плавать за золотистыми кувшинками, за распустившимися на зеленой чашечке белыми водяными лилиями! А вода была чистая, прозрачная, с голубоватым оттенком. Мы, ребята, забавлялись, наблюдая с моста за кривляниями и гримасами плавающих под водой смельчаков с открытыми глазами, что в прозрачной воде, особенно в солнечный день вследствие преломления лучей, воспринималось очень эффектно.

Наша река была богата рыбой. Помню, как мы, дети, по поясу в воде вытягивали вместе со взрослыми рыбаками невод с хорошим уловом. За это нам разрешали брать окуньков, плотвиц, лещей и другую мелочь. В школьные годы, в каникулы, мы ловили рыбу бреднем в тихую теплую лунную ночь, когда вода бывает, как парное молоко. Увлекались ужением рыбы. Бывало, заготовив с вечера червяков, ранним утром, на зорьке, по холодку отправляешься в наиболее, как считалось, рыбное место — на Старую речку. Чудное место «Старая речка»! Почему Старая — не знаю. Мой друг Коля Чирков, о котором речь будет ниже, мог целый день сидеть в лодке и удить всяких рыбешек, потому что «уважающая» себя крупная рыба днем, в жару, не клюет. Помню нашу ребячью страсть — купать лошадей в речке. Это большое удовольствие! Во-первых, верхом на любой лошади скачешь до речки. Во-вторых, с наслаждением возишься в воде с лошастью, плаваешь рядом с ней или сидя верхом. Лошадь хорошо, быстро плавает, она это любит, ей приятно, когда за ней ухаживают, она понимает это. Лошадь в этот момент от удовольствия даже всхрапывает. Сам вместе с ней наслаждаешься. Купать лошадей гоняли на «Верочкин песок». Это замечательное место речки, с хорошим, удобным берегом, плотным песчаным дном, быстрым течением, с крутым поворотом, поэтому вода там всегда чистая. Это было излюбленное место нашего купания.

Вдоль реки у нашего села было много крупных, бывших помещичьих, садов. Тогда, после революции, их сдавали в аренду зажиточным хозяйствам. Нам нравилось в этих садах помогать

собирать яблоки, залезать на яблони и аккуратно, чтобы не повредить, срывать плоды, укладывать их в ведро и передавать стоящим внизу. Удовольствие получали большое, по существу, ради этого мы и работали, хотя для приличия с нами расплачивались небольшим количеством второсортных яблок.

Лет тридцать спустя я побывал в своих родных местах. Грустно мне стало. Я не увидел природы моего детства. Река обмелела, заросла камышами, не стало леса, вырублен «Галчий куст», не стало заливного луга со свежескошенным сеном.

Зимой, особенно в каникулы, мы проводили свое время в трудах по дому и в своеобразных, типичных для того времени развлечениях. Особенно это характерно для Масляной недели с сытными блинами из пшеничной муки, которую мы делали сами — толкли пшено в ступе, сделанной из корневой части твердого дерева, с выемкой, куда засыпалось зерно и толкачом измельчалось в муку. Мать моя была искусная мастерица готовить вкусные, ноздреватые, пышные блины.

Увлекались игрой в «жгуты». Для этого собирались в избах друг у друга, поочередно. Игра заключалась в следующем: желающие играть, человек 12—15, усаживались в круг, подгибали ноги в коленях так, чтобы между ними можно было свободно передавать жгут друг другу по кругу. Ноги укрывали общим, как у нас называлось, торбищем так, чтобы водящему было трудно заметить, в чьих руках находится жгут, который представлял собой чулок, диаметром 4—5 и длиной 20 сантиметров, набитый всевозможным тряпьем. В середину круга становится один из играющих. Неожиданно его ударяют безжалостно жгутом, жгут быстро пускают по кругу между ногами играющих, под торбищем. Водящий после удара должен без промедления отреагировать, угадать, у кого из сидящих в кругу находится жгут и отобрать его. Если сумел найти и отобрать жгут — садишься в круг, а твое место в центре круга занимает тот, у кого жгут отобрали. Игра занятная, быстрая, веселая, хотя водящему достается немало крепких ударов жгутом. Тот, кто не выдерживает, выходит из игры. Зимой были особенно веселые, интересные развлечения: катание с высоких гор, которые заливались водой в морозные дни. Катались мы на самодельных сиденьях в виде широкой тарелки, дно которой с наружной стороны покрывалось теплым коровьим пометом и после заливалось водой и замораживалось. Так получалось очень твердое, монолитное, обледеневшее, хорошо скользящее устройство, катание на котором с высокой горы было захватывающим. Ледяную гору мы делали вместе со взрослыми на высоком, крутом берегу реки. Снег на реке расчищали. С огромной скоростью несешься с горы, вылетаешь на лед речки, катишься по нему до специально сделанного поворота (чтобы не

выкатиться на противоположный берег реки) пока не потеряешь скорость.

Я помню традиционные, уходящие в далекое прошлое кулачные бои взрослых: один район села против другого. В таких боях выявлялись сильные, ловкие бойцы, приобретавшие определенную известность среди населения. В этих поединках ребята-подростки всегда были зачинщиками, «на подначках». На такие развлечения выходило много народу, разряженного в свои деревенские, довольно громоздкие наряды. Что говорить, много было по-своему увлекательных традиционных забав.

В двадцатых годах, примерно с 1925 года стали организовывать клубы. У нас был клуб в совхозе имени В. И. Ленина, созданном на базе разгромленного имения Жеребкова, принадлежавшего ранее известному адвокату Плевако. Участвуя в самодеятельных спектаклях, концертах, молодежь меняла свои традиционные развлечения на новые.

Следует сказать, что прекрасные школьные годы у моего поколения были трудными. Гражданская война, разруха, голод, холер, бандитизм. Поэтому мое школьное детство было суровым. Наша большая семья после смерти отца в 1916 году разлетелась на мелкие: уже взрослые, семейные дети Полянские от первого, рано умершего мужа моей матери и Дубовицкие, не родные матери, тоже уже самостоятельные, а их было четверо, оставили мать с тремя маленькими детьми — со мной, сестрой Александрой, моложе меня на три года, и братом Егором, старше меня на четыре года. Егор умер в возрасте 19 лет в 1922 году во время эпидемии тифа. Остались мы троим. Моя мать говорила мне: «На тебя моя надежда». И надо сказать, что ей удалось немного пожить со мной в Ленинграде после того, когда я уже, как говорят, вышел в люди, защитил кандидатскую диссертацию, стал старшим научным сотрудником, женился. Мать умерла в 1936 году в Ленинграде, похоронили мы ее на плохоньком, неблагоустроенном тогда Пискаревском кладбище.

В школе я учился хорошо. Был бойким, смышленным. Считался, как говорили, не по годам взрослым. Сложившиеся условия определили тогда «диалектику» моего характера. С одной стороны, еще детский возраст — потребность быть в кругу сверстников, когда забываешься. С другой — не по возрасту забота, беспокойство, обязанности по дому. С третьей — интерес к школе и учебе.

В школе — общий детский задор, настроение веселое, тяга к чему-то неизвестному. В классе слушаешь, что скажет учительница, строгая София Ивановна. Видишь, как с робостью отвечают ребята на вопросы, с робостью, а иногда и с нетерпением ждешь их сам.

Я не был спокойным и дисциплинированным. Часто вмешивался во что не просят. Считал своим долгом заступаться за товарищей, когда они в чем-нибудь провинились. Помню, как однажды я вступил в буквальный смысл в борьбу с молодой нашей учительницей Елизаветой Васильевной Котовой (она была дочерью владельца бакалейной лавки). Это было в третьем классе, когда она выгоняла меня из класса за то, что я заступился, не помню уже каким образом, за отчаянного Ваньку Зотова. Из класса я не уходил, а она меня выталкивала и, рассердившись, дернула за рубашку и вырвала все пуговицы, разлетевшиеся по каменному полу. Не справившись, разрыдалась, выбежала из класса. На другой день в класс меня не пустили. От матери, разумеется, была хорошая взбучка. Но делать нечего. Стыдясь и переживая за меня, мать повела меня в школу, предварительно обратившись за содействием к другой, очень доброй учительнице Лидии Ивановне, которую ученики всех классов всегда с восторгом встречали на переменах. Ее очень любили. С доброй, светлой памятью вспоминаю ее и я, хотя она не была моей учительницей. Она погибла от рук свирепствовавших тогда в наших краях антоновцев на митинге в г. Козлове (Мичуринске).

Будучи уже взрослым и вспоминая этот инцидент, я думаю, что он произошел от того, что мы всем классом чувствовали слабость учительницы. Через небольшой промежуток времени наш класс передали опытной, пожилой, строгой Софии Ивановне, и все стало совсем по-другому. И я притих. Я хорошо помню Софию Ивановну. Ей было около пятидесяти лет. Интересная, с правильными чертами лица; полная, ходила медленно, вразвалочку. Всегда хорошо, опрятно одета. Волосы с проседью, очки в золотой оправе. У нее была привычка на уроках ходить по классу. В руках всегда была крепкая палка от фикуса, который стоял у нас в классе в большом бочонке. Длина палки около 40 см. Мы все боялись ее, как огня. Наказывала она нас беспощадно. Причем наказания были изощренными и зависели от степени провинности и, безусловно, от настроения учительницы. Она любила ставить на колени за классной доской; ставила под парту на колени так, что у наказуемого над партой торчала голова. Перед моими глазами и теперь одна девочка, помню даже на какой стороне и в каком ряду она сидела, которую заставила стать на колени, взбравшись на парту. Однажды, когда мы устроили в классе свалку и развалили классную доску, София Ивановна, увидев все это, своей медленной походкой пошла в комнату (а она жила тут же в школе), принесла молоток, чтобы починить доску, и прямо на ходу этим молотком стукнула, правда, по мягкому месту, наиболее инициативного драчуна. Были и другие курьезные происшествия.

Учителя по-разному обращались с нами. София Ивановна и Павел Алексеевич, о котором я говорил как о руководителе хора, — это учителя старой закалки, и им трудно было отвыкать от строгих, уже недопустимых наказаний. А вот Иван Алексеевич Колосов, молодой, представительный, одетый «гимназически», в фуражке с кокардой, играл со своими учениками пятого класса на переменах в мячик (лапту, свечи) на поляне около школы. Мы, младшие, с восхищением смотрели, как он ловко ударял по мячу, выбивая его на очень большую высоту.

Лидия Ивановна, любимица детей, занимала их незатейливыми играми: построит, бывало, ребят в большой круг, все возьмутся за руки, и вот уже кружится хоровод. Еще любимой игрой были пятнашки.

Павла Алексеевича и Софию Ивановну на переменах на улице мы не видели. В четвертом классе (1920—1921 гг.) с нами стала заниматься Варвара Павловна Синцорова, дочь Павла Алексеевича и племянница Софии Ивановны по матери.

Синцеровы — это династия учителей в нашем селе. Павел Алексеевич выучил несколько поколений, София Ивановна, сестра его жены, тоже долго учительствовала. А Варвара Павловна трудилась более сорока лет. Жили они в двух школьных зданиях. В старом — каменном одноэтажном, с полами из тяжелых каменных плит — были комната Софии Ивановны и кухня. В другом, деревянном здании, которое называлось «новая школа», две небольшие комнаты с выходом в сад занимали Павел Алексеевич и Варвара Павловна. Сад был большой, около гектара, обнесенный широкой, глубокой канавой; в саду — хорошие сорта яблонь и вишен, много пчелиных ульев. Павел Алексеевич увлекался пчеловодством.

Варвара Павловна приехала в наше село из Петербурга к отцу после окончания Бестужевских курсов и стала учительницей. В моей судьбе и судьбе других ребят она сыграла большую роль и определила пути дальнейшего нашего роста, образования и воспитания. Мы ей обязаны тем, что она, молодая, юная, духовно обогащала нас, деревенских ребят, ничего не знавших, кроме быта и жизни своего села. Помню, как мы за десять верст раз в неделю бегали на станцию однопутной железной дороги посмотреть на пытящий паровоз — вестник другого мира. Варвару Павловну до последних дней ее жизни я искренне чтил и был счастлив тем, что мог помогать ей, одинокой, престарелой. Скончалась она в Москве в доме престарелых в возрасте 95 лет. Все годы, с 1921 по 1986, я поддерживал с ней самые близкие и добрые отношения. В знак нашей дружбы Варвара Павловна подарила мне скрипку Павла Алексеевича, припоминая мое пение в хоре, которым он руководил.

В классе нас было человек 6, более всего опекаемых Варварой Павловной. В то время в торговом селе Староюрьево в двенадцати километрах от нашего села Вишневое по инициативе одного из учителей — Точилина Дмитрия Ильича, была организована народная гимназия. Затем она была преобразована в школу крестьянской молодежи, а после этого в девятилетку с профессиональным уклоном. Вот туда, в народную гимназию, и

Учительнице, Варваре Павловне Синцеровой,
от благодарного ученика

повезла нас Варвара Павловна сдавать экзамены. Кто-то дал телегу. Это был первый выезд за пределы родного села. Поехал я, Коля Чирков, Леня Плужников, Ваня Артемов и братья Володя и Александр Войшвилло — дети бухгалтера совхоза имени В. И. Ленина. Наиболее близкая дружба связывала меня с Колей Чирковым, с той поры у нас с ним навсегда установились дружные, полные искреннего доверия отношения.

Экзамены мы сдавали хорошо, Варвара Павловна потом призналась, что сильно волновалась за каждого из нас. Время при-

ближалось к вечеру, нужно было собираться к отъезду. Но тут мы увидели, что Коля Чирков горько-горько плачет, уткнувшись в угол здания. Да так горько, что мы с трудом добились у него — почему: «Всех по математике спросили, а меня не спрашивали». Варвара Павловна засуетилась, к счастью, появился математик, он же директор школы. Выяснив причину, он взял Колю за руку и повел в класс экзаменовать по математике. После экзамена он подошел к нам с Варварой Павловной, говоря: «Как же это я забыл спросить самого хорошего математика, так бойко соображающего, решающего задачи!» Коля действительно был сильным математиком в нашем классе, и человеком он был уважительным, скромным. Через некоторое время началось наше учение в средней школе. С каким трудом приходилось свыкаться с условиями, резко отличающимися от домашних! Жил я на квартире у одной простой женщины, тети Маши, была она инвалидом (ампутирована одна нога). Квартира представляла собой избу с одним залом, перегороденным дощатыми перегородками. Нас было четыре человека. Кроватей не было. Каждый вечер сами стелили себе постели на закрепленном за каждым месте. Питались коллективно, скромно, буквально впроголодь. Тетя Маша готовила нам простую пищу из наших продуктов, которые мы приносили из дома. В связи с этим мы каждую субботу после занятий всей группой отправлялись домой, преодолевая двенадцатикилометровый путь в любую погоду. В дороге всякое бывало. Наиболее задорным, как петух, был Леня Плужников, а самым неуступчивым — Ваня Артемов. Когда он устал, то говорил: «В дороге и иголка кажется тяжелой». Из дома возвращались нагруженными самыми простыми продуктами. Иногда нам помогал отец Гриши Панина. У него была лошадь, и наиболее тяжелые продукты (картофель, пшено) он привозил нам каждые две недели. Гриша Панин был у нас вроде заведующего продовольственной частью, учитывал «приход» и «расход» продуктов. Экономный был Гриша. Помню, как он расходовал постное масло. Бывало, сидим мы за столом, а он старательно размешивает в блюде кашу или картошку, приговаривая: «Не так важно масло, как важна вымешка».

Учеба в средней школе, по сути, проходила «без отрыва» от сельскохозяйственных работ. Нужно было помогать матери с 10-летней сестренкой справляться с полевыми работами, заготовкой корма единственному у нас животному — корове Машке. Умным существом была наша Машка. Но однажды произошло с ней драматическое событие — ее украли. Ночью обули все ее четыре ноги в лапти и увели со двора. Мать в ужасе. Лишили нас единственной кормилицы. Пошли искать по следам. Следы уводили с нашего огорода прямо в поле на большую дорогу.

Мать стала ходить по соседним селам искать Машку. И вот в одном селе, километров за восемнадцать от нас, кто-то сказал матери, что они видели корову с такими приметами, и указали дом, где она находилась. Мать, обрадовавшись, пошла забирать корову. Однако отдать ее категорически отказались, доказывая, что она куплена на базаре. Мать настаивала на своем. А вор упорно доказывал, что корова его. Многочисленная толпа народа собралась у этого дома. Мать заявила: «Откройте ворота. Я позову свою корову, и она обязательно прибежит ко мне». Народ поддержал ее требование. Так и сделали. Мать стала звать: «Машка, Машка, иди ко мне, иди скорее». И действительно, Машка замычала и, боязливо глядя на незнакомую обстановку, подошла к матери, стала прижиматься к ней. Мать со слезами на глазах обняла свою кормилицу и при содействии и возмущении собравшегося народа забрала ее и через день привела домой. Это событие прочно закрепилось в моей памяти.

Наиболее тяжелыми были полевые работы, сенокос, уборка урожая, их я выполнял, когда мне было 13—15 лет, почти наравне со взрослыми мужчинами.

Летние каникулы. Вспоминаю пору сенокоса, когда сельчане, поделенные на «сотни», выходили на сенокос убирать сено на доставшемся им по жребию участке. Косили, сушили, сгребали высушенную траву в копны, делили и увозили. В сенокосных работах участвовали мужчины, женщины, подростки. Дела хватало всем. Сенокос требовалось проводить дружно. Вместе со взрослыми мужчинами в длинном ряду косцов я косил, правда, косой уменьшенного размера, так что мой ряд (захват), разумеется, был меньше, чем у взрослого. Периодически меня исключали из общего ряда, давали отдохнуть, при этом мой ряд забирал следующий за мной, наш сосед, уважительный, добрый человек, сильный, высокого роста, стройный, интересный мужчина Гавриил Амелин (по-простому — Гаврюха), признанный на селе силач.

За сенокосом наступала пора уборки хлебов. У нас сеяли из озимых преимущественно рожь, а из яровых — овес и просо. Это трудная, тяжелая пора. В это время бывает нестерпимо жарко. Солнце стоит высоко и жжет отвесными лучами. Разумеется, косить рожь мне было почти не под силу. Но делать уборку за меня было некому. Дядя мой, брат матери, сделал для меня крюк, которым я косил. Это немудреная «машина»: на шесте длиной около 1,5—2 м под прямым углом плотно закреплялась коса, а в месте крепления косы к шесту (в пятке) перпендикулярно — крепкий брусок, примерно 80 см высотой, с отверстиями, в которые параллельно косе вставляются плотно закрепленные зубья из твердого дерева — клена, дуба. Зубья прочно прикрепляются к легкой перекладине, которая устанавли-

ливается вертикально на расстоянии 20—25 см от перпендикулярной основной стойки, на которой укреплены зубья. В этом месте к каждому пальцу привязывается прочный шнур, и все 7—8 таких шнуров натягиваются и в виде связки закрепляются в нужном удобном месте на шесте. Так образуется из шнуров, расходящихся из одной точки, сетка, на которую при косьбе ложится скошенная рожь и наклоном крюка сбрасывается, вернее, кладется с левой руки на стоящую, нескошенную рожь. Мать, идя за мной, ловко подбирает скошенное и вяжет снопы. Сестра, сисясь, по одному снопу стаскивает в одно место, а мы потом складываем их в копны. Когда я косил, меня не было видно во ржи, она была выше меня. Прохожие иногда спрашивали: «Матрена, а кто же у тебя косит?» Естественно, мать с гордостью указывала на меня. Она жалела нас, но вынуждена была поднимать нас с постели до зари, чтобы отправиться в поле. Тяжело было вставать, потому что еще не отступила боль в левом боку от предыдущего дня. Но мы поднимались. Я брал крюк, мать — кувшин с водой, сестра — котомку с провизией, и мы шли в поле, отмеряя по 7—8 километров.

Другим премудростям сельскохозяйственных работ обучал меня, главным образом, все тот же дядя Митя — Дмитрий Егорович Артемов, сам живший в нужде. Мать любила его за трудолюбие, доброту. Он учил, как запрягать лошадь в повозку, впрягать в оглобли, соху, плуг. Все это для меня было нелегким, потому что накинуть хомут на шею лошади я не мог, не доставал. Требовалось подвести лошадь к каким-нибудь подмосткам, обычно к телеге, и накинуть хомут. Тяжело было затягивать супонь хомута. Это прочный шнур, скрученный из сыромятной кожи, прикрепленный к одной половине хомута (клешне) в широкой части. При стягивании требовалось сделать одной ногой упор в клешню и стягивать ее до плотного соединения половин. Трудность заключалась в том, что ноги у меня еще не выросли, и я не мог достать упора. Приходилось пользоваться подставкой. Меня учили, как пахать землю сохой, плугом, сеять. И делал я это успешно, надев на шею кузов, наполненный семенами, забирал из него горстью семена и разбрасывал, шагая вперед в такт каждому выбросу. Всходы были ровные, без обсевков. Показывали мне, как готовить корм корове Машке, как пользоваться косой при измельчении соломы для корма, как чистить двор. Учили, как класть снопы в копны, кладушки, молотить рожь и просо цепом. В общем школа сельскохозяйственных работ у меня была хорошая. Все приходилось делать. Трудились много. Этот труд выработал во мне самостоятельность, уверенность в собственных силах и какую-то храбрость. Я с теплым чувством вспоминаю своего дядю, Дмитрия Егоровича, моего фактического наставника по трудовому воспитанию.

Но вернемся к школьным годам. Когда мы появились в Староюрьевской школе, уже переименованной из народной гимназии в школу II ступени — девятилетку с профессиональным уклоном, то попали к таким же, как и Варвара Павловна, заботливым и добрым людям, начиная с директора школы — Точилина Дмитрия Ильича, инициатора организации народной гимназии в 1918 г. в селе Староюрьево, в котором он в молодости работал сторожем. Ниже я о нем еще расскажу.

Село Староюрьево большое, торговое, с базарами, с небольшой железнодорожной станцией в двух километрах от центра. Поезд приходил раз в неделю, мы тогда бегали из Вишневого смотреть паровоз. У меня случайно сохранилась районная Староюрьевская газета № 4 (3412) от 11 января 1969 года, в которой имеется статья, посвященная 50-летию школы, под названием «Воспитываем молодежь на лучших традициях школы». В этой статье сказано: «... В январе—феврале 1920 года под руководством первого директора народной гимназии Дмитрия Ильича Точилина учащиеся сделали подворный обход населения Староюрьева. В результате выяснилось, что в селе было 1183 человека неграмотных, 238 малограмотных и только 13 человек имели законченное образование. Многие дети не могли получить образование лишь из-за того, что у них не было обуви и одежды. Некоторые наравне со взрослыми вынуждены были работать в поле, а отдельные родители считали, что их дети проживут и без образования». Вот и сейчас, читая эти строки, я думаю, какая в мое детское время была жизнь в деревне. И вот в таком селе Дмитрий Ильич взялся организовать народную гимназию. Сам он — выходец из бедной семьи села Шушпанка, километров 20 от Староюрьева. Вначале, в 1900—1905 гг., работал сторожем в церковно-приходской школе и одновременно упорно учился, получая начальное образование. Дмитрий Ильич, судя по всему, по натуре был сильным, самостоятельным, принципиальным молодым человеком: он был тогда активным не только в своей работе и учебе, а проявлял интерес и к «устройству» окружающей его жизни. На него обратили внимание народнически настроенные учителя и вовлекли его в политический кружок. В 1905 году за участие в этом кружке он был выслан в Вологодскую губернию. В ссылке он усиленно занимался самообразованием. В результате окончил Петербургский университет. Во время февральской революции 1917 года приехал в родные места и развил активную просветительскую деятельность. Он задумал народную гимназию для молодежи прилегающих к Староюрьеву сел и деревень. Была сформирована комиссия, в которую входили прогрессивные люди, такие как народный учитель Ненашев А. В., народный учитель Шульчев А. И., заведующий почтово-телеграфной конторой Чумаков Г. А., врач Внаровский В. В. и сам Точилин. В ко-

миссии участвовали и богатые люди, имеющие торговые лавки и магазины, с помощью которых была создана народная гимназия. Теперь она существует как десятилетка. Приятно сознавать, что твоя школа, с которой началась дорога в жизнь, существует в селе 66 лет. Учительский состав был сильным, из 10 преподавателей 7 было с высшим образованием. Учебный процесс был ор-

8-й класс Староюрьевской школы II ступени. Стоят: Ю. Точилин, И. Романов, Н. Дерягин, Н. Чирков, (?), (?), И. Михайлов, (?), (?). Сидят: (?), Г. Куликов, Игнатьев, Ф. Дубовицкий, Д. И. Точилин, учительница природоведения, сестры Сениюшкины. Лежат: И. Чудков, А. Калинин

ганизован серьезно. Уделялось много внимания ручному труду, по-нынешнему — трудовому воспитанию. Ученики работали на пришкольном земельном участке площадью около двух гектаров, разводили сад. Сажали кустарники — смородину, малину; по периметру — деревья. Разумеется, все делали школьники охотно, потому что к работе на земле ребята привыкли еще до школы. Проводились занятия по слесарному и столярному делу. Хорошо была поставлена кружковая работа, которой руководили преподаватели. Кружком занимательной физики с постановкой опытов, которые предварительно подготавливали ученики старших классов, руководил Дмитрий Ильич. Кружок природоведения вела учительница Маргарита Самуиловна Внаровская, литературный — Осмоловский и Нечаев. Существовал кружок газетной информации. В школе был очень хороший хор, в котором я

принимал активное участие. Им руководил Александр Иванович Шульчев. Мне приходилось иногда его заменять на концертах, устраиваемых в народном доме.

К участию в кружках, работавших в вечернее время, относились серьезно, а к учебе — ответственно. Учиться шли по собственному желанию, из стремления к знаниям. Дмитрий Ильич придавал исключительное значение приобретению учениками самостоятельности, активности в общественных делах. Наша школа целиком обслуживалась самими учащимися. Мы топили печи, мыли полы, чистили от снега дорожки, убрали классы. Всем этим занималось самоуправление учащихся во главе с ученическим комитетом (учкомом). В шестом и седьмом классах я был председателем учкома. Помню, в 1923 году Дмитрий Ильич возил меня в Наркомпрос рассказывать, как работает самоуправление в нашей школе крестьянской молодежи. Были подготовлены нужные схемы и диаграммы, которые иллюстрировали мой доклад. Дмитрий Ильич был доволен. Как я уже сказал, школа была сильна педагогическим составом, потому что в голодные двадцатые годы интеллигенция потянулась в деревню. Дмитрий Ильич сам приглашал известных ему по ссылке и университету преподавателей. Так в Староюрьеве появился учитель русского языка и литературы Осмоловский Александр Григорьевич, человек солидный, высокого роста, с грубыми чертами лица, но очень приятный, с громким, густым голосом. Вспоминается, как на литературном вечере, посвященном А. С. Пушкину, он, восхищенный выразительным чтением стихов Колей Чирковым, схватил его и прямо на сцене начал подбрасывать, как мячик, под одобрительные возгласы ребят. Коля был маленького роста, подбрасывать его было легко. Александр Григорьевич был нашим любимым преподавателем, всегда был с нами. Мы его любили и как добродушного, простого человека, и как блестящего оратора. Ему было лет 40.

Иван Васильевич Нечаев, тоже литератор в старших классах, внешне интересный, лет 35, с пышной шевелюрой, блондин, обладал поразительной памятью. Читал наизусть десятки страниц, причем читал великолепно, с безупречной дикцией.

С ним, убежденным пушкинистом, произошел «романтический» случай. Иван Васильевич был не прочь приударить за хорошенькими старшеклассницами. И вот приглянулась ему, я хорошо ее помню, Нюра Сенюшкина. Ее родители и братья имели солидную паровую мельницу рядом со школой. Одновременно Нюрой увлекался ее одноклассник Леонид Золотокрылин, крепкий, интересный парень, тоже из богатых. Золотокрылины имели большие склады для хранения табака, который скупали у населения и перепродавали, наверное, с большим барышом. Леонид и Нюра, как мы замечали, тянулись друг к другу, а тут возник «ро-

мантический» Иван Васильевич. Золотокрылин устроил ему взбучку и вдобавок вызвал на дуэль. Дмитрию Ильичу это доставило много беспокойства. Дуэли, конечно, никакой не было. А Нечаев вел себя так, как будто ничего не произошло.

После окончания школы обеспеченный Леонид Золотокрылин вступил в шайку бандитов, участвовал в ограблениях церкви, почтово-телеграфного отделения. Нападали они в масках. Банда была разгромлена, Золотокрылина расстреляли.

Преподавателя истории я, к сожалению, забыл, но хорошо помню, что весной и летом он ходил в пушкинской накидке — крылатке черного цвета — и в обыкновенных деревенских лаптях, в брюках навывпуск. Роста он был небольшого, подвижный. Мы его как-то сторонились. Может быть, предмет не увлекал.

В столярной и слесарной мастерской был у нас преподаватель ручного труда, интересный, но со странностями. Инженер, ходил в форменной одежде и фуражке. Как мне сейчас кажется, он больше всего объяснял устройство рубанка, учил делать табуретки.

Был у нас преподаватель животноводства и полеводства. Фамилию, имя, отчество тоже не помню. Но хорошо помню его — солидного, внушительного роста. Имел он высшее сельскохозяйственное образование и приносил на уроки хорошо сделанные плакаты различных пород лошадей и детально разобрал строение корпуса лошади, постановку ног, головы и т. д., употребляя при этом все время выражение: «рассмотрим экстерьер, например, этой лошади». Поэтому мы всегда шутили: «Завтра будет экстерьер».

Географию вела Маргарита Самуиловна Внаровская, жена заведующего больницей Внаровского, члена оргкомитета народной гимназии.

Немецкому языку нас обучала старенькая Ольга Васильевна, немка. Маленького роста, полная. Ходила всегда в очках с бледно-синими стеклами, передвигалась медленно, была строгая. Все преподаватели, и особенно Дмитрий Ильич, относились к ней с уважением и почтением. Замечательно было то, что когда она приходила в класс, то кроме учебника приносила отрезки шпата для того, чтобы подпоясать каждого ученика. В то время мы все ходили без поясов. Не возбранялось также ходить босиком. Как правило, пояс одевали через плечо, рукава рубашки засучены по локоть; такая мода продолжалась недолго, думаю, не больше двух лет.

Физику и математику преподавал Дмитрий Ильич Точилин. Это был прекрасный педагог высокой квалификации, талантливый методист, учитель, чутко воспринимающий настроение ученика, справедливый, доброжелательный, хотя и строгий. Вспо-

минаю один эпизод. Это было в 1923 году. Дмитрий Ильич вместе с хором поехал в уездную «столицу», г. Козлов. Должны были выступать в клубе железнодорожников. Перед концертом Дмитрий Ильич взял несколько самых дешевых билетов на галерку Козловского театра. Помню, было концертное выступление Ирмы Дункан. И вот, когда мы были на верхотуре, Дмитрий Ильич подвел нас к барьеру и стал указывать нам партер, разъясняя, что «в партере места были для богатых, для знати, они там разгуливали, а галерка обычно предназначалась для таких, как мы с вами; теперь советская власть, власть народная и места в партере дозволены и доступны и нам с вами». Он всегда подчеркнуто обращал внимание на открывшиеся возможности для деревенской молодежи. Он потечески относился ко мне и к Коле Чиркову. Да и вообще он сочувственно относился к ребятам из деревни. В случаях недовольства чьим-либо поведением он обычно пальцем подзывал его к себе и тихим-тихим голосом, почти шепотом, отчитывал: «Ты что же это так ведешь себя в школе, нельзя так, в школе надо хорошо учиться. Ты что же, пастухом хочешь быть?» Быть пастухом в те времена считалось не очень завидным занятием. Мы высоко чтили Дмитрия Ильича, его авторитет среди учеников, родителей и городских властей был заслуженно высоким.

В 1923 году я вступил в комсомол. Был, как я сейчас представляю, каким-то ненастоящим пионервожатым. Почему-то большая часть работы заключалась в сборах по разучиванию революционных песен с учениками младших классов и маршировке на площади во дворе школы под музыку песни «Смело, товарищи, в ногу», которую я неплохо исполнял на двухрядной гармошке. Серьезная, ответственная моя комсомольская работа в школе — это обязанности председателя учкома. Не шутка, я был членом школьного Совета. В учкоме требовалось заниматься организацией самообслуживания школы, культурной работой, проведением походов. Работа в учкоме дала мне возможность приобрести определенные соответствующие тому возрасту организаторские навыки. В 1923 году состоялся первый выпуск Староюрьевской школы. Тогда торжественно была принята клятва с такими заповедями: «О школе добрую память вечно хранить. Выпускникам и школьникам вечно дружить. Свой труд, свою профессию, как мать любить. В жизни своими делами людям счастье дарить. Вместе с партией и комсомолом нашу Родину неустанно крепить». Многие выпускники в дальнейшем плодотворно трудились и трудятся в различных отраслях народного хозяйства, науки и техники.

1923 год был полон событиями. Во-первых, как уже сказано, я вступил в комсомол. Во-вторых, произошел первый выпуск окончивших школу. В-третьих, самое неожиданное для нас — ре-

шение Дмитрия Ильича оставить Староюрьевскую школу и переехать на работу в Козлов, забрать с собой наш 8-й класс, чтобы он закончил образование под его руководством в городской школе. Это крупное, серьезное событие, и мы должны были продуманно, целесообразно все организовать. Мы, ученики, были горды тем, что Дмитрий Ильич не хочет оставлять нас и забирает с собой в уездный город. По каким соображениям было принято нашим руководителем такое решение, нам не очень было ясно. Видимо, Дмитрий Ильич ощущал внутреннюю необходимость в более активной деятельности, потребность общения с широким кругом людей высокой квалификации. Его педагогический талант, физико-математические знания, его организаторская активность требовали широты в работе, и он, по-видимому, считал, что для этого нужно изменять условия, чтобы реализовать эти желания. Зная хорошо Дмитрия Ильича, думаю, что его переход действительно обуславливался несоответствием его больших потенциальных возможностей с теми условиями, в которых находилась созданная им в селе народная гимназия, в которую он вложил много труда.

Что касается нашего класса, то Дмитрий Ильич надеялся, что он, состоящий из деревенских ребят, старательных, неизбалованных, тянущихся к знанию, поможет ему строить в новой городской школе учебный процесс на принципах, заложенных в Староюрьевской школе. Он думал, что наше старательное отношение к делу повлияет на городскую молодежь в лучшую сторону и будет ему поддержкой в коллективе. Да и хотелось ему самому завершить наше школьное образование. Кроме того, он считал важным развить коллектив учащихся Козловской школы, состоявший во многом из детей нэпманов, нами — комсомольцами, сельскими ребятами.

Когда начался учебный 1923 год, мы прибыли в город. Чувствовали себя в городской школе среди бойких, заносчивых, хорошо по-городскому одетых ребят какими-то застенчивыми и несмелыми. Не ясно было, как себя вести, хотя чувствовали уверенность в том, что не подведем нашего Дмитрия Ильича и свою Староюрьевскую родную школу.

Нам предстояло определиться с жильем. Получилось так, что все ребята быстро устроились на квартирах у городских жителей. Снимали комнаты, углы. Меня и Колю Чиркова Дмитрий Ильич поселил в школе, в комнате, где была библиотека, сделав нас ответственными за нее. Мы жили, таким образом, бесплатно. Питались тут же, в школе, у сторожихи тети Лизы, доброй, уважительной, чуткой женщины. Она жила со своей дочкой, работницей какой-то фабрики. Из нашего скромного меню я больше всего запомнил жареную картошку, приготовленную на «буржуйке»,

которой отапливалась комната хозяйки. Этим вкусным картофельным блюдом нас угощали каждое утро. Начались занятия. Надо сказать, приняли нас не очень дружелюбно, звали нас «юрчане». По-настоящему мы так и не сроднились с коллективом. Учителя относились к нам с пониманием, без нападок, потому что не было причин — учились мы хорошо. Быстро стали проявлять инициативу в общественной работе. Коля Чирков стал секретарем комсомольской ячейки, а я председателем учкома. Это в какой-то мере сближало с ребятами, понимавшими нас, а мы стремились делать все так, чтобы в школе было хорошо, относились к общей деятельности так, как наставлял нас Дмитрий Ильич.

Хочется сказать несколько слов о запомнившихся взаимоотношениях учителей и Дмитрия Ильича. Он к ним относился строго. К наиболее квалифицированным педагогам был внимателен, считался с ними. Преподаватели видели его силу как педагога, организатора, но чувствуя его сдержанность, не знали, как вступить в более дружественные деловые отношения. Чувствовалась все время между ними сдержанность, хотя Дмитрий Ильич по характеру был искренне добрым, справедливым. Он не терпел фальши. Умел держать себя в руках, так же хорошо держал и других.

В Козлове (Мичуринске) Дмитрий Ильич работал около десяти лет, поддерживая тесную связь с педагогическим факультетом Воронежского госуниверситета. Эта связь привела к тому, что Д. И. Точилин поступил на работу в ВГУ на кафедру методики физико-технического отделения педагогического факультета. Здесь он полностью отдавал свой богатейший педагогический опыт и дар воспитателя студентам, будущим преподавателям физики и математики. Первое личное знакомство Дмитрия Ильича с деканом факультета профессором Дерновым было организовано мною и Колей Чирковым. В то время мы были студентами этого факультета и хорошо знали профессора.

В 1937 году Дмитрий Ильич был выслан из Воронежа, в какие места — не знаю, но где-то он трудился на лесоразработках. После реабилитации ему разрешили снова учительствовать в средней школе, под Москвой, в Раменском. Жил на квартире. Нины Александровны, его верной спутницы жизни, уже не было в живых. В 1952 г. не стало и Дмитрия Ильича. Варвара Павловна, я, Коля Чирков и бывшие ученики Староюрьевской школы, которые жили и работали в Москве, поехали в Раменское проводить в последний путь своего учителя, доброго наставника Дмитрия Ильича Точилина.

В годы тесного общения с Дмитрием Ильичем мы уже как-то воспринимали разумное и справедливое. Мы совершенно произ-

вольно, подсознательно подражали учителю, который сочувственно относился к нам, искренне, заботливо следил за нашим ростом, развитием. Теперь думаешь, каким благотворным примером для нас, для нашего формирования в молодости был жизненный путь этого человека, из простого деревенского сторожа школы ставшего наставником молодежи. Вспоминая своих наставников Варвару Павловну и Дмитрия Ильича, понимаешь, как одарила нас с Колей жизнь, дав нам в учителя этих людей.

1925 год. Июнь. Окончена средняя школа. Я получил на руки первый в жизни документ — свидетельство о среднем образовании.

Помню торжественное вручение свидетельства. Мне по «должности» как председателю учкома пришлось заниматься организацией этого мероприятия. Но оно нас, «юрчан», как-то обошло стороной, потому что нас было мало и мы затерялись среди местных, городских. На другой день я поднялся на квартиру к Точилинам (они жили в школе, на 3-м этаже, у них было две комнаты и кухня) поблагодарить Дмитрия Ильича и Нину Александровну за их заботу и внимание ко мне и попрощаться с ними, а также с Юрой, Митей и Наташей. Юра учился вместе с нами в одном классе. Я получил искренние и добрые напутствия, особенно от Нины Александровны, обладавшей тонким даром понимания, исключительно разумного и рассудительного человека. Она настойчиво рекомендовала готовиться и поступать в высшее учебное заведение.

Трудно было расставаться с такими чуждыми людьми. Расцеловались на прощание, и я тут же отправился домой, в Вишневое. Пришел поздно вечером, отшагав сорок километров по Большой дороге в жаркий июньский день. Большая дорога (шириной приблизительно метров семьдесят) тянулась от села к селу на сотни километров, по степи, по бескрайним полям, лугам, пересекала реки, глубокие овраги, лесные дубравы. Я шел быстро, воодушевленный каким-то новым чувством самостоятельности, предчувствуя радость матери и сестры по случаю окончания средней школы.

Мне вспоминаются сказанные как-то сестрою трогательные, серьезные слова: «Федор, ты учись, а я буду с матерью». Александра Ивановна всю жизнь, ей теперь 83 года, не покидает свое родное село Вишневое. Живет в нашем обновленном доме, на том самом месте, где проходило наше детство. Муж ее, Иван Степанович Артемов — трудолюбивый, трезвый человек — увлекается пчеловодством, имеет фруктовый сад. Он старше Александры Ивановны на пять лет. Они вырастили двоих детей, моих племянников: Татьяну, теперь учительницу, в г. Липецке, и Леонида — инженера в г. Воронеже. Имеют замечательных, воспи-

танных внуков, которых с радостью встречают у себя каждое лето во время каникул. Свою сестру я высоко ценю за трезвость ума, честность, прямоту в суждениях и справедливость. Подружески люблю Ивана Степановича, простого, разумного, хорошего человека.

После средней школы началась другая жизнь. Она действительно была иной, более, может быть, осознанной, более серьезной, хотя, думаю, к жизни я всегда относился серьезно.

Дмитрий Ильич наставлял нас: «Нужно учиться дальше, но чтобы более уверенно поступить в вуз, необходимо основательно готовиться». Было решено: будем держать экзамены в вуз в 1926 году, а до этого — заниматься по физике, математике и литературе. Занимались троим: я, Коля Чирков и мой однофамилец Миша Дубовицкий, который кончал Староюрьевскую школу на один год раньше нас. Работали много, режим был напряженный. Решали все, любой трудности задачи по алгебре, геометрии, физике в найденных нами учебниках. Одновременно штудировали соответствующие разделы теории. Писали сочинение по литературе и соответствию с программой. Наметили вузы, куда будем поступать. Коля выбрал Московское высшее техническое училище имени Баумана. Почему-то ему захотелось получить специальность инженера по строительству мостов. Я намечал Московский институт народного хозяйства, электропромышленный факультет. Миша решил поступать в Воронежский ветеринарный институт. Но чем ближе наступало время подачи документов, тем более отдалялись наши мечты. У нас не было денег на поездку в Москву. Тогда мы стали просить нашего соседа, Волкова Антона Петровича — главного бухгалтера совхоза им. Ленина, где работала дядейкой мать Коли, Евдокия Васильевна, дать нам возможность заработать хоть что-нибудь. Антон Петрович предложил нам разобрать и привести в порядок запущенный архив документов бухгалтерии. Мы заработали какую-то сумму, но, по нашим расчетам, она была недостаточна для поездки в Москву. Тогда решили ехать в Воронеж поступать одновременно в два вуза. Отправили документы в университет на педагогический факультет, физико-техническое отделение (нас привлекало название «физико-техническое») и в Воронежский сельскохозяйственный институт на землеустроительный факультет. Мы представляли, что на этом факультете больше математики и физики. В начале августа приехали в Воронеж. Город нам понравился. Небольшой, в нем тогда было 150 тысяч жителей, тихий. Здание университета — бывший кадетский корпус с узкими, высокими, сводчатыми коридорами, почти метровой толщины стенами высотой в три этажа. Хороший парк с ветвистыми вековыми деревьями. Мощная чугунная двухметровой высоты ограда. Против главного здания

располагался обширный, просторный плац — открытое поле с такой же мощной оградой. Все это произвело на нас большое впечатление. Настроение у нас было приподнятое, подбодренное предстоящими экзаменами и самим городом и университетом. В исключительно благодатном месте располагался Сельскохозяйственный институт тоже с прекрасным, хорошо организованным парком. Вблизи река с крутыми берегами. Кругом хвойный лес. Хорошей архитектуры еще совсем не старое здание, красивое. Расстояние от университета до СХИ около пяти километров. Нам повезло, что приемные экзамены в университете и институте, которые шли одновременно, попадали на разные дни. Я и Коля сдавали экзамены в разные дни. Только математика в университете попала на один день. До сих пор помню строгого профессора Антона Казимировича Сушкевича.

Август 1926 года был для нас напряженным. Мы сдали экзамены и были приняты в оба вуза. Но так как в университете вывесили списки зачисленных раньше, чем в Сельскохозяйственном институте, и тут же было объявлено, что мы можем получить литературный билет на поездку домой, то, особо не размышляя, остались в университете. Получили литер и радостными поехали домой отдохнуть несколько дней.

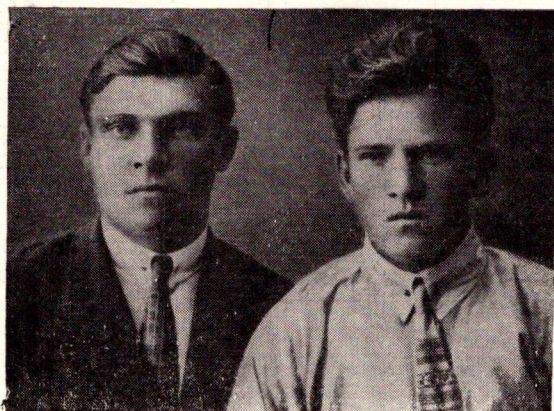
Мы — студенты университета. Для нас слово «университет» было каким-то сказочным. Думал ли кто из наших односельчан, что мы будем студентами высшего учебного заведения — университета! Наверняка, нет!

Когда мы приехали домой после экзаменов, встреча с родными была трогательной, радостной. Мамы — моя и Коли Чиркова — и сестра Александра были в каком-то растерянном состоянии. Нас спрашивали, кем мы теперь будем. Они не вполне сознавали, что мы, дети неграмотных деревенских женщин, будем учиться в университете. Но интуитивно они понимали, что дальнейшее образование их детей стало возможным благодаря новому советскому строю.

Через несколько дней возвратились в Воронеж, в университет. Знакомились с обстановкой, расписанием занятий, обошли все этажи, заглянули в аудитории, библиотеку, актовый зал. Нашли комнату, в которой оформлялись стипендии и общежитие. Мы поселились в общежитии № 4, недалеко от университета, в просторной, светлой на три человека комнате первого этажа. Во время экзаменов я и Коля Чирков подружились с Матвеем Васильевым, поступившим на то же отделение, что и мы. И в общежитии стали жить втроем дружной компанией.

Начались учебные будни недостаточно обеспеченного студента, со стипендией в 17 рублей и периодическими приработками на разгрузке вагонов с мешками муки, а большей частью —

с углем. Постоянное самообслуживание, стирка, глажение рубашек. Приличный вид брюк достигался укладыванием их на ночь под матрац. На третьем курсе нас перевели из четвертого общежития в первое, на улицу Фридриха Энгельса, в хороший четырехэтажный дом, с квадратными, чистыми, светлыми комнатами, но дальше от университета. Здесь меня и Колю разлучили. Он был поселен в небольшую комнату на два человека, а я в большую на пять человек, с двумя медиками старших курсов, одним естественником по возрасту лет на 10 старше меня и одним общественником. Жили мы хорошо, дружно. Занимались за общим столом, который стоял посредине комнаты, под висящими над ним лампами. При входе, сразу направо, около стены был другой стол, вроде обеденного, с ящиками для каждого — для различной домашней утвари. По другим стенам размещались кровати. На первом этаже была кухня, в ней готовили обеды тем, кто вносил ежемесячно деньги. На этом же этаже красный уголок, в котором проводились различного рода мероприятия и уроки танцев. Тогда я и был обучен бальным танцам.

Друзья на всю жизнь (Ф. И. Дубовицкий
и Н. М. Чирков в университете)

Воронежский университет — это бывший Юрьевский университет, основанный в 1802 году как Дерптский, а в первую мировую войну эвакуированный из города Тарту. В 1893 году он стал называться Юрьевским университетом. У нас было пять факультетов: педагогический, естественный, медицинский, историко-филологический, общественный.

Сильный и квалифицированный профессорско-преподавательский состав сложился на базе дореволюционного эстонского

университета. Отношение преподавателей к студентам было различным. Некоторые были демократически настроенными, все годы были в коллективе студентов, а некоторые — малодоступными. Хорошо помню профессора Сушкевича Антона Казимировича: небольшого роста, с животиком, с коротко подстриженными редкими волосами, в очках. В аудиторию входил быстрыми шагами, не глядя на студентов. Подходил к столу; упершись обеими руками в стол, осматривал аудиторию прищуренным, ироничным взглядом, как бы спрашивая о чем-то. Затем, ни слова не говоря, брал мел и начинал читать лекцию. Читал он математический анализ и высшую алгебру, читал сухо, строго. Конспектов своих лекций не имел. Мне запомнился только один случай, когда он воспользовался своими записями: при разборе одного довольно сложного математического правила, он вдруг остановился и несколько минут, стоя молча у доски, думал, не обращаясь к аудитории, затем рассерженно вынул из бокового кармана записочку, посмотрел и стал продолжать писать дальше. После окончания цикла лекций по определенному разделу проводилась проверка наших знаний в виде тестов: давались задачи, на решение которых отводилось определенное время в зависимости от сложности. Профессор сидел за столом, засекал время и строго, как коршун, наблюдал за студентами, а затем строго по часам объявлял, что время истекло, и тут же отбирал тетради. Через два-три дня объявлялась оценка. Некоторые решения разбирались у доски перед всей аудиторией. Сушкевича боялись студенты, а преподаватели в обращении с ним, как мы замечали, были сдержаны. После окончания университета, как обычно бывает в жизни, теряешь почти всегда связи с друзьями по курсу, а тем более с преподавателями. Но вот, к моему удивлению, через восемь лет, когда я уже работал в Ленинградском институте химической физики, мне пришлось встретиться с профессором Сушкевичем при совершенно непредвиденных обстоятельствах. Это было в 1938 году в Москве, в Доме приезжих Академии наук СССР, где я обычно останавливался, когда бывал в командировке. Проснувшись утром, я увидел, что с соседней кровати поднимается профессор Сушкевич. Делаю вид, что не замечаю его. И вдруг он обращается ко мне и говорит, что он меня знает как студента Воронежского университета с педфака физико-технического отделения. Я, разумеется, был доволен этой встречей. За завтраком, в буфете, мы разговорились. Я объяснил свое положение, он свое. Оказалось, что из Воронежа он переехал в Харьков. С тех пор мы не встречались.

Курс общей физики читал доцент Сахаров Александр Николаевич, человек лет шестидесяти, лысый, с небольшим пучком волос на затылке, высокого роста, с выраженной сутулостью. Это

был добродушный, разговорчивый человек. Студенты относились к нему с большой приветливостью и уважением. Читал лекции необычным способом: говорил и объяснял без конспекта, тут же все писал на доске, как бы диктуя сказанное. Формулировки, закончив запись, подчеркивал. Причем спрашивал: «Записали? Можно это стирать с доски?». Убедившись, что нами все записано, продолжал дальше. Создавалось впечатление, что он знал наизусть весь курс общей физики.

Запомнился мне профессор Козополянский. Читал он на естественном факультете ботанику и дарвинизм. Это был представительный, высокого роста, плотного телосложения человек, с грубыми чертами лица, с хорошей дикцией. На его лекции ломились студенты всех факультетов. Своим талантом лектора и эрудицией он увлекал нас всех, и студенты его любили за знания и душевные качества.

Руководителем нашего педагогического факультета был профессор Дернов. Плотный, среднего роста человек, с седыми густыми волосами, подстриженными «ершиком». Его специальностью была методика математики. Студенты его любили за общительность и демократичность. Как декану факультета ему приходилось иметь много дел с общественными организациями факультета и университета. Мне приходилось обращаться к профессору Дернову по общественным делам, будучи членом профкома, председателем академической комиссии. Как отзывчивый человек и хороший методист он всегда давал нужные советы по организации работы комиссии. Мне вспомнилось одно событие, связанное с Дерновым. В Воронеже в Первомайском саду была сельскохозяйственная выставка и проводилась лотерея, по которой предоставлялась возможность выиграть какое-нибудь домашнее животное. И вот профессор Дернов в эту лотерею выиграл корову, не очень упитанную, темно-красного цвета. И мы, студенты, оказавшиеся в этот момент около Дернова, под общий смех (смеялся и сам Дернов) повели корову к нему домой (дом его находился поблизости).

В университете мне приходилось почти на всех курсах вести общественную работу, профсоюзную и комсомольскую. На кафедре физики выполнял небольшую исследовательскую работу по теме «Исследование содержания радиоактивности воды источников Воронежской области». Эта работа проводилась под руководством профессора Пospelова Александра Николаевича. В 1930 году перед окончанием университета я был направлен в Ленинградский физико-технический институт, организатором которого был выдающийся физик, крупнейший организатор науки и основатель известнейшей школы физиков Абрам Федорович Иоффе. Об этом важном в моей жизни событии расскажу более подробно.

Прежде всего о самом Физико-техническом институте. После Великой Октябрьской социалистической революции, несмотря на хозяйственную разруху, Владимир Ильич Ленин обратил внимание на необходимость поддержания науки в новом Советском государстве и привлечения ее к восстановлению и развитию народного хозяйства и социалистическому строительству. В стране стали создаваться научно-исследовательские институты: Центральный авиационный институт, Оптический институт, Институт прикладной химии. В 1918 году, по предложению известного тогда специалиста-рентгенолога профессора Михаила Исааковича Неменова, совместно с профессором Абрамом Федоровичем Иоффе был организован Рентгеновский радиологический институт с включением в его состав физико-технического отдела, которым руководил А. Ф. Иоффе. А в 1921 году был создан самостоятельный Физико-технический рентгеновский институт, директором которого стал Абрам Федорович Иоффе. В составе института был физико-химический отдел, руководимый Николаем Николаевичем Семеновым.

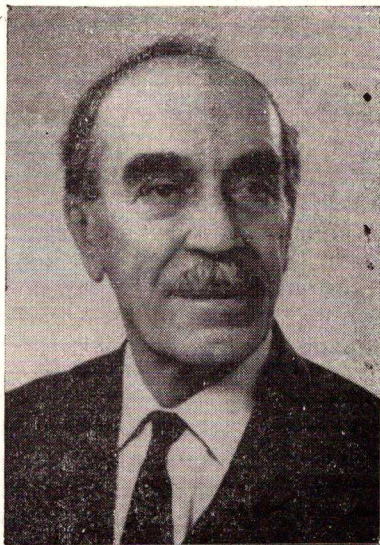
Происходит бурное развитие физико-технического института, создаются новые сектора: физико-технический — под руководством А. Ф. Иоффе, химико-физический — под руководством Н. Н. Семенова и электрофизический — под руководством А. А. Чернышова. В 1931 году эти сектора были преобразованы в самостоятельные институты*. И вот таким же образом был создан Институт химической физики с направлением: внедрение физических теорий и методов в химию, химическую промышленность и ряд других отраслей народного хозяйства. Директором становится Николай Николаевич Семенов.

Перед новым институтом, да и перед другими научными учреждениями, перед наукой в целом остро стояла проблема подготовки научных кадров. Поэтому Н. Н. Семенов, организуя институт, уделял особое внимание привлечению в науку молодежи, имеющей склонность к исследовательской работе, и не только из оканчивающих ленинградские вузы, в частности наиболее близкого к Физико-техническому институту физико-механического факультета Политехнического института, но и из провинциальных. С этой целью еще до организации института Н. Н. Семенов обратился в некоторые учебные заведения с просьбой отобрать из студентов, оканчивающих вузы по физико-математической специальности, склонных к научной работе, и направить их в Ленинградский физико-техничес-

---

* Эти и другие институты, созданные по инициативе А. Ф. Иоффе (электрофизический, музыкальной акустики, агрофизический), входили в состав Комбината физико-технических институтов, организованного по инициативе руководителя научно-технического сектора Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ СССР) Н. И. Бухарина.

кий институт. Такое обращение было получено руководителем кафедры физики педагогического факультета Воронежского государственного университета (ВГУ) профессором Поспеловым А. А., у которого я, Чирков Н. М. и Журков С. Н. работали как студенты-выдвиженцы на научную работу. Я тогда, как говорилось выше, исследовал содержание эманации радия в водах Воронежской области. Получив письмо Н. Н. Семенова, руководство факультета и кафедры решило послать нас в Ленинградский физико-технический институт. Вначале уехали Чирков Н. М. и Журков С. Н., а потом через несколько дней отправился и я.

Николай Николаевич Семенов

Место, где находился Физико-технический институт в Ленинграде, называлось Лесное. Это был хороший лесной малонаселенный район с небольшими улицами с характерными названиями: Яшумов переулок, Приютская, Ольгинская, Парголовская и т. д., застроенными простыми деревянными домами дачного типа с мансардами. Выйдя из трамвая, я стал смотреть по сторонам, разыскивая нужный мне институт. Сразу мое внимание привлекло массивное трехэтажное белое здание с высокой чугунной оградой, расположенное в сосновом парке. Это был Политехнический институт. За оградой трехэтажные дома из красного кирпича, как потом я узнал, там жили профессора Политехнического института. Я оказался на небольшой площади, где по кольцу разворачивались трамваи и отправлялись в обратный путь. Стоял, помню, около продовольственного магазина и незаметного кинотеатра «Пионер», впоследствии охотно посещаемого нами. Мне подсказали, что Физико-технический институт находится тут же, поблизости. Нужно было перейти только узенькую улицу Ольгинскую, чтобы попасть в институт. Так я и сделал. Здание института небольшое, два этажа. При входе — четыре колонны, на которые опирался полукруглый балкон с выходом на него из лаборатории ядерных исследований, руководимой, как я потом узнал, Игорем Васильевичем Курчатовым. Рядом с лабораторией был

кабинет директора института Абрама Федоровича Иоффе, а за стеной, в угловых комнатах, — его квартира.

В институте я обратился к одному из сотрудников с просьбой провести меня к Семенову. Не успел я как следует оглядеться, как кто-то закричал: «Николай Николаевич, Вас спрашивает молодой человек». Мне показалось несколько непривычным кричать на весь институт и звать директора. И тут же быстро по перилам белой балюстрады ко мне скатился энергичный человек: «Вы откуда приехали?» Я робко отвечаю: «Из Воронежского университета по Вашему письму». — «Хорошо, пойдемте ко мне домой, там и поговорим».

Придя домой, Николай Николаевич пригласил меня к себе в кабинет. Это была небольшая комната, примерно 16 квадратных метров, обставленная старой мебелью: письменным дубовым просторным столом с тумбами, с крупными резными головами львов на дверцах; диваном с высокой спинкой, с такой же резьбой, обитым кожей темно-вишневого цвета; креслом с подлокотниками и дубовой спинкой, стулом; шкафом с книгами. На письменном столе рабочий беспорядок: раскрытые книги, исписанные листы бумаги, пепельница, доверху набитая окурками и пеплом. В целом, обстановка простая. В квартире было четыре комнаты. Рядом с кабинетом большая, метров 30—35 комната, по-видимому, гостиная, в которой стоял рояль. Николай Николаевич предложил мне сесть на диван, а сам, усевшись в кресло, стал закуривать папиросу. В это время в кабинет вошел мужчина невысокого роста, плотный, в очках. Из его разговора с Николаем Николаевичем я понял, что это сотрудник института, какой-то общественный работник, оказалось — секретарь партийной организации Дружинин Вячеслав Владимирович. Николай Николаевич сказал ему, указывая на меня, что вот, мол, молодой человек прибыл из Воронежского университета по его письму. Дружинин тоже стал раскуривать папиросу. Между ними начался горячий разговор. Я чувствую, Семенов про меня забыл.

К счастью, в кабинет вошла приятная молодая просто, домашнему, одетая женщина с красивыми вьющимися светлыми волосами. Я сразу понял — это жена Николая Николаевича, потому что она по-хозяйски заметила, что беспорядок в кабинете, что безумно накурено, что от табачного дыма дышать нечем, и сказала, что пора прекратить спор, обратив внимание Николая Николаевича на меня, робко сидящего на диване. Николай Николаевич, как-то немного застеснявшись, переключился на меня. Дружинин утих и замаял свою папиросу. Я почувствовал, что он заинтересовался разговором Семенова со мной. Николай Николаевич спросил, чем я занимался на кафедре в университете, вспомнил о заведующем кафедрой профессоре Пospelове Алек-

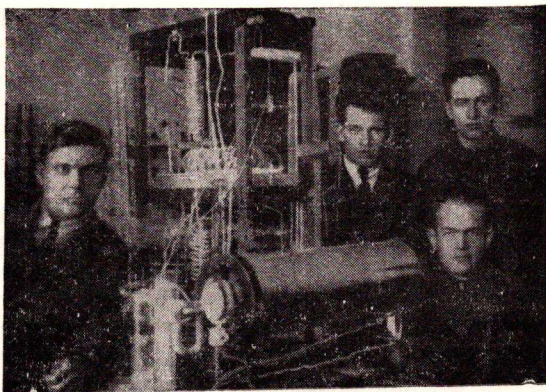
сandre Николаевиче, которого знал по совместной работе в Томском университете в 1918 г. Наталья Николаевна, так оказалось звали хозяйку дома, облегчила мое затруднительное положение, предложив мне выпить стакан чаю. Николай Николаевич, позвонив по телефону, определил меня на несколько дней в общежитие в Доме учителя, в бывшем богатом особняке князя Юсупова на Фонтанке.

На второй день Семенов повел меня в административную часть физико-технического института. Хорошо помню двухэтажный дом на углу улицы под названием «Дорога в Сосновку» и Яшумова переулкa. Первый этаж кирпичный, в котором находилась столовая. Второй этаж деревянный, в нем находилась хозяйственная часть. Я был представлен заместителю директора по общим вопросам Полосатову Владимиру Петровичу. Николай Николаевич предложил оформить меня в качестве сотрудника в физико-химический сектор и сказал мне, чтобы я его потом разыскал в главном здании института, в комнате № 66, на втором этаже. Меня тогда зачислили на полставки на должность инженера и отпустили в Воронеж заканчивать университет. Тогда такой прием на работу назывался «контрактацией». Это было осенью 1930 года. В январе 1931 года я окончил физико-техническое отделение педагогического факультета Воронежского государственного университета и был направлен на работу в Ленинградский физико-технический институт на законтрактованную должность инженера физико-химического сектора, которым руководил Н. Н. Семенов. В этот же сектор таким же путем был принят Коля Чирков. Так оказались мы вместе в одном научно-исследовательском институте, в одном секторе и в одной лаборатории, с этого момента начался наш путь в науку под руководством выдающегося ученого, активного организатора науки, тогда члена-корреспондента АН СССР, а через год — академика Николая Николаевича Семенова. Началась новая жизнь, о которой мы и не мечтали, жизнь в замечательном городе Ленинграде, в знаменитом Ленинградском физико-техническом институте, которым руководил видный ученый, советский физик. Замечательно и то, что мы с Колей Чирковым продолжали быть неразлучными друзьями и здесь.

Естественно, мы не просто входили в новую жизнь, отличающуюся от студенческой провинциальной жизни, в новую обстановку, в новый круг ученых, хотя тоже молодых, но бойких, активных, простых в обращении людей. Мы с каким-то трепетом присматривались ко всему. С какой-то боязнью принимались за исполнение поручений Семенова, а поручения им давались как-то на ходу. Рабочее место нам было предоставлено в главном здании на втором этаже, в комнате № 66, просторной, площадью примерно 40 квадратных метров. В ней размещались

экспериментальные установки Алексея Васильевича Загулина, Абрама Самойловича Соколика, Александра Алексеевича Ковальского. Меня Николай Николаевич прикрепил к Соколику, Колю Чиркова — к Ковальскому. Начали с самой простой препаратной работы: нужно было хорошенько, чисто мыть реакционный сосуд, в котором изучалась кинетика окисления; нужно было хорошо уметь смазывать вакуумные краны; одновременно в обязательном порядке в библиотеке основательно познако-

Дубовицкий, Чирков, Ковальский и Садовников
у установки

миться с книгой А. Ф. Иоффе «Техника физического эксперимента». И затем втягиваться в работу на установке. Наши эксперименты проводились на сложных стеклянных вакуумных установках. Нас настойчиво учили самостоятельно ремонтировать их, уметь паять неотчетливые узлы. Для более сложного ремонта вызывался квалифицированный мастер-стеклодув. В этой комнате мы находились одну зиму, до мая 1931 года. Зимой в комнате было холодно. Были трудности с водой. Хотя мы были на втором этаже, но напора воды не было. Приходилось ее заготавливать в большие емкости. У нас был газгольдер литров на 60. Я заполнял его водой, и мне хватало на один день, потому что воду после охлаждения ртутного вакуумного насоса Ленгмюра собирали и снова заливали в газгольдер. Однажды Николай Николаевич Семенов зашел к нам в лабораторию, в это время установка не работала из-за отсутствия воды. Тогда он стал нам показывать, как нужно засасывать воду из водопровода. Одел резиновый шланг на водопроводный кран и стал через него засасывать воду. Ему, несмотря на большие усилия, удалось засосать маленькую струй-

ку воды, которая тут же кончилась. Тем не менее нам приходилось постоянно возиться с водой, потому что при малейшем перегреве насос мог лопнуть, а при такой аварии не исключено разбрызгивание горячей ртути в комнате, что, как известно, недопустимо.

В 1931 году, 15 октября, по приказу Научно-исследовательского сектора Высшего совета народного хозяйства (НИС ВСНХ) был организован Ленинградский институт химической физики (ЛИХФ). Разумеется, институту нужно было иметь свое здание. По решению А. Ф. Иоффе ему предназначалось здание бывшего приюта, которое было занято лабораториями электрофизического сектора. Мы стали сотрудниками этого института, а вскоре — аспирантами. Кратко расскажу о начальном этапе работы Института химической физики.

Тогда, 1931—1934 гг., в Комбинате физико-технических институтов, в составе которого, как я уже говорил, находился наш Институт химической физики, в котором мы стали аспирантами, учебная работа с нами была поставлена солидно. Было организовано слушание серьезных курсов по теоретической физике, термодинамике, серьезно были поставлены занятия по философии, диалектическому и историческому материализму. Занятия проводили сильные, квалифицированные, эрудированные профессора теоретического отдела, которым руководил член-корреспондент АН СССР Яков Ильич Френкель, и отдела философии, которым руководили Васильев и Рубановский. Преподавались английский и немецкий языки. По инициативе Абрама Федоровича Иоффе была создана рабочая аспирантура. Она комплектовалась из инженеров Ленинградских заводов, изъявивших желание совершенствовать свои инженерно-технические знания. В нашем институте, в лаборатории взрывчатых веществ был рабочий-аспирант, впоследствии, после окончания аспирантуры, оставшийся в лаборатории, это был прекрасный инженер-экспериментатор. Через три года им была выполнена работа, ставшая его докторской диссертацией.

В составе аспирантов были физики, химики, математики. Все мы прибыли по окончании высших учебных заведений из разных городов: Воронежа, Казани, Минска, Еревана, Ташкента, Киева, Москвы, Ленинграда и др. Коллектив был дружный, комсомольский, сильный, потому что возраст 22—25 лет, естественно, самый творческий. Организация всех общественных мероприятий находилась в руках аспирантов и других комсомольцев, в частности молодых рабочих опытного завода. Учились мы у ученых с мировыми именами (и тех, которые эти имена приобрели впоследствии): А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенова, И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитона, С. З. Рогинского, Я. И. Френкеля, Я. Дорфман, В. Н. Кондратьева и др. Удивительно, все мы были не женаты

до окончания аспирантуры. По-видимому, это объяснялось общим укладом нашей жизни. Первое время, например, я и Коля Чирков жили в лаборатории, где находились наши экспериментальные установки. Спали на физическом столе. Это в какой-то мере стимулировало наши занятия экспериментом. Частенько в наш «дом» заходил Николай Николаевич и засиживался с нами до поздней ночи. Тогда Семенов писал свою книгу «Цепные реакции» и его волновали экспериментальные данные, которые мы должны были получать для обоснования его основных теоретических концепций по цепным разветвленным химическим реакциям. Так мы жили около полугода.

Здание ленинградской «химфизики»

Затем для нас, Арама Налбандяна, Тани Костиной, Ани Стоцкой и меня, арендовали дом дачного типа в поселке Песочное, примерно в 60-ти километрах от Ленинграда. Дом был хороший, двухэтажный, с печным отоплением. Место красивое, в сосновом и еловом лесу с ягодами и грибами. У нас был сторож. Ездили каждый день на поезде с паровозом со станции Ланская. Было тяжело. Приходилось с работы уходить поздно, часто к поезду опаздывали, потому что до Ланской добирались трамваем, приезжали в Песочное последним поездом. От станции до дома было

далеко. Особенно доставалось зимой во время снежных заносов. Так мы жили около двух лет. Затем были построены два дома на Ольгинской, 12. Один аспирантский, для одиночек, коридорного типа, с комнатами 24 и 12 квадратных метров, общей кухней и душевой. Я и Коля Чирков должны были привезти в Ленинград своих матерей, поэтому нам дали комнаты по 24 квадратных метра на первом этаже. Теперь у нас основательно улучшился быт. Мы получили возможность два раза в неделю ездить в центр города в плавательный бассейн, посещать концерты классической музыки в полюбившейся нам прекрасной Ленинградской филармонии. Любили Мариинский театр оперы и балета. Во время отпуска увлекались туристическими походами по Кавказу, Крыму. Эти походы незабываемы. У меня до сего времени в памяти путешествие в Грузию, которое мы совершили группой в 14 человек в 1933 году. Свой поход мы начали пешком из Нальчика по Кабардино-Балкарскому ущелью, по Ингуру до Северной палатки у подножья Кавказского горного хребта. Затем через Твыберской перевал на высоте около 5000 метров в Сванетию, в Местию. На перевале преодолели тяжелый, крутой подъем. Залезли мы буквально на четвереньках. Дул ветер с колючим снегом. При спуске почти скатывались, на более плоском месте шли по колену в снегу под ярким, горячим солнцем. Боялись трещин во льду, поэтому на перевале нам были даны проводники.

Пришли в Сванетию, ее столицу Местию. Остановились в палаточной туристской базе, расположенной около хорошего нарзанного источника. Тогда, в начале 30-х годов, Сванетия жила прежними устоями, прежними обычаями. Культурный уровень населения был низкий. Сванетия была почти изолирована от Центральной Грузии, потому что населенные пункты, включая и Местию, соединялись с крупными городами Грузии только тропами, а не проезжими дорогами для машин и гужевого транспорта. По тропам на выючных лошадях доставлялись в Сванетию продовольствие и промышленные товары. Верхом на лошадях, преимущественно даже на ишаках, передвигались люди по тропам Сванетии. Мы видели, как доставлялись из леса дрова на быках, впряженных в повозки на полозьях. Для колесных повозок тропы не пригодны. Строительство дорог для автомобильного транспорта тогда только начиналось, управление было какое-то непонятное. Например, самый ответственный, важный участок — транспорт, находился под началом бывшего князя. Мы его видели. Это представительный, красивый, седой, бравый сван, лощеный. Продовольственным обеспечением ведал богатый сван, имевший много земли, обрабатываемой наемным трудом. На рынке, довольно неблагоустроенном, торговали, главным образом, чачей, которую гнали тут же на самодельных аппаратах. Прокурор мог развлекаться, стреляя из ружья с балкона кур,

прогуливавшихся на улице. Для нас, ленинградских туристов, все это было непривычно, удивительно. Прошли Сванетию, прибыли в Сухуми. Из Сухуми на пароходе — в Новороссийск и домой. В целом, это был трудный поход, полный драматичных и комичных эпизодов, и все это нас ободряло, укрепляло, спланивало.

Великолепные также незабываемые походы были у нас по цветущему, полному экзотики Крыму. Обычно начинали путешествие из Севастополя, где останавливались на 2—3 дня. Шли навьюченные рюкзаками до Феодосии под палящим крымским солнцем по дорогам вдоль Черноморского побережья. Прошли все города и татарские поселки. Знакомились с достопримечательностями — музеями, заповедниками, пещерами. Для этого делали остановки на 2—3 дня на туристских базах. Хорошо было ночевать на воздухе у Черного моря. Тогдашний малонаселенный Крым 30-х годов очаровывал нас богатой живописной природой, овеивал чистым воздухом, напоенным ароматом садов, заинтересовывал колоритным татарским бытом.

Наш дружный молодежный коллектив был как-то по-особому сплочен. По-видимому, этому способствовало наше постоянное общение через аспирантуру, проживание в одном доме — аспирантском общежитии, и общность интересов в работе, научной и общественной.

В начало 30-х годов руководитель моей аспирантуры Н. Н. Семенов активно разрабатывал теорию цепных процессов и писал книгу «Цепные реакции». Поэтому нашим работам уделялось большое внимание, так как они способствовали экспериментальному обоснованию разрабатываемой Семеновым теории. Мною были выполнены работы: «О механизме воспламенения смеси водорода с кислородом»; «Природа пределов воспламенения водородно-кислородной смеси при воздействии ионизации в тихом разряде»; «Кинетика фотохимического взаимодействия водорода и кислорода», в которых экспериментальные результаты трактовались в рамках семеновской теории разветвленных цепных реакций.

Первая моя научная работа была опубликована в 1932 году. В марте 1935 года по этим работам мною защищена кандидатская диссертация. Наша лаборатория кинетики цепных реакций, руководимая Николаем Николаевичем Семеновым, стала моим родным домом. До теперешних дней я сохраняю добрую память о коллективе товарищей и руководителе, заложившем в нас любовь и страсть к науке. Лаборатория была небольшая, около 10 человек. Она разделялась на две бригады. А. А. Ковальский (старший), аспиранты Чирков Н. М., Дубовицкий Ф. И., Налбандян А. Б., сотрудник Семенова Н. Н. лаборант Самбурская

Е. Н. Другая бригада: Н. Н. Семенов (старший), сотрудники Шантарович П. С., Воронков В., Садовников П. Я., Рудой Б., Кокочашвили, Беляева, Каминская З. Мы много работали, создавая сложные методы исследования кинетики химических реакций окисления, воспламенения газовых систем, доказывая, обосновывая идеи, концепции цепного механизма этих реакций. Теперь признано, что теория цепных разветвленных реакций, созданная Семеновым, является одним из самых выдающихся достижений в химической кинетике XX века.

Закончилась аспирантура. Мы получили ученые степени кандидатов наук, стали самостоятельными научными сотрудниками лаборатории, которой руководил Н. Н. Семенов.

Во время пребывания в аспирантуре мы как-то дружно начали обзаводиться семьями. Пример показал нам Коля Чирков, следующим стал я, потом Налбандян. С запозданием женился А. Я. Апин. Трудно складывалась семья у Саши Беляева.

В 1933 году, будучи в отпуске, я сделал предложение Надежде Петровне Кашниковой, окончившей одновременно со мной естественное отделение университета и распределенной на педагогическую работу в небольшой провинциальный городок Воронежской области — Грибановку. Затем она была переведена в г. Борисоглебск преподавать химию на рабфаке. Мое предложение, после основательного его обсуждения, было принято. Пока я гостил в доме Надежды Петровны, ее мама, Евдокия Ивановна,

Надежда Петровна и Федор Иванович Дубовицкий

шила мне брюки, потому что я прибыл к ним в основательно поношенных, прохудившихся брюках. И ей, по-видимому, было неудобно смотреть на своего первого зятя (Евдокия Ивановна имела трех дочерей и одного сына) в таком одеянии. Евдокия Ивановна прожила с нами всю жизнь и всегда была жизнерадостна, активна и доброжелательна.

Жизнь, естественно, стала другой. Я готовился к защите диссертации, Надежда Петровна поступила в Институт защиты растений, который находился на Елагинском острове в 10-12 километрах от нашего дома. Ей было трудно. Много времени отнимали поездки в трамвае. Да и вообще время было тяжелое. Питание наше оставляло желать лучшего. Тем не менее мы по выходным дням отправлялись на Невский проспект по магазинам. Нам многое нужно было купить из одежды, белья, хозяйственных товаров, потому что у нас ничего не было, даже зеркало, которым пользовалась Надежда Петровна, было установлено на ящиках, покрытых связанной ей самой скатертью из белых ниток. Сестр было не на что. Имелся у нас только один казенный стул — дубовый, с кривой, плетеной спинкой, да казенная кровать с металлической пружинной сеткой. Но мы не роптали, и даже, когда ходили по магазинам, то заканчивали наше путешествие покупкой по пирожному (которое, заодно, часто служило и обедом). В этот период местный профсоюзный комитет имел право премировать сотрудников за их активную общественную работу бесплатными билетами в театр и филармонию. Я получал такие билеты, и благодаря этому при наших скудных материальных ресурсах мы много посмотрели в ленинградских академических театрах, дворцах культуры и филармонии.

В 1935 году Надя тяжело заболела. Болезнь требовала хорошего питания. Денег не было. Стали залезать в долги, не представляя, как мы будем расплачиваться. После продолжительного пребывания в больнице под наблюдением хорошего, знающего врача Кузнецовой Надя поправилась. Надо сказать, что большое участие в нас приняла Наталья Николаевна Семенова, проявившая внимание к Надежде Петровне и устроившая ее на лечение к доктору Кузнецовой, у которой она лечилась сама. После выхода из больницы были очень полезны крымские курорты, на которые Надежда Петровна ездила каждый год благодаря выделению путевок за счет социального страхования.

Через некоторое время, в сентябре 1937 года, Николай Николаевич назначил меня заместителем директора института по научной части. Я стал получать приличное жалование. Жизнь наша изменилась к лучшему и в работе, и в быту. Здоровье Надежды Петровны настолько улучшилось, что она снова стала работать недалеко от нашего дома на пироплазменной станции. Меня увлекла научно-организационная работа. Мою новую администра-

тивную, организационную роль сотрудники института, и мои сверстники, и более старшие ученые — руководители лабораторий, приняли хорошо. Хорошо относился ко мне и Николай Николаевич. Конец 30-х годов для административной работы был временем сложным, а тем более я был еще комсомольцем, беспартийным человеком, лишь в 1939 году я был принят кандидатом в члены партии.

В эти годы и сам институт бурно развивался, и складывались серьезные, ответственные, деловые научно-технические связи со многими институтами промышленных и оборонных наркоматов. Появились работы, связанные с развитием новой техники. Нужно было организовывать, создавать экспериментальные установки. Приходилось часто ездить в Москву в Наркомат нефтяной промышленности, в ведении которого находился институт до 1939 года, и другие наркоматы по разным неотложным делам. Для лаборатории Моисея Борисовича Неймана мы создали укрупненную технологическую установку для получения продукта из отходов производства синтетического каучука, нужного для протравливания семян зерновых. Для установки построили небольшое, сложное по технологии трехэтажное здание во дворе института. Загулину Алексею Васильевичу сделали стендовую установку, сложную с точки зрения техники безопасности, для создания двигателя с замкнутым циклом, требовавшегося для полетов в стратосфере. Соколику Абраму Соломоновичу строили стенд для проведения исследования процессов сгорания топлив в тракторных и автомобильных двигателях и разработки двигателей с форкамерным зажиганием. Я. Б. Зельдовичу и Д. А. Франк-Каменецкому создавали крупную установку для сжигания твердого и газового топлив с целью изучения возможности получения окислов азота и азотной кислоты из воздуха. Варшавскому Герману Ароновичу сделали сложную установку для проведения работ, связанных с созданием воздушно-реактивного двигателя. Овсею Ильичу Лейпунскому была создана установка сверхвысокого давления, на которой проводились эксперименты, доказавшие впервые в мировой науке возможность получения искусственных алмазов. В связи с жесткими требованиями к условиям проведения опытов на всех этих установках, потребовалось капитально реконструировать наше здание бывшего приюта: создать приточно-вытяжную вентиляцию, центральное отопление, реконструировать электроснабжение.

Весь этот комплекс работ был связан с общением с большим кругом учреждений и специалистов — ученых и инженеров. Для меня это стало большой школой работы с людьми, с организациями. Я чувствовал, что Николай Николаевич следил за мной, не сдерживая моей инициативы, самостоятельности. Так я, не отрываясь от лаборатории, проработал до 1940 года.

В начале 1940 года по предложению начальника технического управления Наркомата нефтяной промышленности Ленинградский горком партии утвердил меня директором Государственного института высоких давлений, Н. Н. Семенов не отпускал меня, да и я долго колебался — соглашаться или не соглашаться на такую самостоятельную работу. В конце концов, в горкоме меня наполовину уговорили, а наполовину настоятельно рекомендовали. Время тогда для директоров было сложное, тяжелое. Действовал строгий закон по укреплению трудовой дисциплины. Наказывали за опоздание на работу на пять минут, отдавали под суд за прогул. Директоров, не принимающих мер по укреплению дисциплины, отдавали под суд и строго наказывали. Государственный институт высоких давлений (ГИВД) был важен для науки и промышленности. Его создал известный химик-органик, эмигрировавший в 30-х годах в Америку, академик Ипатьев. Сложность моего положения заключалась в том, что заместитель директора института Покорский, претендовавший на эту должность, не был назначен директором, поэтому мне от него и части руководителей лабораторий, примыкавших к нему, ожидать помощи не приходилось. Покорский был хитрым человеком, его в институте называли «царедворцем». Ведущие ученые — Немцов, Молдавский, Ипатьев, Иванов, Введенский — приняли меня хорошо, добросовестно вводили меня в курс научно-технических проблем, которые решались в институте. В то время остро стояла проблема получения высокооктановых бензинов для бурно развивающейся в стране авиации, ГИВД был головным институтом по разработке научных основ и технологических процессов этой проблемы. Приходилось по-прежнему ездить в Москву в наркомат и другие смежные по проблеме организации. Институт находился в старинном, екатерининских времен здании на Ватном острове, на берегу Невы, около Тучкова моста. Для лабораторий здание было неудобным, и мне пришлось с первых дней моей работы заняться реконструкцией его, организацией благоприятных условий для работы лабораторий. Работы по реконструкции завершились успешно. Опытные установки были размещены удачно, значительно улучшились условия техники безопасности. Эта моя работа была оценена коллективом хорошо, и я чувствовал доброе к себе отношение.

Выполняя научно-организационную работу, не бросая лабораторию, я выполнял и общественную работу. Тогда я избирался членом областного комитета профсоюза Высшей школы и научных учреждений, членом Президиума ЦК профсоюза и Председателем ревизионной комиссии ЦК профсоюза работников Высшей школы и научных учреждений.

Весной 1940 года, по согласованию с председателем научно-технического отдела наркомата тов. Коламкаровым, в ведении которого находился институт, я был командирован в один санаторий ЦК профсоюза под Ленинградом произвести ревизию финансово-хозяйственной деятельности. В командировке был три дня. Пока я проводил ревизию, на меня было донесение министру тов. Седину, что директор института Дубовицкий совершил прогул, три дня не являлся на работу. Не зная, что начальник отдела дал мне разрешение, не разобравшись, министр издал приказ о привлечении меня к судебной ответственности. Естественно, мне пришлось давать объяснения. После этого приказ был отменен и мне предложили переехать в Москву возглавить другой научно-исследовательский институт. Я отказался и просил отпустить меня в мой родной Институт химической физики. Просьба была удовлетворена, и в начале 1941 года я вернулся в ИХФ.

Николай Николаевич Семенов предложил мне помогать ему заниматься организацией постановки исследований процессов сгорания топлив в автомобильном и тракторном двигателях с форкамерным зажиганием в лаборатории Абрама Соломоновича Соколика. Я стал заместителем заведующего этой лабораторией. Комплекс работ с форкамерным зажиганием в двигателях внутреннего сгорания имел большое научно-техническое значение для народного хозяйства. Такие двигатели должны были давать 13% экономии топлива — бензина — и позволяли авиационным двигателям работать на обычных бензинах. Общение по этой работе с другими институтами авиационной и автомобильной промышленности значительно расширило мой кругозор и понимание технических проблем в этих отраслях.

Наряду с неприятностями в этом году было и радостное событие: 21 марта 1941 г. у нас родился сын Валерий, теперь старший научный сотрудник Института химической физики им. Н. Н. Семенова.

К великому сожалению, этими важными, интересными исследованиями мне пришлось заниматься не долго. 22 июня 1941 года фашистские полчища вероломно напали на нашу Родину. Началась Великая Отечественная война. Накануне этого дня, вечером 21 июня 1941 г., Николай Николаевич устроил банкет для близких друзей — сотрудников института в Доме ученых в Лесном по случаю присуждения ему Сталинской премии. Тогда были учреждены эти премии за выдающиеся достижения в науке. Николай Николаевич был удостоен ею за труды по созданию теории цепных разветвленных химических реакций. На вечере была очень теплая, дружественная обстановка, непринужденная, веселая, как это обычно бывало, когда у Семеновых собирались друзья по ка-

кому-то случаю. Веселились до 4-х часов утра. И вот, когда мы шли домой, на Ольгинскую, 12, Надежда Петровна обратила внимание, что в воздухе тревожно летает много самолетов. Утро было ясное, свежее, теплое. Придя домой, мы легли спать, а в полдень по радио услышали выступление Молотова, в котором было объявлено, что немецко-фашистские войска напали на наше государство. Наступил трудный этап в жизни страны и нашего института.

Мне, пожалуй, единственному из всех нынешних сотрудников ИХФ вместе с Н. Н. Семеновым пришлось пережить все сложности и трудности большого процесса организации работы института в условиях военного и послевоенного времени, поэтому в моей биографии нельзя обойтись без описания этих тяжелейших лет, хотя трудно вспоминать те тяжелые годы. Но такая уж доля выпала моему поколению, которое росло, воспитывалось и мужало во время гражданской войны в 1918—1922 гг, во время восстановления разрушенного этой войной и без того отсталого хозяйства, во время строительства новой жизни советского государства.

К началу войны Ленинградский институт химической физики представлял собой хорошо организованное научно-исследовательское учреждение с небольшим коллективом в 249 сотрудников, из которых научных работников было 65, в том числе 9 заведующих лабораториями. Николай Николаевич Семенов, старший из нас, был 45-летним. Этот небольшой коллектив работал целеустремленно, активно. Сравнительно за короткое время, 1931—1941 гг., институт заслуженно приобрел мировую известность.

В первые дни войны многие молодые ученые добровольно ушли в народное ополчение. Многим сотрудникам были вручены мобилизационные повестки военкомата. Я и мой друг Кирилл Иванович Щелкин ушли добровольцами в военкомат для отправки на фронт. Но на второй день по требованию Ленинградского горкома партии меня вернули в институт для организации его эвакуации, а Кирилл Иванович через полгода был возвращен в институт с фронта. Были возвращены и другие научные сотрудники, а многие, ушедшие на фронт, погибли в первые дни войны (Петр Садовников, Павлов, Розинг, Черняк и др.). Сотрудники стали мобилизовываться на устройство оборонительных укреплений Ленинграда и подступов к нему. Почти целыми днями и ночами рыли траншеи во дворе института и около домов на Ольгинской улице.

В начале июля детей сотрудников института эвакуировали в г. Боровичи, около 300 км от Ленинграда. Для сопровождения детей и ухода за ними в эвакуации были выделены сотрудники института Е. Е. Чиркова и В. И. Авраменко. События на фронте

развивались так, что Ленинграду грозила блокада. В связи с этим через несколько дней после отправки детей мы получили приказ эвакуировать институт в Казань. Мне было поручено ехать в Боровичи и привезти детей обратно в Ленинград для эвакуации их вместе с родителями. Поехали мы с А. Д. Гурьевым, шофером, и сотрудником В. Г. Маркович на грузовой машине. Был теплый, солнечный день. Дороги были пустынные, кругом тишина, однако ехать было беспокойно, изредка налетали вражеские самолеты. Пришлось пробираться какими-то трудными, непроезжими дорогами. Приехав в Боровичи, мы быстро собрали детских и погрузили в машину. Я решил перед отъездом проверить комнаты, где спали ребята, и вдруг в кровати, под одеялом обнаружил плачущего мальчика, которого наши мамы забыли второпях одеть и взять. Я его быстренько, кое-как одел и вынес в машину.

Перед самым отъездом я решил отправить детей поездом, не рискуя везти их в сильно перегруженном грузовике по плохим дорогам, под страхом попасть под бомбежку вражеских самолетов, а сам с А. Д. Гурьевым и вещами ребят поехал на грузовике. Хорошо, что мы так поступили, потому что, когда мы возвращались, весь день лил сильный дождь, дороги развезло, ехать на грузовике было невозможно. Доехали до Ленинграда с большим трудом, измученные, в грязи, оборванные, потому что в пути часто приходилось рубить деревья, ветки, выкладывать дороги, чтобы выбраться из луж. Приехали мы на второй день, дети были уже дома.

Когда институт эвакуировался в Казань, директор Н. Н. Семенов распоряжением Госкомитета обороны был назначен Председателем комиссии ГКО по укреплению обороны Ленинграда.

В это время, 28 июля 1941 года, Н. Н. Семенов по согласованию с Ленинградским горкомом назначил В. Н. Кондратьева и меня старшими представителями института по сопровождению института и организации его работы на месте эвакуации в Казани. Виктора Николаевича в качестве и. о. директора, а меня в качестве зам. директора института.

Эвакуация института по условиям военного времени проходила вполне нормально. Мы имели самостоятельный поезд с товарными и пассажирскими жесткими и мягкими вагонами. В товарные вагоны было погружено все научное оборудование, демонтированные установки. Были взяты провода, трубы, кровельное железо, станки, инструменты, библиотека. В дорогу был оборудован специальный вагон-холодильник с питьевой водой. Взят был достаточный запас продовольствия.

Во время эвакуации, часть сотрудников решила остаться в Ленинграде, всего около 60 человек. К сожалению, уже после отъезда второго эшелона, в котором были А. Ф. Иоффе с женой,

Н. Н. Семенов, В. К. Боболев, Ленинград в конце августа был блокирован фашистскими войсками и выехать в Казань нашим товарищам стало невозможно. Они пережили все ужасы блокады. Некоторые умерли. В конце апреля 1942 года по инициативе вице-президента АН СССР академика Шмидта была организована бригада во главе с Б. С. Желеповым и В. К. Боболевым для отправки посылок голодающим в Ленинграде сотрудникам институтов академии. Было собрано большое количество продуктов. Они были отправлены поездом, дошли до Ладожского озера — станции Кобона. Оказалось, что по Ладожскому озеру ехать было невозможно: у берегов появилась вода. Возвратились на станцию Хвойное, отсюда на самолетах полетели с посылками в Ленинград. Бригаде поручалось вывезти из блокады тех сотрудников, которые были транспортабельны. Помню, как я встретил на проспекте Чернышевского в Казани около нашего здания двух сильно истощенных женщин, остановивших меня и чуть слышным голосом сказавших: «Здравствуйте, Федор Иванович, не узнали?» Это действительно были неузнаваемые, с потемневшими, землистого цвета лицами, Надежда Сергеевна Арсеньева — заместитель главного бухгалтера и Вера Дмитриевна Грамматчикова — заведующая библиотекой. Их вывез В. К. Боболев из блокадного Ленинграда через Ладожское озеро на пароходе, а затем они на поездах добирались до Казани в течение 3-х недель. После медицинского осмотра мы их отправили на отдых в подшефный совхоз «Осинники». Там они постепенно стали восстанавливать свои силы, выздоравливать от дистрофии. Через несколько месяцев Надежда Сергеевна и Вера Дмитриевна приступили к работе.

8 августа 1941 года институт прибыл в Казань, нас всех поселили в актовом зале государственного университета. Отсюда постепенно все семьи были расселены по квартирам граждан Казани.

Удобства жизни были самые различные. Первое время, около месяца-двух (август—сентябрь) жизнь была сносная. В магазинах были кое-какие продукты, а затем резко все изменилось. Стало очень тяжело с продовольствием, топливом.

По прибытии в Казань я сразу же отправился на прием к секретарю горкома партии. Прием был доброжелательный, хороший. Я кратко информировал о задачах, которыми занимался институт. Естественно, я больше всего говорил о создании двигателей с форкамерным зажиганием, о работах по взрывчатым веществам, по горению. Тогда в горком были вызваны директор Авиационного техникума И. В. Косарев, хороший, доброжелательный человек, и декан факультета Казанского авиационного института Сергей Васильевич Румянцев, молодой, крепкий, крас-

ношек, по-видимому, увлекающийся своей научной, педагогической и организационной работой. Им было предложено оказать мне содействие в организации исследовательских работ, и мы действительно получили неплохие помещения, в которых быстро начали ставить исследовательские работы. Нам был предоставлен аудиторный корпус университета на углу проспекта Чернышевского и Пионерской улицы. Перестройка аудиторий под лаборатории производилась силами сотрудников института. Все монтажные работы по водопроводу, канализации, электроснабжению были выполнены в течение 45 дней. Во дворе сделали бронеполосу для проведения взрывных работ. Эти работы проводились зимой в сильные морозы. Но, несмотря ни на что, бронеполоса получилась весьма удобной для работы.

Таким образом, сравнительно быстро (в течение 2-3 месяцев) была налажена работа лабораторий.

Организация работ в такое трудное время для страны, безусловно, связана с массой непредвиденных обстоятельств. Было очень трудно с материально-техническим снабжением. Приборами, реактивами и т. п. институты Академии наук, эвакуированные в Казань, снабжались централизованно Техснабом. Склады размещались в различных местах города. Поэтому доставка материалов со склада в институт при отсутствии соответствующего транспорта была очень трудной и сложной.

При эвакуации института мы взяли одну грузовую полутонную машину. Но в связи с отсутствием бензина мы не могли ею пользоваться. Тогда же было решено перестроить машину на газогенератор. На это было затрачено много времени. Этим занимался Алексей Дмитриевич Гурьев. Учитывая трудности с бензином и чурками для газогенератора, мы завели в институте лошадь с упряжью для доставки материалов со склада в институт.

По мере приближения весны 1942 года жизнь становилась все труднее и труднее. Несмотря на недоедание, приходилось выполнять много физических работ по заготовке топлива и продуктов. Выгружали огромные баржи дров, которые приходили на пристани Волги. Институт имел подшефный колхоз, в котором сотрудниками были сделаны сушилки для зерна и оказывалась другая техническая помощь. За это колхоз выделил нам землю для посадки картофеля. Проблема питания была острейшей. Из числа сотрудников были созданы продовольственные, заготовительные и распределительные комиссии. Мы вели заготовки мяса, молока, брынзы, муки, пшеницы, гороха, водки. Молочные продукты, в особенности брынзу, нам отпускал молочный завод в подшефном районе за ремонт существующего и изготовление нового оборудования и приспособлений силами мастеров института. Водку за такие же услуги отпускал институту ликеро-водоч-

ный завод «Самтрест», который тоже был эвакуирован в Казань. Все это организовано, легально доставлялось в институт и общественностью тщательно распределялось. Это значительно облегчало жизнь сотрудников. Много труда вкладывалось в выращивание картофеля в колхозе «Куралово» (тоже в Куйбышевском районе). Нам было выделено в 1942 году 8 гектаров земли, на которой была посажена картошка. Колхоз нам предоставлял лошадей для вспашки земли, посадки и рытья картофеля, а рабочая сила — целиком сотрудники института. Система была такова: на определенное время посылались сотрудники и для поддержания питания (питание в колхозе было хорошее) и для работы. Институту была предоставлена изба с русской печкой. Одновременно жили и работали 8—10 человек с весны до осени, пока не были убраны все наши огородные культуры, всего около 10 смен. Урожай весь доставлялся в институт баржей по Волге. Это очень изнурительная и тяжелая работа в дождливые осенние дни. Однако все эти трудности и неудобства как-то легко нами переносились. Коллектив был очень дружный, самоотверженный и деловой. Каждое наше мероприятие выполнялось организовано. Во всех делах чувствовалась суровость военного времени. Естественно, все это не могло не отражаться на научной работе. Тем не менее в годы войны институт вел активную исследовательскую работу по оборонной тематике.

В это время расширяются и укрепляются научно-технические контакты с отраслевыми институтами наркоматов: обороны, боеприпасов, авиации, химии, автомобильной промышленности, гражданского воздушного флота и др. Ученые отдавали свои силы решению неотложных технических задач, помогая фронту. Специалисты по горению и взрыву делали все возможное, чтобы получить самые разнообразные боеприпасы. Был организован большой комплекс работ по созданию различных суррогатных взрывчатых составов; дальнобойных огнеметов; готовились самовоспламеняющиеся огнесмеси; отрабатывались двигатели для подводных аппаратов; совместно с Казанским пороховым заводом занимались термической стабильностью порохов. Вели разработку и организацию производства каталитических горелок для обогрева двигателей танков, машин, самолетов и индивидуальных грелок для бойцов. Участвовали в работе по авиационному вооружению. Сотрудники в труднейших условиях осенью и зимой истощенные ходили за 8—10 километров на танковый полигон испытывать свои огнесмеси и отрабатывать на них огнеметы. Часть сотрудников была отправлена в Москву в отраслевые институты для проведения совместных работ по военной тематике: разрабатывали противотанковые ручные гранаты большой бризантной силы с оригинальной конструкцией спускового

механизма взрывателя, привлекались к работам по созданию ракетного оружия «катюша».

В конце 1942 года Н. Н. Семенов решил предпринять усилия по переводу института в Москву. Такие мысли у Николая Николаевича были еще до войны, в Ленинграде. Он думал одно время объединиться с институтом им. Карпова. Но как это сделать теперь, было не ясно.

В конце 1942 года я был послан в Москву для содействия работе сотрудников нашего института, прикомандированных к промышленным московским институтам, и для выяснения возможности перебазирования института из Казани в Москву.

Надо сказать, что моя деятельность, как в Москве, так и в Казани, проходила психологически напряженно. Переживал Николай Николаевич, сотрудники были беспокойны, все это обострилось тяжелыми условиями жизни в эвакуации, где сотрудники отдавали все силы, чтобы содействовать успеху на фронте. В общем, институт находился в каком-то обеспокоенном, взволнованном состоянии, что было вполне естественным, и я это понимал.

Дело о переводе института из Казани в Москву решило мое посещение заместителя министра обороны, командующего ракетно-минометными войсками. Моя просьба к нему заключалась тогда в оказании содействия с его стороны в организации и постановке работ по огнеметам в Московском институте пожарной безопасности. Ознакомившись с моими доводами о необходимости проведения названных работ в отраслевых институтах в Москве и вообще о работах института в целом, он совершенно неожиданно для меня сказал, что надо переводить в Москву не отдельные лаборатории, а институт в целом, в полном составе, и предложил мне немедленно подготовить официальное письмо от его имени президенту АН СССР академику В. Л. Комарову о переводе Института химической физики из Казани в Москву. Такое письмо мною было подготовлено, в нем обосновывалась необходимость проведения технически и оборонно актуальных работ совместно со специальными институтами и КБ, находящимися в Москве. Когда это письмо поступило в президиум АН СССР, помощник президента вызвал меня к президенту академику Комарову. Я тогда жил в гостинице «Москва» в большом 2-комнатном номере «люкс». В первой большой комнате жили сотрудники института. В другой — я и Игорь Васильевич Курчатов, ныне широко известный ученый-физик, талантливый организатор науки, под научным и научно-техническим руководством которого была создана атомная бомба в Советском Союзе и развита атомная техника. А в это время Игорь Васильевич скрытно от меня начинал организовывать свою знаменитую лабораторию № 2. Я помню, что Игорь Васильевич со своими ближайши-

ми сотрудниками ездил на большой черной машине «ЗИС». Приезжал он всегда поздно вечером и справлялся у меня о моих успехах. А когда я его спрашивал о его успехах (а я знал, что он в это время подыскивал здание для своей лаборатории), он остроумно отшучивался, меняя тему разговора. В гостинице с Игорем Васильевичем прожил я около 6-ти месяцев.

При встрече с президентом Академии наук я попросил вызвать Н. Н. Семенова из Казани. Вскоре в Москву приехал и Н. Н. Семенов. Наступила весна 1943 года. Имея письмо от заместителя наркома обороны с предложением перевести институт из Казани в Москву, президиум обратился по этому делу в Совет Народных Комиссаров. Получив принципиальное согласие от заместителя председателя Совнаркома, мы развернули активную деятельность по организации перевода института. Главное, нам нужно найти подходящее здание и хотя бы небольшое количество квартир. Для проведения этой работы Николай Николаевич остался в Москве. Жили мы с ним в одном номере гостиницы «Савой». Николай Николаевич и я очень много обсуждали и думали, как все устроить. Я хорошо помню все переживания и беспокойства об организации института в Москве. Часто в два-три часа ночи Николай Николаевич просыпался и тихонько, по-видимому, чтобы не разбудить меня, хотя я в это время не спал, брал папиросу и закуривал.

Московское здание «химфизики»

Найти подходящее здание оказалось трудным делом. Мы рассмотрели много предложений. Однажды чуть не согласились на здание Донского монастыря. Мне нелегко было убеждать Николая Николаевича не принимать поспешных решений, потому что

тогда он был как-то возбужден и готов был взять любое здание, лишь бы скорее получить решение правительства о переводе института. Я всегда отговаривал его, потому что всё, что мы смотрели, не подходило нам. Как-то вечером мы были дома у Петра Леонидовича Капицы. Зашел разговор о наших делах, и тут Петр Леонидович подал идею взять для института здание Музея народов СССР, расположенное рядом с его Институтом физических проблем. Мы ухватились за эту идею, и на второй день Николай Николаевич, Юлий Борисович Харитон — заведующий лабораторией института — и я пошли смотреть это здание. Был конец апреля 1943 года. Хороший солнечный день. На улице тепло. Появились проталинки, лужицы. Кругом тишина. В здании, где была квартира Семеновых, находилась канцелярия весьма малочисленной воинской части. Нам разрешили осмотреть здание. Николай Николаевич даже смотреть не пошел. Он сел на ступеньки южного входа галереи и сказал: «Я больше никуда не пойду. Останавливаемся на этом здании». Всех нас — Николая Николаевича, меня и Юлия Борисовича — поразили прекрасное место и хороший внешний вид дворцового здания. Но все же мы без Николая Николаевича пошли и все осмотрели. Здание состояло из двух частей: главной, двухэтажной дворцовой части с мраморной лестницей и хорошей дорогой люстрой и длинной галереей, двухсветной, в 7 метров высоты и 60 метров длиной, в которой располагались павильоны народов СССР. В этой галерее теперь размещена основная лабораторная часть института. Все помещения мы вымерили шагами. Прикинули, как можно разместиться, какие предстоят работы по реконструкции, потому что здание не имело водопровода, канализации и центрального отопления. Не было силовой электрической подводки. На месте мы определили, что из галереи, углубив ее на полметра и перекрыв, можно сделать два этажа. В общем, мы решили просить это здание, несмотря на все трудности, связанные с его реконструкцией. Уж больно хорошее место на Ленинских (Воробьевых) горах. Вскоре мы пошли в Ленинский РК КПСС просить здание музея для института. Нас принял второй секретарь РК КПСС. Он был приветлив, просьбу поддержал и в дальнейшем помогал нам в оформлении дел по передаче здания. Не откладывая, мы на квартире Капицы написали письмо председателю комиссии по научно-техническим вопросам КГКО и зам. председателя Совнаркома с проектом постановления о переводе института. 2.05. 1943 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров о переводе Института химической физики в Москву.

В дальнейшем наступил другой, пожалуй, более трудный этап проектирования и строительства института с одновременным поддержанием работы в Казани. При содействии академика

П. Л. Капицы удалось разместить заказ на проектирование в мастерской крупного архитектора Б. М. Иофана. Строительные работы по постановлению Совнаркома выполнял Главвоенстрой Министерства обороны.

1943 год для института был наиболее сложным в его научной, научно-организационной и хозяйственной деятельности.

Решение перевести институт в Москву некоторыми сотрудниками ставилось под сомнение. Нужно сказать, что небольшая, не ведущая, не основная часть сотрудников желала вернуться в Ленинград. Они до войны не работали в ИХФ, а вошли в наш коллектив во время эвакуации.

Николаю Николаевичу и мне нужно было проводить большую организационную работу по созданию института в Москве, заниматься работами, которые велись в отраслевых институтах в Москве, решать многие вопросы научной деятельности института в Казани, разрешать непрерывно возникающие вопросы быта сотрудников как в Москве, так и в Казани. Все это складывалось в большой комплекс организационно-хозяйственных и научно-организационных проблем. Возникла переписка между Москвой и Казанью. В этих письмах рассказывалось о жизни сотрудников в то суровое военное время, когда они отдавали свои силы, делали все возможное для фронта, выполняли трудную работу по демонтажу оборудования во время эвакуации из Ленинграда в Казань и переезда из Казани в Москву, созданию лабораторий в Казани, а затем в Москве, вкладывали огромный физический труд в обеспечение себя продуктами питания, топливом. В этих письмах отражалась сложная, невероятно трудная жизнь, в то же время наполненная оптимизмом, и наших сотрудников, и всего советского народа в военные годы. Вспоминаются радостные дни победы Советской Армии на фронтах под Москвой, Сталинградом, Курском и др., беспокойство сотрудников об институте и своей работе, устройстве жизни в трудных условиях военного времени. Ведь перед каждым, несомненно, возникал вопрос, если возвращаться в Ленинград, то это значит в свой дом, в свою оставленную квартиру, в свой родной город, а в Москве пока неизвестно, как сложится жизнь. Беспокоил многих вопрос, как будет практически происходить сам переезд. В переписке ставились и разрешались вопросы служебные, общественные, личные.

Меня тревожили письма от моей семьи, оставленной в Казани. Надюша была нездорова. Имея на руках маленького Валерика, которому было около годика, переносила невероятные трудности, кормить маленького было нечем. Хозяйка квартиры к ним относилась плохо, недоброжелательно. Нужно было принимать какие-то меры — перевозить их в Москву. В 1943 году стало трудно удерживать сотрудников от желания перебраться

из Казани в Москву. Но куда переезжать, когда у нас не было пригодного для жилья помещения. В здании не было тепла, воды. Электроосвещение было слабое, то и дело выходило из строя. Но некоторых сотрудников нам нужно было по работе иметь в Москве. Поэтому небольшая часть была переведена в Москву без семей. Нам удалось расселить их в принадлежащей Академии наук гостинице «Якорь» на улице Горького, в двух служебных помещениях президиума АН СССР, в одной квартире президиума и в Доме приезжих Академии наук на Кропоткинской набережной. В этом доме, в небольшой комнате была помещена и моя семья. В конце 1943 года, как только предоставленное нам здание Музея народов СССР было освобождено от экспонатов и библиотеки, мы начали перевозить сотрудников с семьями и селить по две-три семьи в комнатах, в неблагоустроенном здании без отопления и воды. Для обогрева ставили «буржуйки» с выводом труб в окна. В это время мы начали перестраивать небольшие складские помещения под квартиры. Было построено 12 квартир. Одновременно с этим строили два стандартных деревянных 12-квартирных дома на площадке института. К лету 1944 года мы смогли расселить с временным подселением более 50 семей. В 1945 году стали получать квартиры от Моссовета. Так, к концу 1945 года мы перевели институт полностью из Казани в Москву, со всем плохоньким оборудованием и с хорошими, квалифицированными сотрудниками. Это было второе переселение института: из Ленинграда в Казань и из Казани в Москву. Огромный физический труд ложился полностью на плечи сотрудников. В Москве коллектив сотрудников активно, так же самоотверженно, как и в первые дни войны, начал организовывать свою научную деятельность. Николай Николаевич стал жить в хорошо спланированной, добротной квартире в самом главном здании. К нему временно были подселены две семьи.

После того как в Москве стали, хотя и плохо, обживать, решили забрать уцелевшие в Ленинграде остатки институтского оборудования. Мебели не осталось, все было сожжено. Чудом Алексей Васильевич Загулин сохранил кабинет Н. Н. Семенова, который и теперь находится в институте, на Воробьевском шоссе. Алексей Васильевич рассказал мне, что всю мебель он с трудом переправил в находившееся рядом с нашим институтом пустое здание больницы, в котором входные двери заложил снегом, облил водой, т. е. заморозил. За оборудованием я поехал вместе с К. И. Щелкиным, А. Я. Апиным и С. М. Когарко. Оборудования почти не осталось. Мы взяли кое-что из лабораторной аппаратуры, кабинет, домашнюю мебель Семеновых, рояль и др. Тут у нас случилось небольшое происшествие. В рабочей комнате Г. А. Варшавского на стене висел небольшой сейф. Кирилл Иванович Щелкин снял его и понес в машину, куда

мы погрузили свое добро. Когда он бросил сейф в машину, из него полилась жидкость — керосин, с мелкими кусочками натрия. Часть попала на Кирилла Ивановича, тут же воспламенился его пиджак. К нашему счастью, во дворе была куча песка. Кирилл Иванович начал кататься по песку, мы тоже обсыпали его песком. Пламя на нем заглохло. Смотрим, в грузовой машине тоже появились языки пламени. Мы бросились разгружать машину, гасить огонь. Погасив, снова загрузили машину и повезли все на Октябрьский вокзал сдавать в багаж для отправки в Москву, при этом очень боялись, как бы снова не возник огонь из-за частиц натрия, возможно, застрявших в кузове машины.

В Москве по-прежнему остро стояла проблема продовольственного обеспечения. Стали заниматься огородами. Для этих целей на пустырях, вблизи института разработали целое поле для посадки картофеля, капусты, огурцов и других овощей. Даже на большой клумбе напротив главного здания был огород Н. Н. Семенова. Помню, на этом месте у них росла хорошая капуста. Для хранения овощей на территории института сотрудники построили овощехранилище, которым пользовались и после войны, до 1982 года.

Так началась жизнь института в новых условиях во время войны и после ее окончания. Коллектив интенсивно вместе с военными строителями завершал строительство лабораторных помещений; в 1946 году институт получил нормальные лабораторные помещения, начали дружно ставиться экспериментальные работы по новым научным направлениям. На институт были возложены исследования по созданию методов измерения эффектов действия атомного взрыва. Возглавил эти работы Михаил Александрович Садовский.

В 1946 году, в силу сложившихся обстоятельств, мы мирно разошлись с Николаем Николаевичем. Мне пришлось перейти на работу во вновь создаваемый Институт физической химии под руководством большого друга Николая Николаевича академика Александра Наумовича Фрумкина на должность заместителя директора по научной части. Мой уход из Института химической физики, в котором я начал свою научную, трудовую деятельность под руководством Николая Николаевича, не имел серьезных причин. Мои отношения с Николаем Николаевичем и коллективом сотрудников оставались по-прежнему дружественными, теплыми. В Химфизике под моим руководством продолжалась работа по изучению закономерностей горения взрывчатых веществ при сверхвысоких давлениях.

В Институте физической химии предстояло вести сложный комплекс новых для меня работ по созданию уникальных экспериментальных установок, производственно-технической базы и общего хозяйства. Александр Наумович Фрумкин был исключи-

тельно организованным, собранным, пунктуальным, корректным, высокой культуры человеком. Мы дружно и плодотворно работали. Был организован высококвалифицированный коллектив сотрудников, построены на высоком уровне лабораторные и производственно-вспомогательные помещения. В целом создан хороший, с актуальной научной тематикой институт. Но в институте была, я бы сказал, небольшая группа ученых, которая не хотела принимать Фрумкина в качестве директора. И это наносило определенный вред общему делу. Четыре года я и А. Н. Фрумкин сплоченно, продуктивно работали. Но с 1949 года враждебная Фрумкину группа активизировалась, воспользовавшись сложившимся неправильным, вредным для государства отношением директивных органов к определенным научным направлениям и к их представителям — крупным ученым, в частности, в области биологической науки. Придумывались обвинения в космополитизме — преклонении перед буржуазной, западной наукой.

1949 год был тяжелейшим годом для большей части ученых страны. А. Н. Фрумкин был отстранен от обязанностей директора института.

В 1950 году я был вынужден перейти на работу в Московский государственный университет. Проректор университета академик С. А. Христианович предложил мне должность заместителя декана по научной работе физико-технического факультета, который был создан в 1947 году специально для подготовки инженеров физиков-исследователей преимущественно для атомной техники.

В 1951 году факультет был преобразован в Московский физико-технический институт. Мне было предложено исполнять обязанности директора института. В течение двух лет я вел научно-организационную работу по созданию института. Мною был проведен первый выпуск специалистов и сделан первый набор студентов в институт. Первые выпускники начали свою подготовку еще на физико-техническом факультете МГУ, а закончили уже МФТИ. Но я понял, что для меня, воспитанника научно-исследовательского учреждения, деятельность в высшем учебном заведении — неподходящая «стихия». Поэтому в начале 1953 года я вернулся в родной Институт химической физики. Этому способствовал и Николай Николаевич Семенов. Я снова энергично занялся изучением кинетики химических реакций, но уже не газовых систем, а кинетикой термического разложения конденсированных взрывчатых веществ.

Эти работы были связаны с решением важных прикладных проблем новой техники. В Институте химической физики на Воробьевском шоссе не было места, где бы я мог собрать свою установку. Поэтому первое время, в течение года, проводил иссле-

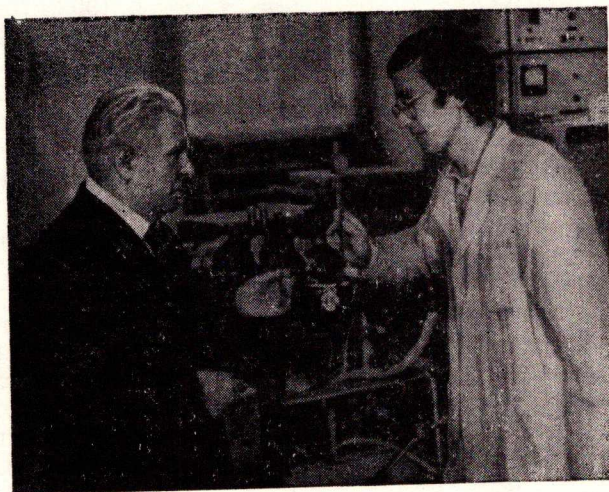
дования в Технологическом институте им. Д. И. Менделеева, в лаборатории профессора К. К. Андреева. В 1954 году перебазировался в институт, в комнату № 66 лаборатории моего друга Николая Михайловича Чиркова. Работа пошла хорошо. К собственному удивлению обнаружил, что мои навыки экспериментатора не пропали за время долголетней, главным образом, научно-организационной работы. Я с увлечением занялся экспериментом, создавая и совершенствуя кинетические методы исследования. Начал я с одним лаборантом. А в конце года у меня появился молодой специалист-химик Оля Голованова, окончившая химический факультет МГУ. Работы успешно стали развиваться. Была расширена лабораторная площадь до 49 квадратных метров (одна большая двухмодульная комната). Появились новые сотрудники: Г. М. Назин, А. Г. Мержанов, В. А. Струнин, Л. П. Смирнов — молодые, исключительно способные. Мне приходилось много с ними работать. Нужно было каждому определить задачу, наладить методику эксперимента, обучить самому эксперименту. Мы получали результаты интересные в научном отношении и нужные практически. В группе появился Г. Б. Манелис, окончивший аспирантуру в институте под руководст-

Очередное выступление о перспективах Черногловки

вом Н. М. Чиркова. В моей группе стало около 30 человек. И на базе этой группы в 1956 году была создана под моим руководством лаборатория термического разложения взрывчатых веществ. В это время стали значительно развиваться работы по процессам горения и взрыва ВВ и порохов в других лабораториях. Расширились масштабы исследований. При этом постанов-

ка части работ была ограничена по условиям техники безопасности в институте.

Научные будни (Ф. И. и Л. А. Федотов)

В связи с этим и с другими задачами, появилась необходимость в создании экспериментальной базы вне Москвы, позволяющей проводить взрывные работы в сравнительно большом масштабе.

В конце 1955 года был поставлен вопрос перед президиумом АН СССР и правительством о строительстве научно-исследовательского полигона при Институте химической физики. А в феврале 1956 года вышло постановление правительства, разрешающее создание н/и полигона. Все дела по организации этой экспериментальной базы (н/и полигона) директор института Н. Н. Семенов поручил мне, назначив меня заместителем директора института по руководству научными и научно-организационными делами в Филиале ИХФ (так была названа тогда загородная база).

Эта работа оказалась самой ответственной и важной во всей моей научно-организационной деятельности. Не буду описывать весь сложный, почти 30-летний период моей жизни и деятельности, связанный с преодолением больших трудностей на всех этапах организации, проектирования и строительства на большой лесной территории площадью в 2000 гектаров крупного научного учреждения, подбора и подготовки научных, производственных и технических кадров, становления научной тематики,

Дубовицкий, Мержанов и Атовмян

создания вспомогательных служб, обеспечения быта сотрудников.

В 1962 году после посещения нашего филиала президентом АН СССР академиком М. В. Келдышем президиум АН СССР принял решение создать на базе Филиала Института химической физики другие институты и объединить их в один научный центр физико-химического профиля. Я был назначен президиумом Академии наук СССР Уполномоченным президиума АН СССР по Ногинскому научному центру. Это значит, что я от имени президиума Академии наук СССР должен был выполнять всю организационно-хозяйственную деятельность центра, его строительство и обеспечение работы всех общецентровых организаций — здравоохранения, обра-

зования, торговли, дошкольного воспитания, быта. Эти обязанности мною выполнялись в течение 25 лет. В начале июля 1986 года я обратился в президиум АН СССР с просьбой освободить меня от обязанностей уполномоченного.

«Президенту АН СССР академику А. П. Александрову.

Глубокоуважаемый Анатолий Петрович!

На протяжении 30 лет бескорыстно, только в интересах развития науки и оборонной техники мною вкладывался сложный, тяжелый, большой труд — научный, научно-организационный и хозяйственный — по созданию под Москвой в Черноголовке Филиала ИХФ и на его основе других институтов ННЦ. Теперь в системе Академии наук СССР есть хорошо организованный научный центр с сильным коллективом сотрудников в несколько тысяч человек. Я не роптал на трудности. Я доволен самой работой и ее результатами. Я доволен и благодарен руководству президиума АН СССР. Сейчас я прошу Вас освободить меня от обязанностей Уполномоченного президиума по Ногинскому научному центру. По-видимому, стал уставать, да и возраст приближается к 80-ти.

3.07.86 г.

Ф. Дубовицкий».

Первого августа 1986 года постановлением президиума АН СССР моя просьба была удовлетворена.

«Президиум Академии наук СССР

Постановление

1 августа 1986 года

№ 1108

г. Москва

Об освобождении члена-корреспондента АН СССР Дубовицкого Ф. И. от обязанностей Уполномоченного президиума Академии наук СССР по Ногинскому научному центру АН СССР.

Членом-корреспондентом АН СССР Дубовицким Ф. И. с момента назначения его в 1962 году Уполномоченным президиума АН СССР по Ногинскому научному центру АН СССР проделана большая работа по организации строительства крупного комплекса научно-исследовательских институтов в поселке Черноголовка Московской области. В настоящее время Научный центр объединяет семь научно-исследовательских институтов и Экспериментальный завод научного приборостроения, в которых работает около восьми тысяч сотрудников. Институтами центра проводятся успешные исследования по ряду фундаментальных и прикладных проблем физики, химии, биологии, минералогии.

Осуществлено строительство благоустроенного жилья и сети культурно-бытовых учреждений, что обеспечивает нормальные

условия для труда и отдыха сотрудников центра и членов их семей.

На праздничной демонстрации

Наряду с этим под руководством Дубовицкого Ф. И. все эти годы проводились широкие исследования в области химической физики и новой техники. Полученные результаты явились существенным вкладом в народное хозяйство страны. Большая работа проводится Дубовицким Ф. И. по подготовке высококвали-

фицированных научных кадров в Институте химической физики АН СССР и Московском физико-техническом институте.

Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Удовлетворить просьбу члена-корреспондента АН СССР Дубовицкого Ф. И. об освобождении его от обязанностей Уполномоченного президиума АН СССР по Ногинскому научному центру АН СССР.

2. Объявить члену-корреспонденту АН СССР Дубовицкому Федору Ивановичу благодарность за многолетнюю плодотворную работу по созданию и развитию Ногинского научного центра АН СССР.

Президиум Академии наук СССР желает Дубовицкому Федору Ивановичу дальнейших успехов в развитии химической науки на посту заместителя директора Института химической физики АН СССР.

Президент АН СССР

академик

А. П. Александров

И. о. Главного ученого
секретаря президиума
Академии наук СССР

член-корреспондент АН СССР
А. С. Хохлов

26 февраля 1987 года вышло Распоряжение президиума АН СССР № 10105—307 об установлении возрастного ценза на занимаемые руководящие научно-организационные должности:

Распоряжение президиума АН СССР № 10105—307
от 26 февраля 1987 г.

г. Москва

О порядке замещения руководящих должностей и дальнейшем улучшении работы с научными кадрами в Академии наук союзных республик

ЦК КПСС и Совет Министров СССР Постановлением от 5 февраля 1987 года № 174 в целях совершенствования состава научных кадров в Академии наук СССР и академиях наук союзных республик:

1. Приняли представленные президиумом Академии наук СССР предложения по кадровым вопросам:

а) в институтах и других научных учреждениях Академии наук СССР руководящие научно-организационные должности директоров и заместителей директоров институтов, директоров и заместителей директоров филиалов и отделений институтов, заведующих отделами, лабораториями и секторами могут быть

заняты лицами, не являющимися членами Академии наук СССР, в возрасте не старше 65 лет;

действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук СССР могут занимать указанные научно-организационные должности до 70 лет;

б) действительные члены Академии наук СССР, занимающие должности директоров институтов и внесшие выдающийся вклад в науку и организацию научных исследований, достигшие 65-летнего возраста, могут быть назначены президиумом Академии наук СССР почетными директорами институтов;

действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук СССР, являющиеся руководителями научных учреждений, их заместителями, заведующими структурными подразделениями, достигшие 65-летнего возраста, могут быть по решению президиума Академии наук СССР назначены советниками при дирекции института».

Нужно сказать, что освобождение от руководства научными подразделениями ученых высокой квалификации, создавших научные направления и плодотворно работающих со своим научным коллективом, осуществлялось с определенными затруднениями.

В мае 1987 года, учитывая это распоряжение, я обратился к президенту Академии наук СССР академику Марчуку Г. И. с просьбой освободить меня от занимаемой должности заместителя директора Института химической физики:

«Глубокоуважаемый Гурий Иванович!

В соответствии с распоряжением президиума АН СССР от 26.02.87 г. № 10105—307 прошу освободить меня от занимаемой должности заместителя директора по научной части Института химической физики АН СССР и предоставить другую должность советника дирекции Института химической физики АН СССР».

Пятого октября 1987 года вышло постановление № 138 бюро Отделения общей и технической химии АН СССР, по которому я был освобожден от должности заместителя директора по научной части Института химической физики, а 12 декабря 1987 года по постановлению президиума АН СССР назначен на должность советника директора ИХФ. Деятельность советника в Академии наук обозначена следующим положением:

Положение о советниках и почетных директорах института в системе Академии наук СССР:

Институт советников создается для сохранения и укрепления связи членов Академии наук СССР, освобождающихся от научно-организационных должностей в связи с достижением предель-

ного возраста, с коллективом своего института для продолжения их творческой деятельности.

I. Права и обязанности советника при дирекции института:

I.1. Советник при дирекции института назначается президиумом АН СССР из числа действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР, освобождаемых от научно-организационных должностей в соответствии с пунктом I, подпункт «а» постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 года № 174.

I.2. За советником сохраняется размер должностного оклада по последней научно-организационной должности, на которую он был избран или назначен, оплата за звание члена АН СССР, а также все материально-бытовое обеспечение (автотранспорт, предоставление рабочего кабинета, телефонно-телеграфной связи, обеспечение научной литературой, оборудованием, материалами, реактивами, обеспечение его и членов семьи медицинским и санаторно-курортным лечением и др.).

I.3. При желании советник назначается руководителем неструктурного подразделения института — «группа советника», которая оказывает ему помощь в научно-исследовательской и организационной работе. Количественный и персональный состав группы утверждается приказом директора института.

I.4. Советник может быть назначен руководителем по конкретной научно-исследовательской теме, выполняемой в институте, при этом он несет ответственность за качество и сроки ее выполнения.

I.5. Советник может организовывать постоянные или временные семинары, а также рабочие совещания, опираясь на материальную базу института в рамках принятой в институте системы. На основании распоряжения президиума АН СССР, бюро Отделения или приказа по институту он может быть назначен председателем или членом оргкомитета по проведению конференции, симпозиума или другого совещания.

I.6. Советник принимает участие в международном сотрудничестве ученых (съездах, конференциях, симпозиумах, рабочих совещаниях и др. мероприятиях), организуемых по планам Академии наук СССР, ГКНТ или других министерств и ведомств страны.

I.7. Советник может быть избран членом бюро Отделения, назначен членом ученого совета института, членом редколлегии журнала, председателем или членом научного совета АН СССР, председателем или членом межведомственного научного совета».

В мае 1988 г. я освободился от заведывания лабораторией кинетики разложения взрывчатых веществ, и по моей рекомендации вместо меня был назначен старший научный сотрудник лаборатории доктор химических наук Борис Львович Корсунский.

После этого я обратился с просьбой к директору Института химической физики академику Ю. А. Буслаеву:

«Глубокоуважаемый Юрий Александрович!

В соответствии с распоряжением от 26.02.87 г. № 10105—307 президиума АН СССР, прошу освободить меня от обязанностей заведующего отделом горения и взрыва. Со своей стороны рекомендую на эту должность доктора химических наук, профессора Манелиса Георгия Борисовича».

Двадцатого апреля 1989 года Георгий Борисович был назначен заведующим отделом горения и взрыва.

Освободившись от организационной, административной работы, я получил возможность осуществить давнишнее желание написать книгу о родном мне Институте химической физики за 60 лет его деятельности.

Для подбора материала, его обработки, написания полного текста потребовалось около трех лет. В апреле 1992 года в издательстве «Наука» вышла из печати книга под названием «Институт химической физики. Очерки истории».

Я доволен, что она с интересом принята коллективами нашего и других институтов Российской Академии наук.

В процессе моей многолетней научной, научно-педагогической и научно-организационной деятельности мой труд отмечался правительственными наградами: орденом Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалями. Мне присуждались Государственные премии СССР в 1970 и в 1986 годах, премия Совета Министров СССР в 1981 г. Присуждались ученые степени и звания: в январе 1962 года присуждена ученая степень доктора химических наук, в феврале 1968 года утвержден в ученом звании профессора, 15 марта 1979 года избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Я прожил долгую жизнь, работая в Институте химической физики. Он вырастил меня, и я надеюсь, что, отдавая себя целиком Институту химической физики, не остаюсь перед ним в долгу.

Я счастлив тем, что, будучи более сорока лет заместителем такого директора института, как мой учитель Н. Н. Семенов, вместе с ним переживал радости, трудности и огорчения на всех этапах сложного процесса развития института.

Нельзя сказать, что вся моя деятельность проходила без сучка и без задоринки. Мне приходилось переживать незаслуженные, унижающие человеческое достоинство обиды. Но все это, мне думается, пережито с достоинством; я не жалею на свою судьбу, и я благодарен ей, что она свела меня с моими добрыми, благородными наставниками: сельской учительницей Варварой

Павловной Синцеровой, преподавателем математики директором средней школы Дмитрием Ильичем Точиным и с незабвенным моим учителем и другом, выдающимся ученым современности, академиком, лауреатом Нобелевской премии Николаем Николаевичем Семёновым.

Если бы меня спросили, что я считаю главным результатом из всего того, что сделано в науке за всю мою трудовую жизнь, я бы сказал: «Создание Филиала Института химической физики в Черноголовке, постановка и развитие в нем научных направлений, создание сильного, квалифицированного научного коллектива; организация на основе Филиала Ногинского научного центра Академии наук СССР физико-химического профиля, в котором теперь плодотворно проводят работу десять институтов Академии наук СССР и Завод научного приборостроения».

Таков мой жизненный путь.

Есть, что сказать Ф. И. Дубовицкому,
подводя очередной итог

**ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ДУБОВИЦКОГО**

Родился 20 февраля 1907 года в селе Вишневом, Староюрьевского района, Тамбовской области.

1922—1926 гг. — Учился в Староюрьевской школе крестьянской молодежи, затем в Козловской школе-девятилетке с общественно-педагогическим уклоном.

1923 г. — Вступил в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Июнь 1926—июль 1927 гг. — Работа дома. Подготовка в вуз.

1927—1931 гг. — Учился на педагогическом факультете физико-технического отделения Воронежского государственного университета.

1931 г. — Окончил Воронежский государственный университет по физико-техническому отделению педагогического факультета. Присвоена квалификация педагога по математике, физике на рабочих факультетах, в техникумах, ФЗУ и аналогичных им по программам учебных заведений.

1931—1935 гг. — Аспирант Ленинградского института химической физики. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук.

1934 г. — Делегат Первой всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательских работ (Москва).

1935—1937 гг. — Старший научный сотрудник Ленинградского института химической физики.

Февраль 1937—февраль 1940 гг. — Заместитель директора по научной части Ленинградского института химической физики.

1939 г. — Принят кандидатом в члены Коммунистической партии.

1939 г. — Делегат съезда работников Высшей школы и научных учреждений (ВШИНУ).

1939—1947 гг. — Член президиума профсоюза ВШИНУ.

1939—1949 гг. — Член Центрального комитета профсоюза ВШИНУ, председатель ревизионной комиссии ЦК профсоюза.

Февраль 1940—октябрь 1940 гг. — Директор Государственного института высоких давлений (ГИВД) в Ленинграде.

Октябрь 1940—сентябрь 1941 гг. — Старший научный сотрудник Института химической физики.

Сентябрь 1941—декабрь 1945 гг. — Заместитель директора по научной части Института химической физики (Казань, Москва).

Август 1943 г. — Принят в ряды Коммунистической партии.

01.07.45 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом «Знак Почета».

Декабрь 1945—декабрь 1949 гг. — Заместитель директора по научной части Института физической химии.

23.02.46 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Декабрь 1949—июль 1950 гг. — Заместитель начальника специальной лаборатории № 6 Института физической химии АН СССР.

Октябрь 1950—апрель 1951 гг. — Доцент, заместитель декана по научной работе физико-технического факультета МГУ.

1951 г. — Утвержден в звании доцента по кафедре «Химическая физика».

Апрель 1951—декабрь 1952 гг. — Доцент, исполняющий обязанности директора Московского физико-технического института (г. Долгопрудный).

Декабрь 1952—июль 1953 гг. — Доцент, заместитель директора по научной части МФТИ.

Июль 1953—июль 1956 гг. — Старший научный сотрудник Института химической физики АН СССР (Москва).

1953—1960 гг. — Ученый секретарь Объединенного научного совета президиума АН СССР и Минсредмаша по мощным взрывчатым веществам.

Июль 1956—сентябрь 1987 гг. — Заместитель директора по научной части Института химической физики АН СССР. С марта 1959 г. — заведующий лабораторией кинетики разложения взрывчатых веществ ИХФ АН СССР.

Сентябрь 1956—сентябрь 1992 гг. — Заведующий кафедрой физики горения Московского физико-технического института.

Сентябрь 1960—октябрь 1986 гг. — Член научного совета Президиума АН СССР по твердым ракетным топливам, заместитель председателя совета.

Март 1962 г. — Защитил докторскую диссертацию. Присуждена ученая степень доктора химических наук.

1962—1987 гг. — Уполномоченный Президиума АН СССР по Ногинскому научному центру в Черноголовке.

1963—1972 гг. — Директор Филиала Института химической физики АН СССР в Черноголовке.

1963—1969 гг. — Депутат Ногинского районного Совета депутатов трудящихся.

27.04.67 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

28.02.68 г. — Решением Высшей аттестационной комиссии при СМ СССР утвержден в ученом звании профессора по кафедре «Физика и химия топлив».

18.09.68 г. — За участие в Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) награжден бронзовой медалью.

1969—1970 гг. — Депутат Московского областного Совета депутатов трудящихся.

05.11.70 г. — Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР присуждена Государственная премия СССР за разработку специальных материалов и технологии их изготовления.

1971—1985 гг. — Депутат Ногинского городского Совета депутатов трудящихся.

1971 г. — За заслуги в области высшего образования Министерством высшего и среднего специального образования СССР награжден знаком «За отличные успехи в работе».

1972—1987 гг. — Заведующий сектором горения конденсированных систем ИХФ АН СССР.

17.09.75 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина.

16.01.77 г. — За долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР решением Московского городского Совета депутатов трудящихся награжден медалью «Ветеран труда».

15.03.79 г. — Избран членом-корреспондентом АН СССР.

18.04.81 г. — Постановлением Совета Министров СССР присуждена премия Совета Министров СССР за разработку научных основ динамического синтеза вюртцитоподобного нитрида бора, создание сверхтвердых ударостойких поликристаллов и лезвийного инструмента на его основе, организацию их промышленного производства и внедрение в металлообработку.

18.12.81 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Октябрьской Революции.

1984—1991 гг. — Председатель научного совета при Президиуме АН СССР по мощным взрывчатым веществам.

25.04.85 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден юбилейной медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

29.10.86 г. — Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР присуждена Государственная премия (вторая).

18.01.88 г. — Утвержден Президиумом АН СССР на должность советника дирекции Института химической физики АН СССР.

Заграничные командировки: Международные симпозиумы по горению, использованию энергии взрыва в народном хозяйстве, научные семинары по полимерной тематике. Ознакомление с постановкой организации базы научных комплексов: советская зона оккупации Германии (1945 г.), Канада (1967 г.) — турист ЭКСПО-67, Венгрия (1969, 1973 гг.), Чехословакия (1968, 1971, 1974 гг.), Франция (1970, 1976 гг.), Австрия (1979, 1980 гг.), Англия (1981 г.), Болгария (1966 г.), Югославия (1977 г.), Польша (1972 г.), Финляндия (1978 г.), ГДР (1984 г.).

ПЕРЕПИСКА ВОЕННЫХ ЛЕТ

Привожу подборку писем военного «казанского» периода ИХФ, для того чтобы показать многообразие проблем тех дней.

Уважаемый Федор Иванович!

Николай Николаевич приказал мне написать о том, что Вам необходимо добиваться (где, у кого, с кем говорить? Я теперь ничего не понимаю! Вам там, вероятно, виднее!) увеличения штата младших научных сотрудников, хотя бы за счет сокращения штата лаборантов, для Кашниковой, Беляевой, Юзефович, Курбангалиной. Вопрос этот встает сейчас со всей остротой, т. к. младшие научные сотрудники получают обеды теперь без карточек. Не знаю, что Вы по этому делу сможете сделать, но... выполняю распоряжение Николая Николаевича.

До меня доходят всякие странные слухи о Москве, о Вашей работе в Москве 3—4—5—10 месяцев, но все это только слухи. Николай Николаевич со мной ни о чем не говорил. Очень боюсь, как бы меня потом все тут как бухгалтера не застигло врасплох. Как и что Вы думаете по этому делу? Черкните мне хоть пару слов, чтобы мне знать, стоит ли мне сколько-нибудь волноваться или нет.

Уважающий Вас С. Березин.

30.01. 43 г.
г. Казань

Федор!

По поручению Николая Николаевича сообщаю тебе следующее:

1. Тебе необходимо добиться в НКАП распоряжения заводу № 22 о перевозке на самолете в Москву по мере надобности сотрудников нашего Института с грузом.

В частности и особенно работников лаборатории А. С. Соколика.

2. Николай Николаевич считает одной из основных твоих задач жилищно-бытовое устройство сотрудников ИХФ, работающих в Москве. Особенно об этом надо позаботиться в связи с предстоящим приездом Соколика и Гуссака, в некоторой степени из-за этого (бытового неустройства) задерживается выезд А. С. Соколика в Москву.

3. Необходимо выяснить в Москве возможность отливки при получении двух газогенераторных тракторных головок. Марку трактора я сообщу телеграфно через один-два дня.

У нас всех вполне боевое настроение духа. Овсей, выполняющая план I кв., нашла очень интересное влияние восприимчивости;

С нетерпением жду от Вас известий или Вашего приезда, что-

Дорогой Николай Николаевич!

8.02. 43 г.

Н. Семёнов, К. Шелкин

зем сколько нужно.

Дров Наде немного послали, на днях придет лошадь и заве-

кин. Похороны в Президиуме. Разок могу поджурить или будет Шел-

зовните мне домой ночью (24-67). Можете предупредить о раз-

Очень прошу почаще информировать. Не понимаю, почему не

Харитона.

ти для будущего. Очень рад Вашим успехам, особенно в делах

мону. Живем в провинции тихо. Я занимаюсь наукой, пишу пу-

голову ломать не стоит. Катер нашли и скоро приступим к ре-

следует, имеются хорошие возможности поближе. Вам над этим

леву, который ими занимается. В Куйбышеве ородами делая не

работ. Куюмджи справляется. Ородами дела поручены робо-

центр тяжести перенесен в Москву. Здесь стало легче в смысле

9. В Казани никого не дергают, и работаем спокойно, т. к.

провести через Президиум.

знание и квартиру. После этого я могу с Вами поехать и все

и договора, но и без ясных представлений, где можно получить

ропиться и не приезжайте не только без решения Правительства

8. Вам приехать сюда на неделю, конечно, нужно, но не то-

Шелкина. Других кандидатов нет.

только Вы пришлете обратно Неймана . . . , то я им заменю

кина заменить нечем, т. к. Ковальский уехал за семьей. Как

7. С Эмануэлем Вы решили правильно. К сожалению, Шел-

это можно было бы быстро сделать.

приезде. Вот если бы Вы вызвали хотя бы на время Фадина, то

ма следующая еще не скоро, то успеем поговорить с Вами по

не так просто. Дадим чертежи и пусть делает НАИКФ. Т. к. зи-

6. Лаиникатор строить не будем — и без того много дел. Это

Ну, это Вам виднее, и мы не настаиваем на этом.

ороруд, а работу выполняли сами сотрудники по воскресеньям.

человек в Москве взял на себя значительную часть работы по

организационными и поставить дело, как и здесь, чтобы какой-то

московских сотрудников, хотя бы связать их с какими-нибудь

5. Может быть следует Вам сейчас подумать об ороде для

зано с упомянутым выше получением помещений Института.

тально, как ускорение переезда ЖРД. Но и последнее все свя-

4. Нам не совсем ясно, правильно ли решение с переводом группы Эльманова в ЦНИПО, и мне хотелось бы, чтобы до Васькиной группы Эльманова не предпринимали связывающих нас решений и вообще не форсировали дело. Эльманов имеет сейчас очень интересный научный план, и Вы неправильно оцениваете и понимаете работу. Во всяком случае, даже в ЦНИПО мы не хотим пока менять Эльмановский план, т. е. теоретически углублять вопрос и дальнейшее действие. Да и вообще, так много у Вас в Москве дел сейчас, что может быть не стоит их еще умножать. Козаченко пока отпустить нельзя. Вот с Эльмановичем это правильно. Вот с переездом Соколика со всей группой — это жела-

3. То же насчет жилья. Мы понимаем, что сейчас Вам добиваться квартир для сотрудников в связи с будущим переездом в Москву невозможно, но одна квартира с хорошим обслуживанием все же необходима, особенно потому, что она являлась бы нашим штабом, поддерживать бы единство сотрудников, которые ведь будут отвыкать от Института, работая в других местах. В этой квартире мог бы останавливаться и я, и тогда они не отвыкали бы и от директора. Это мы считаем крайне важным и совершенно для нас достижимым. Мы не ставим условием, чтобы квартира осталась за нами навсегда. Пусть это будет временная квартира на год. Но лучше, чтобы совсем. В крайнем случае, пусть это будут несколько постоянных наших комнат в академическом общежитии на набережной. Необходимо, чтобы квартира была рядом с метро и чтобы отапливалась печами.

2. Вопрос о помещении для Института в Москве не второстепенный, а первоочередной, т. к. без этого есть опасность распылить Институт. По нашему мнению, Институт должен в Москве вести с другими организациями только громоздкие работы, а центральную часть и более лабораторные надо было бы сосредоточить в одном месте, где бы были бы главные и где oficina находилась бы филиал Института или как там иначе его называть, но с правами. И там же надо сосредоточить элементарную базу оборудования и обслуживания.

1. Вопрос о помещении для Института в Москве не второстепенный, а первоочередной, т. к. без этого есть опасность распылить Институт. По нашему мнению, Институт должен в Москве вести с другими организациями только громоздкие работы, а центральную часть и более лабораторные надо было бы сосредоточить в одном месте, где бы были бы главные и где oficina находилась бы филиал Института или как там иначе его называть, но с правами. И там же надо сосредоточить элементарную базу оборудования и обслуживания.

давая установка, если удастся, то Москва. Ленинград или Москва. В этом смысле наша твер-

4. Сообща, по чьей инициативе дан вызов А. С. и А. И. Соко-
ликам от генерал-майора Кормилицына, зам. нач. УСГКА или
по твоей.

А. С. Соколик сможет выехать в середине февраля.

Пиши, как идут дела.

С приветом К. Щелкин.

31.01. 43 г.

г. Казань

Федя!

Петр Леонидович обещал подумать, нельзя ли оставить Ха-
ритона еще на некоторое время у них. Так что задержите до его
приезда выселение. . . .

Что-то, Федя, совсем плохо у меня со здоровьем.

Ваш Н. Семенов

Дорогой Сергей Петрович!

Хочу Вам сказать несколько слов. Я хотел завтра, т. е. 7 фев-
раля, но решил, чтобы 7 февраля Вы уже получили бы это пись-
мо от Бондарюка.

В Москве сейчас у нас, действительно, становится много дел
и по главным работам, т. е. Соколику и Харитону. По тем и дру-
гим буквально на днях должны быть решения Правительства, и
в своем выполнении они переносятся в Москву. Я тут в силу
сложившейся обстановки поставил вопрос о переводе и расши-
ренной организации лаборатории Зельдовича. Возможно, станет
необходимостью перевод в Москву Зельманова и Рябинина, и все
это вместе взятое требует действительно большой работы.

Вы сами понимаете, что все это устройство в нынешних ус-
ловиях не так легко и не так просто. Но тем не менее я утверж-
даю, что оснований к разговору, именно, к разговору, о переводе
Института в Москву нет, потому что перевод отдельных работ
для их реализации с отдельными сотрудниками, пусть этих со-
трудников будет 12—15 человек, это еще не перевод Института
и до перевода Института далеко. Поэтому меня несколько огор-
чает, что у Вас там чуть ли не все почувствовали себя «москвича-
ми», т. к., безусловно, это несколько дезорганизует работу. Пра-
вильно, конечно, чтобы наш Институт был в Москве, но для это-
го нужно работать в организационном и производственном отно-
шении, а разговоры затевать в Институте еще рано. Поэтому рас-
палоха никакого не будет до самой «смерти». Нам надо стремить-
ся сниматься с командировок. Но это мы сделаем. Соколику, я

думаю оплачивать из тех средств, которые предусмотрены проектом решения СНК на эту работу. Харитон оплачивается по НИИ-6, а остальным нужно, по-видимому, выплачивать фактические затраты по содержанию. Я об этом говорил с начальником планового отдела Президиума Шидловским Павлом Гавриловичем. Он считает возможным поставить вопрос на Президиуме о выплате 50% командировочными, но об этом надо написать мотивированное письмо. У них этот вопрос общий.

Сергей Петрович! Я очень прошу Вас вопросы штатные и финансовые, которые наполовину, по-моему, я сделал здесь, чтобы Вы их кончили с Шидловским в Казани, а затем в Свердловске, куда направляется П. Г. Что для этого нужно: дать расписание и объяснение с требованием на увеличение, то же и по смете, если там есть существенные отклонения от прошлого года. Ну, об этом Вам скажет сам Шидловский, который заверил меня в содействии и решении всего в Свердловске.

Мое категорическое требование: до приезда Шидловского передать его жене 50 кг картофеля. Выполнить без разговоров.

Мне здесь уже надоело. Но дел много. Колю Эмануэля задержу. В Москве неуютно. Сергей Петрович! Мою продуктовую карточку выдайте Наде, потому что здесь я брать карточку не хочу. Хлебную я имею. Ну, как Вы там поживаете. Пожалуйста, С. П., не поддавайтесь разговорам о переезде и т. п. Сейчас не в этом у нас проблема. А дело в том, чтоб хорошенько организовать и провести работу здесь и в Казани, а потом это дело решится проще. Поэтому нужно не разговаривать, а работать и не сбивать людей с толку. С деньгами, по-моему, трудностей не будет.

Ну, пока, всего хорошего. Передайте привет сотрудникам Вашим и Марии Ивановне.

Ф. Дубовицкий.

Поздно ночью.

7.02. 1943 г.

Дорогой Федор Иванович!

Наконец, получили от Вас исчерпывающую информацию. Мы считаем, что Вы ведете дела в Москве неплохо и в правильном направлении. Несколько моментов, с которыми мы не совсем согласны.

1. Вы напрасно думаете, что мы собираемся быстро целиком перебраться в Москву. Наоборот, мы считаем, что значительная часть Института и семьи перезимуют здесь кроме этой еще зиму, и никакой горячки в этом смысле нет, а есть только некоторые

Барский недавно вышел, но успел уже подтвердить основной наш результат в двух новых случаях.

Мне очень хочется сразу развернуть работу и по практической помощи и по основным теоретическим линиям для ниспровержения врагов и воссияния истины.

Сейчас можно было бы много делать — экспериментировать и подготавливать проектно аппаратуру к московской работе: кроме обычного невыполнения заказов в мастерских, на этот раз по более извинительной причине — отсутствие тока, мешает — первое — забрали Грабовецкую, пока Барский болел, а сейчас без Вашего разрешения не отдают; второе — отсутствие штатных мест (лаборантов, техников, младших, старших), можно было бы расширить фронт и увеличить темп работы, актуальных вопросов и подготовительной работы много, а людей у нас никого и третье — печальное состояние Лейпунского. Федор вероятно передал Вам, что у него миокардит, в письме Федору я просил хлопотать о санатории. Положение усугубляется тем, что Лейпунский в очень тяжелом материальном положении — 800 руб. в месяц.

Сергей Петрович рекомендует путь, изложенный в прилагаемой бумажке, текст которой им составлен. Совестно отнимать у Вас время, но Вам легче всего получить на бумажке резолюцию Бруевича, а для «объекта» — Овсея — и для работы и для справедливости это очень важно.

Если нам дадут работать, через 1—2 года вопрос (внутр. балл.) будет разработан экспериментально, физико-химически и математически, как конфетка, лучше, чем любой другой в этой области, лучше, чем предмет моей докторской, жаль что мы не занялись до войны!

Ваш Я. Зельдович.

1.03. 43 г.

P. S.

Все спрашивают меня о переезде, когда, кто. Что отвечать? Институт стал ужасно малолюдным, сейчас самые активные, буйные головы в отъезде; не пора ли добавить молодежи в собственном смысле (наше поколение со стажем 10 лет — только условно молодежь; много болеют и сутулятся).

Куюмджи и Щелкин действуют неплохо; впрочем ряд вещей (научный просмотр плана) откладывают до Вашего возвращения.

Федор Иванович!

Ваше поручение будет выполнено. Привезет Семен Михайлович. Николай Николаевич приехал довольно спокойным, поэтому никаких неожиданностей с реэвакуацией не получилось.

Последнее время он хворает, сильно ослабел и явно нуждается в отдыхе.

В Институте положение нормальное. Беляев, Соколик работают в соответствии с планом. Зельдович почти собрался. Кондратьев и его группа понемногу приспособились к науке (в том числе и я сам).

Здесь представления о Москве такие — едут все лаборатории кроме группы химкинетики, последняя готовится зимовать. Зельманов будет защищать в июне. Капица просил дать посмотреть диссертацию еще одному сотруднику, после чего будет поставлена защита.

На этом же заседании будет оформлено дело Харитона.

Обоим будет дана телеграмма.

О Вашей деятельности в Москве нас информируют приезжающие, масштаб грандиозный.

Федор Иванович! Какие у Вас планы насчет полугодового отчета Института? Кто будет писать, кто будет соединять воедино отчеты по московской и казанской группам?

Как вообще быть впредь? Сейчас можно, конечно, съездить на неделю, написать и сдать, но на будущее нужно решать радикально.

С Куюмджи пошлю подробное письмо.

Н. Эмануэль.

Дорогой Федор Иванович!

Восьмого февраля Матвеев передал мне от Вас что-то о Ленинграде. Весьма признателен Вам за решение взять меня с собой и с нетерпением жду подробностей. Что это за поездка, зачем. Дела лабораторные вполне наладились. По двум моим темам получаются интересные результаты, и две темы находятся в стадии методической подготовки. Если выделение моей группы в специальную лабораторию действительно факт, то я думаю, что она себя оправдает полностью.

Сегодня здесь была история, о которой считаю нужным Вам сообщить . . . Некоторые наши сотрудники учинили панику, будто сейчас последний день составления списков на эшелон в Ленинград и что можно записываться всем, кто выезжал из Ленинграда с Академией. Достали где-то форму списка и потребовали, чтобы я немедленно подал соответствующий список в спецотдел АН. Я заявил, что никаких списков на эвакуацию без распоряжения Москвы мы подавать не будем. Это вызвало бурю, и когда я спустя час зашел в одну из комнат, там было форменное собрание . . .

в академии, лучше поручить другому. Совершенно необходимо выяснить с Нейманом, нужно ли Штерну дублировать Добринскую, Н. Н. запланировал Штерна на возрождение холодно-пламенных вещей. Маркович ведет очень странную политику — рвался от Рудковского, хотела работать со мной, сейчас рвется к Штерну на холодные пламена, придется принять.

Магда сейчас больна.

Защиту Франк-Каменецкого назначили с Гохбергом на 10.V, нужно, чтобы Франк выехал с этим же академическим вагоном. Н. Н. посадил меня в жилкомиссию академии, и я буквально разрываюсь. Себе еще ничего приличного не нашел, а мои выезжают 25.IV. Придется приводить в старую квартиру — там сейчас убрано и чисто, как-нибудь проживем. Косарев диссертацию пишет. В начале мая устроим с ним репетицию защиты, а в конце, я думаю, проведем защиту (при Вас и Н. Н.).

Отчетов никто из наших за квартал не прислал. Нужно выручать. Личных дел у меня к Вам нет. Желаю успехов в работе.

Учитывая печальный опыт с отчетом за квартал по Москве, считаю целесообразным при составлении отчета по Москве за полугодие (в июле) мой приезд на одну-полторы недели — иначе трудно будет делать хороший годовой отчет, как сделали за 1942 г.

Еще раз желаю успехов.

Привет Московской колонии.

24.04. 1943 г.

Н. Эмануэль.

Николай Николаевич, Федор Иванович!

Поздравляю с успехом на фронте, переводом Института в Москву. Это определенное признание актуальности научных направлений Института. В Институте жизнь развивается вполне удовлетворительно. Оснований для беспокойства, проскальзывающего в письме Федора Ивановича на имя Куюмджи и Щелкина, нет никаких. Все это станет Вам совсем ясно после получения информации о научной деятельности Института. Эту информацию я задерживаю, т. к. хочу включить туда материалы по лаборатории Зельдовича, что будет сделано после спецсовета лаборатории, проведение которого мы задержали по условиям работы лаборатории. Вкратце итог деятельности Института с момента Вашего отъезда следующий:

1. По лаборатории МТ-1.

Получена устойчивая работа на железе, латуни и частично алюминии. Эффект экономики не исследовался.

2. По лаборатории Харитона.

Интересное развитие получает правило эквивалентности. Установлено существенное значение «герметичности» заряда. Получены интересные данные по возможности флегматизации (в смысле чувствительности) без уменьшения эффекта действия веществом Боболева—Беляева ранее полученных, но слишком чувствительных смесей.

Намечается красивое объяснение работы состава Налбандяна с помощью пара соли металла как рабочего тела и др.

3. По Зельманову.

Отработана деталь, позволяющая получать диаграмму с длинным столиком.

4. По Зельдовичу.

Получены интересные данные для спора Зельдович—Костилов. Подробно в специальной информации.

5. По Варшавскому.

Обработка материала по результатам работы I квартала. Подготовка доклада Семенову, подготовка докторской диссертации.

6. Группа химкинетики.

Берет много времени и сил. После больших хлопот организовано рабочее место Ковальскому и Шантаровичу. Утвердили тематику сотрудникам Неймана, в том числе Штерну и Поляк. Надеюсь, что группа к Вашему приезду сможет доложить некоторые результаты.

Большая работа проведена в конце апреля по проверке научных результатов по лабораториям. Одновременно шла проверка предмайских сообразительств. Проведено общее собрание с моим докладом «Институт в 1943 году» (в плане отчета за 1942 год, I кв. 1943 г.), выдвинули отличников и ударников, выпустили стенгазету. Со статьями от дирекции—моя на тему «Институт в 1943 году» и одна совместно с Куюмджи «Предмайское социалистическое соревнование».

Стиль работы в Институте ровный и в связи с этим такие вещи, как статьи в стенгазете тоже приобрели вес.

Провели заседание специального присутствия Ученого Совета по спецтематике с защитой диссертации М. А. Ривина. Единогласно присудили ему степень. Сегодня, 10 мая, защищает в ФТИ Франк-Каменецкий. Приведены в ясность аспирантские дела Курбангалиной и Воеводского.

Работают лабораторные советы у Зельдовича, в лаборатории ВВ и группе химкинетики. В группе химкинетики сделаны уже 2 доклада: Франк-Каменецкого «О фронте пламени у стенки» и мой доклад «Моноксид серы».

Огородные дела в колхозе подходят к посадке картофеля. Удобрения вывезены.

С большим трудом мне удалось . . . несколько успокоить народ. Пришлось сказать, что я жду вызова в Москву в ближайшее время и привезу . . . твердый ответ — все весной переедут в Москву или часть временно будет ожидать Ленинграда в Казани. Вопрос этот накалился, и здесь настаивают, чтобы кто-то съездил в Москву и привез ответ дирекции . . .

В связи с этим прошу Вас телеграфировать мне разрешение выехать на 1—2 недели в Москву (вызов мне не нужен, т. к. я могу получить пропуск без вызова). Поскольку я хочу соединить это со сдачей спецотдела, прошу для помощи прислать вызов для Блюмберг (недели на две). О принятых решениях прошу мне телеграфировать. На кого временно возложить обязанности уполномоченного (на Похила или на кого другого) — это тоже телеграфируйте.

В общем, нужна ясность. Атмосфера очень нервная . . . Жду телеграммы.

Ваш Н. Эмануэль.

Здравствуйте, уважаемый Федор Иванович!

Шлю привет и желаю во всем Вам успеха. После долгих колебаний и раздумий я решил Вам напомнить о своем существовании, что я жив и здоров.

Длительное время пребывания во вверенном Вам Институте не могло пройти для меня бесследно. Несмотря на то, что я в настоящий момент занят другим делом, все чаще и чаще обращаюсь к прошлому, к жизни и работе в Институте.

Все больше убеждаюсь, что для меня военное дело — временное явление. Прекрасно сознаю, что это дело для каждого из нас жизненно необходимо, в личных интересах и в интересах Родины. Однако несмотря на хорошее положение в части и звание, я не теряю надежды заняться тем, что меня больше интересует, т. е. тем, чем я занимался до войны, не существенно в какой области — направлении.

До войны у меня были поставлены крайне узкие цели — окончить аспирантуру и тем самым временно подвести итоги своей работы, причем это требовалось сделать быстрее, т. к. грозовые тучи войны неумолимо надвигались, а с наступлением войны не могло быть речи о защите . . . Это фанатическое стремление окончить аспирантуру создало обо мне невыгодное мнение у некоторых коллег и ученых. Не буду возвращаться к прошлому, т. к. все это потеряло свой смысл. Однако я набрался смелости и решил обратиться к Вам с большой просьбой, не можете ли Вы посодействовать мне в том, чтобы я мог заняться своим делом? В свете тех разговоров, которые имел с Вами Денис Петрович

Добычин, и если это возможно, пожалуйста, поговорите с Н. Н. Сам я к нему обращаться не решаюсь, да и не стоит его затруднять подобными вопросами. За все сделанное Вами буду Вам очень многим обязан. Да и трудно будет забыть о Вашей любезности, как говорится: истинные друзья познаются в беде. Этот вопрос у меня возник в связи с тем, что за последнее время некоторые специалисты уезжают на свою работу, их вызывают предприятия.

Теперь несколько слов о том, как я живу, вернее жил. С первых дней войны я попал на фронт, сначала на Ухтинский, затем под Петрозаводск, потом под Тихвин—Волхов и наконец опять на один из участков северного фронта. Жизнь идет обычная, однообразная, фронтовая жизнь. Работаю в одной части начальником службы, дело свое хорошо освоил. Над собой почти не работаем, над тем, что меня интересует, не позволяют условия. Это меня больше всего и пугает.

Передайте, пожалуйста, привет Всем сотрудникам лаборатории кинетики цепных реакций.

Передайте привет Вашей супруге, Надежде Петровне. Если будет у Вас возможность, пожалуйста, напишите, как все живете и работаете и по возможности осветите интересующий меня вопрос.

С приветом М. Пушленков.

24.03. 43 г.

Дорогой Федор Иванович!

Строго-настрого наказал Вашим домашним сочинить Вам письмо. Думаю, что принесут. Был дома. Все в порядке . . .

В Институте спокойно — все работают потихоньку. С 26 наметил производственное совещание при дирекции по лабораториям. Параллельно идет проверка выполнения сообразительств. 28.IV состоится заседание жюри — выделение отличников и немного премируем из промтоварного фонда.

19.IV в Институте вечер, от дирекции мой доклад. Выпускаем стенгазету также со статьей от дирекции.

Был совет с выдвижением в академики и члены-корреспонденты; выдвинули Костикова, Микулина, Харитона, Вольфовича, Зельдовича и Соколика. Выписки я посылаю в Москву — нужно подобрать недостающие документы и представить материал в Президиум. Соколика представили отсюда. Посылаю также заявку на Фельдмана, а также заявку в Наркомат стройматериалов на стекло. Н. Н. считает, что всеми этими делами будет заниматься . . . Я не вполне уверен, что на все он подойдет — скорее более деликатные дела, связанные с выдвижением

Борисова получила наряд на 250 м³ дров, которые начнем вывозить. Транспорт Институт обеспечен, налажено производство чурок для газогенераторной машины на третьем дворе. Заключено соглашение с тарной фабрикой, которая также поставляет чурки. На катере устанавливается газогенераторная установка. В совхозе будет посеяно просо. Куюмджи выехал в совхоз, где уже находится Фахрутдинов. Они договорятся о деталях.

По Вашему поручению трансформатор получен с 230 завода и находится в Академии. Нужно распоряжение Иоффе, утверждающее нас хозяевами трансформатора.

Плохо с помещением. Пока народ не едет в Москву: очень трудно. В ИГИ и ЭНИНе реального пока ничего нет. Завтра еще раз пойду договариваться конкретно.

В связи с затруднениями с помещением очень трудно получилось с Варшавским: выселили его из комнаты, освободив помещение для Ковальского и Шантаровича, имущество Варшавского разместили в ящиках лаборатории Рудковского. Теперь Варшавский рассматривает помещение как складское и пытается захлестить его сверх меры. Спешно пытаемся получить помещение у соседей. Очень плохо получилось с выездом Варшавского. Сергея Петровича Куюмджи с громадным трудом устроил в вагон, а Варшавскому отказали. Поскольку в Управлении делами у меня связей нет, лично я ничего сделать не мог. Однако мне сообщили сегодня (С. М. Куюмджи), что звонил Ф. И. и категорически приказал выехать С. П. и даже звонил об этом Ботвинику.

10.05. 1943 г.

Н. Эмануэль.

Николай Николаевич, Федор Иванович!

Пользуюсь поездкой в Москву Варшавского для передачи этого письма.

1. Тринадцатого послал Вам информацию о научных результатах Института.

2. Выполнение производственного плана II квартала идет, в общем, нормально. К Вашему приезду будут интересные доклады зав. лабораториями.

3. Проводим производственные совещания лабораторий по принятию сообразительств. Работа заканчивается к 20.V.

4. Регулярно проверяем работу лабораторий. С. М. понемногу освобождается от весенних хозяйственных дел и включается в контроль работы Института.

5. Посылаю проект открытого Совета с учетом замечаний Н. Н. о кандидатах из других институтов.

6. Получена телеграмма от Костикова, письмо от Вольфовича и устно от Микулина — благодарность за выдвижение их кандидатур в Академию.

7. Неймана нужно вызвать в Москву, т. к. им получено письмо от ректора Горьковского университета о предоставлении здания для института химии университета. У Неймана есть всякие соображения по этому поводу, которые он хотел обсудить с Вами обоими. Кроме того, нужно решить вопрос о работе по выносителям в связи с обменом письмами между Кормилицыным (УСГ) и Н. Н. Семеновым.

Нейман предлагает заключить небольшой договор с заводом и поставить на эту работу . . . (после защиты). Я считаю, что съездить в Москву ему нужно. Для его лаборатории в группе химкинетики мы выбрали две темы: «Реакции монооксида серы с ненасыщенными органическими соединениями» и «Холодное пламя эфира». Штерн с его темой (также холодное пламя) ближе примыкает к Кондратьеву (будет использована спектроскопическая методика и т. п. План — конкретный — будем утверждать с Кондратьевым 18 мая. Территориально Штерн находится в комнате Рудковского—Неймана).

8. С Лейтманом встречался уже два раза. Завтра устроим совет лаборатории ВВ с его участием и в присутствии Куюмджи. С отъездом я сам был у Хлопина (он сейчас и. о. вице-президента) и договорился с ним о местах в эшелоне 25 мая (так и хотел Лейтман). Организовал встречу с Цуккерманом.

9. Лаборатория ВВ в обиде. Им нужно: капсулей детонаторов 2000 шт., шнуров детонирующих — 200 шт., алюминиевой пудры — 5 кг. Они просят срочно телеграфировать, на кого оформлять документацию на перевозку всех этих вещей: как основное лицо — Жуковский, как «охрана» — Апин или Ратнер. Нужно, чтобы Вы немедленно телеграфировали.

Очень просит лаборатория сообщить поименно, кто и когда едет. Это им нужно для планирования своей деятельности и перспективы. Обеспокоены бронеймой. Без наличия брониемы ехать опасаются. Также оживленно обсуждается квартирный вопрос. Никакой ясности в этом вопросе нет.

Общая просьба — уладить дело с Садовским. Дела у него сейчас идут хорошо. Очень желательно целиком получить его к нам.

10. Как быть с Франк-Каменецким. Он защитил и нужно отдавать приказ о его зачислении. Правда, до 1 июля можно еще платить Сталинскую стипендию, но дальше нужно уже жить по-новому.

11. Семен Михайлович успешно заканчивает посадку картофеля. Надеется кончить на два дня раньше поставленного срока (18 вместо 20). В полном разгаре огородные дела у сотрудников.

В связи с этим народ сейчас расходится рано. Скоро и эта эпопея заканчивается.

12. Дома у Николая Николаевича все в порядке. Продукты есть.

13. Тата Харитон просит Ю. Б. позвонить ей. В кабинете всегда есть кто-либо, кто может позвать ее к телефону.

14. Когда ждать Вас в Казань.

Через пару недель вышлю очередную информацию о научных результатах Института.

Очень неудачно ждал я звонка Федора Ивановича в ночь с 14 на 15. Прошу впредь, если я потребуюсь у телефона, извещать накануне. Особенных трудностей для меня ночевка в кабинете не представляет — привык.

Спасибо за организацию передачи посылки с Лейтманом.

Пишите о наших московских делах и приезжайте.

Привет москвичам.

17.05. 1943 г.

Н. Эмануэль.

P. S.

Я. Б. Зельдовича нужно предупредить о необходимости сдать рукопись его книги в Издательство АН.

Весьма желательно попросить кого-либо выяснить движение дела Гена по освобождению его от кандидатских испытаний.

Здравствуй, Федор Иванович!

У нас скоро кончатся все капсюля. От артсбыта согласие на отпуск есть. Милиция разрешение на провоз (из Москвы) дает. Нужно в разрешении указать, кто повезет. Везти обязательно должны двое и на обоих должны быть оформлены документы. Мы предполагали выделить на это дело Похила и Налбандяна. Куюмджи, однако, сказал, что с командировками сейчас очень плохо, что, может быть, сможет получить и привезти кто-либо из «москвичей». Между прочим, получить капсюля можно в Москве и сдать куда-нибудь на хранение, а привезти в Казань потом, притом можно привезти только часть, чтобы не везти их из Казани обратно в Москву. Так как Вы, дирекция, сейчас в Москве, то разрешение на получение от артсбыта Вы можете, я думаю, там на месте выхлопотать и получить. Лишь для провоза в Казань нужно будет достать разрешение здесь.

Сообщи, пожалуйста, телеграммой, кто повезет капсюля (между прочим, если разрешения будут даны на определенных лиц, то потом их менять нельзя будет) и на кого хлопотать разрешение на получение и провоз. Иначе мы сядем совершенно. Кроме того, я просил уже давно прислать нам алюминиевой пуд-

ры. Дела у нас в лаборатории идут. Науку понемногу двигаем. Очень много и с большим успехом работает последнее время Садовский. Думаю, при следующем нашем отчете Вы будете довольны его деятельностью. Надо бы все-таки как-нибудь пересадить его к нам полностью. Положение получается совсем неудобным. Он получает зарплату 800 руб. Раньше, когда он работал только в спецотделе, Институт это могло и не волновать; но теперь, когда он работает почти исключительно в Институте и руководит целой группой, такое положение просто неудобно. Я подробно говорил с Березиным перед его отъездом и прошу теперь тебя помочь в этом деле. Надо как-то устроить Садовского полностью.

Всего лучшего. Желаю всяческих успехов в работе.

18.05. 1943 г.

А. Беляев.

Федя, здравствуй!

С ответом тебе я задержал, хотел дожидаться конца огородной кампании и написать. Но до конца еще нужно ждать (хотя дела на огороде идут неплохо), а написать охота.

Тут такие дела: начну, пожалуй, со второстепенных, но важных вопросов.

1. Выделили Жуковского (за главного) и Ратнера из охраны Апина для получения капсулей и проч. из артсбыта с заводом некоторой части этих вещей в Казань. Сообщи по этому поводу по телефону, и мы на указанных лиц оформим в милиции соответствующие документы.

2. Перешли с кем-либо алюминиевую пудру.

Более важные вопросы:

1. Добейся перевода Садовского в наш Институт. Ты ведь Садовского хорошо знаешь. Кандидатура такая, что есть за что, как говорится, бороться.

2. Организуй горячее, а то со всеми делами может получиться скандал.

Несколько раз пытался я поговорить с тобой по телефону, но получается, что или я отсутствую, или время телефонного разговора истечет и на этом конец.

Я, Федя, не понимаю, почему Беляева хотите оставить в Казани? Он стремится в Москву. Я лично за Казань, но при условии, что из мехмастерской кто-то останется, иначе оставаться в Казани группе ВВ будет бессмысленным, работу проводить возможности не будет. Хорошо было бы, если бы Юлий Борисович приехал в Казань — может быть (мне так кажется), вся группа взрывчатников (московская и казанская) работала бы

более целеустремленно, как весь коллектив (а коллектив сильный).

Кулумджи старается, работает много, ты об этом имеешь полное представление. Работа движется, в дальнейшем напишу. Слушай, Федя, тебе ведь нужно показаться в Казани, оформить на бюро и на общем академическом партийном собрании. Лучше не тяни, пора тебе уже оформиться. Сагитировал я Надю взять один участок под индивидуальный огород — дело хорошее. Как обстоят, Федя, дела с квартирами? Это же вопрос более чем душещипательный. Ведь если ехать в Москву, то навсегда? Это ведь не Казань? Я не знаю деталей (трудностей), но думаю, что ты все сделаешь, чтобы лучше было.

Сегодня пойду вместе с Кулумджи к Абраму Федоровичу для утверждения нашего договора с колхозом. Песня старая, тебе известная, идут разговоры вплоть до Борисова. Кто-то старается. Кирилл себя чувствует неплохо, отдохнул, поправился.

Я лично верчусь сейчас, как дурак, оба ребенка (сын и дочка) заболели воспалением легких. Сидят дома, кричат, кормить нечем (когда они в саду — тогда легче).

К сожалению, самозаготовок в Институте нет никаких. Нет организатора, а Семена Михайловича я не трогаю, пусть лучше закончит огородные дела, а потом посмотрим.

Работой, личной, в лаборатории ВВ я доволен. Получил (уже!) интересные результаты. Садовский сейчас целые дни работает в Институте — работой тоже доволен.

Пиши, Федя, подробно обо всех институтских делах и спрашивай, что тебя интересует.

Передавай привет Николаю Николаевичу, Юлию Борисовичу и всем нашим.

Желаю успеха.

18.05. 1943 г.

Павел.

Дорогой Николай Николаевич!

... Очень меня беспокоит история с материалами представлений в академики и члены-корреспонденты. Весь этот материал с весьма подробным письмом, что там нужно Вам подписать, я послал с весьма надежным человеком — С. П. Березиным. Уверен, что он Вам или Федору Ивановичу передал этот материал и, вероятно, Вы заложили его куда-либо. Это солидная пачка документов и доверять их почте я не хотел. Обидно, если придется все это восстанавливать. Дело принимает совершенно нелепые формы, если пакет для директора, переданный через ответственных сотрудников, не попадает по назначению.

Здесь работа развивается нормально. Закреплены хорошие результаты у Соколика, ровно работает лаборатория ВВ, Зельдович готовится к выезду в Москву. В группе химкинетики большое оживление — все получили темы, все работают — только в разных стадиях. Кондратьев, Шойхет, Кондратьева продолжают . . . работу; Ковальский получил первые результаты в электрокинетическом направлении, Шантарович собирает установку, работает с Майзус Рудковский, активно собирают установки Маркович (со мной), Гербер, приступает к сбору установки Штерн.

Большой объем хозяйственных задач требует снятия сотрудников на хозработы. Я добился того, что эти снятия согласуются со мной, и число жалоб и т. п. резко сократилось.

Хозяйственная и организационная деятельность С. М. Куюмджи развивается успешно.

5 июня на закрытом Совете проводим защиту Мурина (для открытого у него нет никакого подобия кворума).

Косарев подготовил материал по диссертации, на днях я посмотрю его в последний раз и поставим окончательно на машинку.

Кстати, перед отъездом было бы хорошо выяснить в ВКВШ, как обстоят дела с освобождением от кандидатских испытаний Гена и в Президиуме АН. Как дела с утверждением в звании старшего научного сотрудника Боболева. Послан ли список о вызове из Армии и если там . . .

На днях рецензировали Институт Теренин и Вольфович. Я подробно рассказал им о работах 1942 года. Водил в КАИ и, наконец, подготовил проект постановления бюро о работе Института в 1942 году. На состоявшемся вслед затем заседании бюро ОХН работа Института в 1942 г. была признана «вполне удовлетворительной». Первоначальный текст постановления бюро послан спецпочтой в Москву Горемыкину для окончательного согласования с Вами.

Дома у Вас тихо, ребята, по-моему, иногда конфликтуют с пожилой частью — при мне в рамках, а без меня, вероятно, резче.

Я получил очень хорошую комнату на ул. К. Маркса в двухэтажном особняке, напротив Технологического института. Комната 30 метров, паркет, южная сторона и т. п. Жену устроил работать на очень хорошее место в Технологический институт.

Ждем Вашего приезда. Устроим доклады о деятельности лабораторий. Составим план на III квартал и тогда можно снова провожать Вас в Москву. Я надеюсь, что в условиях все уменьшающегося числа лабораторий в Казани я смогу активно поработать 1943—1944 год по науке.

Сердечный привет Наталии Николаевне, Федору Ивановичу
и всем нашим москвичам.

Уважающий Вас Н. Эмануэль.

3.06. 1943 года.

Уважаемый Федор Иванович!

Благополучно добрался 12/VI до Казани. Вчера был у Вас, но Н. П. не застал дома, она ходила в это время к Косареву, чтобы поговорить с Вами по телефону (и неудачно, кажется?). Что делается в Институте, еще толком не знаю, т. к. даже с С. М. еще не успел переговорить как следует.

Ясно одно:

1. Дома у Вас все в порядке, как говорит Клава.

2. Валерик спал, когда я у Вас был. Он немножко кашляет. Пустяк.

3. В Институте работают мало. На общественных работах заняты многие.

Если хотите, чтобы я выехал со следующим вагоном (22/VI), обязательно дайте заблаговременно вызов из Президиума, иначе места в вагоне я не получу, да и с пропуском будет трудно.

Средства на командировки полностью исчерпаны.

Как там наше письмо в бюджетную комиссию?

Всем привет! Жму Вашу руку.

14.06. 1943 г.

Дорогой Федор Иванович!

Не удалось написать подробное письмо, как хотелось, т. к. задержал Николай Николаевич. Исправлю со следующей оказией.

1. Кофе — 3 кг у Марии Петровны получил и передал через Семена Михайловича.

2. К Жорникову за передачей в Москву заходил, но они не подготовили ничего.

3. Отчет за полгода по Казани я написал, на днях вышлю спецпочтой. Отчет по Москве Н. Н. предлагает организовать силами Москвы.

4. Несколько раз был у Вас дома. Лерке лучше, а вчера внезапно поднялась температура.

5. Косарев защищает 29. Получилось все прилично.

6. Начал работать довольно плотно в лаборатории.

7. Зельманову лучше приехать, т. к. теперь затягивает Иоффе, который считает, что у Зельманова мало печатных работ.

8. Следующей оказией посылаю подробное письмо.
Желаю успеха.

25.06. 1943 г.

Н. Эмануэль.

Казань, 24 июня 1943 года.

Многоуважаемый Федор Иванович!

У нас дома исключительно плохо обстоят дела с питанием. Все запасы съедены, все продано, зарплаты, при цене на картофель в 34—40 руб. за кг, хватает на 10 дней. Живем исключительно горбом матери М. И., которая кроме домашнего хозяйства, стирки, хождения в лес за сучьями и т. п. успевает немножко поработать на сторону. У М. И. полное истощение и анемия, отсюда и ее болезни, в результате чего ее увезли из Института ночью в клинику, где она пролежала 10 дней. Я тоже еле таскаю ноги. Вы можете сказать: «Какое мне до этого дело! Не он первый и единственный!» и т. д. Это верно, и я не стал бы Вам об этом говорить, если бы не следующие обстоятельства.

Мне предложили работу, где я и семья питанием были бы полностью обеспечены. Николай Николаевич в освобождении меня от работы категорически отказал. Это просто бесчеловечно! Он доказывает, что через 1½—2 месяца все будет в порядке, имея в виду при этом огород. Но это будет не через 1½—3 месяца, и я не уверен, что мы эти месяцы протянем....

Одним словом — Н. Н. мне в этом отказал, хотя я и пытался доказать ему, что:

1. В Москве я сейчас не нужен, что Ф. И. не только не вызывает меня, но даже при разговоре по телефону не спрашивает об этом.

2. В Казани я тоже не больно-то нужен, т. к. институтские совершенно не работают.

Выходит, что ни тут, ни там я не нужен, и . . . не отпускают меня и терять нам нечего.

В конце концов договорились до следующего:

1. Вы должны решить, нужен ли я Вам в Москве.

2. Если нет, то остаюсь в Казани до 1944 г. и подыскиваю себе какую-нибудь работу с питанием (где такую искать я не знаю).

Вот, Федор Иванович, как обстоят мои личные дела, которые я и прошу Вас решить.

Если я только вам нужен — вызывайте меня; по крайней мере домашние не должны будут покупать для меня картошку.

Если я в Москву не приеду, прошу Вас провернуть:

1. У Миллер Серафимы Михайловны (Наркомфин тел. К 5-07-00), как обстоит дело со сметой на расходы по переводу Института в Москву, т. е. утверждена ли она, спущены ли эти кредиты Академии наук.

2. Если спущены, то у П. Г. Шидловского нужно узнать, как нам их получить, что для этого еще нужно сделать.

3. У Шидловского, как обстоит дело с нашим письмом Бюджетной комиссии об увеличении кредитов на 1943 г.

4. У Черепановой (Гос. штат. ком. тел. К 2-99-47), как обстоит дело с нашим штатом.

У нас штатная вакханалия: и в Москве, и в Казани зачисляют людей под новое штатное расписание, и что будем делать с теми, кто оставлен «до утверждения нового штата?». Ведь их теперь не уволишь? Штаты-то ведь не уменьшены, а увеличены?!

Жду Вашего решения.

Жму руку и шлю привет.

С. Березин.

Дорогой Федор Иванович!

Положение с «боезапасом» несколько улучшилось. При отъезде Асонова мы его немного «пощипали». Теперь нам хватит месяца на два, а там, может быть, придется переезжать в Москву. Зато по-прежнему плохо с алюминием. Тех пяти кг, которые привез Альфред хватит ненадолго. По указанию Н. Н. у нас сейчас с алюминием проводится ряд работ (из-за этих работ, прежде всего, Н. Н. отменил мою поездку в Москву) и алюминия нужно очень много. Я очень прошу доставить нам те пять кг, получение которых начал оформлять еще Жуковский, и заказать в Техснабе новые 30 кг алюминиевой пудры и 20 кг порошка алюминия (может быть даже следует заказать больше—на будущие времена — благо лежит, есть не просит). Пишу одновременно об этом Ю. Б., но на него не надеюсь, а надеюсь на тебя.

В лаборатории положение осложнилось. Ее крепко «разбомбили», как выясняется, Боболев будет в совхозе до конца уборки; Похил, как он не упирался, посажен «директорствовать» (подозреваю, что последнее произошло не без Вашего участия); Курбангалина послана агитатором в район (очень жаль — работа ее сейчас была бы крайне нужна); у Бубна крупные неприятности на этой же почве (кстати Курбангалина поехала вместо него); Садовский долгое время работал в комиссии военкомата, представителем от райкома, неделю назад освободился, а теперь его забирает Иоффе для поездки в Президиум; у Юзерович тяжело больна мать, и она не работает. Остаются 3—4 человека. Если же учесть ставшие последнее время массовыми авралы: колхоз-

ные, дровяные и т. д., то не трудно видеть, что с основной работой дело обстоит неважно, хотя пока еще пытаемся кое-что делать, и в других лабораториях еще хуже дело обстоит.

Нужно прямо сказать — время для Института очень тяжелое. Всего лучшего, еще раз прошу доставить нам алюминий, иначе мы совсем сядем.

25.06. 43 г.

А. Беляев.

Дорогой Федя!

Когда введете Куюмджи в полный курс дел и когда начнется стройка, приезжайте ненадолго сюда. Здесь все решим, как быть, я лично с Наташей и Милкой переселюсь в Москву в августе. Пожалуйста, все подготовьте.

1. Хорошо бы двойные номера в Москве с постоянной пропиской . . . впредь до окончания ремонта квартиры. Можно в номере пожить 1—2 месяца, но не больше.

2. Машина легковая с шофером вполне отремонтированная. Я не верю в ремонт у Капицы, по-моему, лучше бы нам сговориться в Академии.

3. Хотя бы элементарная обстановка в квартире.

Семену Михайловичу дайте вполне самостоятельный большой участок, например, строительство—площадка—Моссовет—(транспорт) и т. п., пусть хозяйствует.

А Вы . . . Совнарком, Госплан, научные работы, Наркоматы и т. п., общее руководство.

Спасибо большое за . . .

Ваш Н. Семенов.

Дорогой Федор Иванович!

Посылаю Вам отредактированные ответы Н. Н. на вопросы парторганизации, письмо Н. Н. и, наконец, старые материалы (исправленные в соответствии с Вашими московскими пожеланиями) по нашим представлениям в Академию.

Сегодня Н. Н. уехал в Шелонгу . . .

Работа в Казани идет спокойно. Немного нажимают наши в КАП. Хорошие результаты получил Рябинин. Варшавский и Щелкин оформляют документы и командировки в Москву.

В группе химкинетики постепенно прибавляются работающие единицы. Вчера запустили установку Вере Георгиевне, и я работал с 7 утра до 23.30 мин. Кажется, сразу же получили интересный эффект.

Люди сильно заняты огородами, и коллективными, и индивидуальными.

Хорошо организовали и провели защиту Косарева. Об этом он Вам, вероятно, сам звонил по телефону.

На днях к Вам выезжает Вершилова. Рудковский едет в Саратов, куда его пригласил химгаз для консультаций и обсуждения вопроса о переходе его на руководящую работу на химгаз.

В общем, жизнь здесь тихая, и вероятно, на Вашу, московскую, мало похожа.

Ждем московского отчета, т. к. не знаем, как идет наша наука в Москве.

Лично я весьма удовлетворен началом работы в лаборатории и все больше убеждаюсь, что этим именно и следует заниматься.

Мой привет Семену Михайловичу, Яше и всем нашим москвичам.

С приветом Н. Эмануэль.

7.07. 1943 г.

Уважаемый Федор Иванович!

Это письмо я пишу Вам по распоряжению Николая Николаевича и только по одному вопросу.

Козаченко, как он говорит, приехал в Казань для постройки прибора нашими силами, т. к. в Москве нас не устраивают ни сроки проектирования, ни сроки постройки, ни стоимость. Причем, последней он и сам не знает. Мне сообщили, что для проектирования и для постройки прибора здесь в Казани нужно прибегнуть к сдаче работ посторонним лицам, т. к. своих сил для этого у нас нет. Да это, очевидно, так и есть, если вспомнить хотя бы историю с катером, «прибором» не столь уж сложным, который не закончен до сего времени.

По грубой прикидке Козаченко и Руссияна работа эта будет стоить:

а) проект с начислениями	— 10000
б) постройка	— 40000
	50000

При общем ассигновании по ст. 8-й (оборудование) на 1943 г. в сумме 76 тыс. руб. мы имеем на сегодня остаток в сумме около 52 тыс. руб. Таким образом, построив этот прибор, мы должны будем отказаться от какого-либо приобретения или ремонта оборудования до конца года, что, конечно, на мой взгляд, является совершенно недопустимым, о чем я и доложил Николаю Николаевичу.

Он не только согласился со мной, но и добавил, что независимо от этого даже прибор этот должен строиться не за счет нашего Института, а за счет какого-то Наркомата (какого — знаете

Вы!) и просил меня написать Вам об этом и о необходимости получить средства на это дело. Если найдется такой Наркомат, который возьмет на себя финансирование постройки этого прибора, то конечно, лучше всего, чтобы это было оформлено договором как научно-исследовательская работа, результатом которой является этот прибор. Разрешение на договорные работы на 100 тыс. руб. мы имеем, но т. к. мы их не используем — финотдел мог отдать этот лимит кому-либо другому.

Поэтому перед заключением договора необходимо этот вопрос «проветилировать» в финотделе.

Пока же мы начинаем и проектирование, и постройку за счет институтских средств в надежде на то, что через 10—15 дней деньги эти Госбюджету будут восстановлены. В противном случае работа должна будет приостановиться, т. к. на счете у нас таких денег (в данный момент) нет и быть не может, ибо 52 тыс. руб. — это остаток до конца года, который Шидловский спускает постепенно.

Уважающий Вас С. Березин.

7.07. 43 г.

Уважаемый Федор Иванович!

По телефону сегодня мы не смогли закончить разговор о Коршуновой, т. к. нас прервали. Дело, конечно, не в Коршуновой, или, вернее, не в одной Коршуновой, а вот в чем:

- 1) оставленная С. М. Кулумджи до нового штата Авраменко В. И.;
- 2) оставленная Н. Н. Клабина;
- 3) не оформляется никак Коршунова;
- 4) подлежащая за действительным сокращением штата переводу или увольнению Рудковская;
- 5) переводится с договоров М. Н. Харитон;
- 6) вновь зачисленная Тата Харитон.

Это имеется! А требуются . . . лаборанты, так, по крайней мере, говорят зав. лабораториями. Мне кажется, что ни Авраменко, ни Клабина уволены быть не могут, т. к. на увольнение научно-технического персонала нет сокращения.

Поэтому-то в Казани Н. Н. и Похил должны решить этот вопрос в целом по получении нового штата.

Зельдович и Коршунова это хорошо понимают и поэтому стараются всячески закрепить свои позиции.

Что же касается суточных Коршуновой, то она на них никакого права не имеет, т. к. даже сам Зельдович не требовал их

для нее. Вспомните разговор его с Вами, Н. Н. и со мной в Москве.

Уважающий Вас С. Березин.

8.07. 1943 г.

Здравствуй, Федя!

Ты что-то совсем о себе не даешь знать друзьям, молчишь словно тебя и нет. А знать, как обстоит дело, так сказать, реально, в натуре, было бы весьма интересно и полезно. Н. Н. делал доклад на открытом партсобрании о перспективах работы Института. Картина из доклада получилась довольно радужная, но, учитывая увлекающуюся натуру Н. Н., надо, по-видимому, на эту картину посмотреть сквозь очки реализма. Из всех вариантов переезда в Москву, кажется, был бы самым многообещающим — переезд всеми одновременно, но он, конечно, рискованный, отчаянный.

Но зато мы могли бы забрать все продукты (картофель, капусту) и жили, не думая о пропитании. С огородами обстоит дела следующим образом. Имеется около 8 га картофеля. Если отбросить все увлечения . . . , то, может быть, получим с них 70—75 т (было бы хорошо). С капустой зверски опоздали (с посадкой), потратив к тому же много денег на рассаду. Посаженная капуста в количестве 2500 шт. от 15 июня хороша, а посаженная от 17, через неделю, неважна (вот тебе и день год кормит). Что касается моркови и свеклы, то это будет премия за разглагольствование, если там что-либо получится. Так что реально картофель и некоторое количество капусты, и то, если, конечно, не будет засухи (посадка у нас по сравнению с частным сектором колхозников — поэзия). Из всех розовых цветов первоначального плана имеются пока что виды на урожай двух культур: картофеля и капусты. Я сейчас в огородной комиссии и гоняю людей на работу: конечно, больше всего (или почти) работаю физически и сам. Вымотался страшно (не узнать, какой я стал худощивый). Народ выгнать представляет таких трудов, что система графиков и поощрения мало помогает. Но, думаю, отработаем, хотя и тяжело. Картофель еще не весь окучен.

Теперь у меня к тебе такой вопрос или просьба. Так как, вероятно, мой лично переезд осенью в Москву будет без семьи, что очень тяжело для семьи, а квартиру я, занимающий весьма посредственный ранг, по-видимому, получу в одну из самых последних очередей, то я думаю, не возможен ли следующий вариант? У Лели есть сестра Маруся в Бородино (Можайский р-н, дер. Артемки). Маруся ждет не дождется нас с ее племянниками, она даже в расчете на нас выстроила дом, ухлопав весь хлеб

и прочее. Но обеспечить хлебом и прочими продуктами она, конечно, не сможет. Так вот, нельзя ли моему семейству, живя в Артемках, пользоваться московскими карточками (каковы на сей счет законы и практика?), может быть есть еще какой выход? Ты человек практичный и хорошо схватываешь обстановку, и может быть, есть какой вариант перевоза моего семейства в Бородино. Без карточек, конечно, семейство там не выдержит. Итак, жду ответа — не поленись ответить. Если нет выхода, кроме оставления семьи в Казани, что же, придется с этим вариантом согласиться.

Дома у тебя как будто все благополучно. Недавно у Валерика была какая-то болезнь, но Надя ее вылечила стрептоцидом. Индивидуальные огороды в колхозе очень паршивые у всех (у тебя 3 сотки лучше среднего, но в общем неважные, может быть еще выправятся, время еще есть).

Только узнал, что сейчас едет Садовский и, конечно, нет ни минуты времени сообщить Наде.

С дружеским приветом К. Чирков.

8.07. 43 г.

Федя!

Совершенно предварительные соображения о квартирах я дал Куюмджи. Основной план:

1. Квартиры в жилом доме только для основного состава Института, к которому я приписываю: 1) Семенов, 2) Дубовицкий, 3) Куюмджи, 4) Соколик, 5) Харитон, 6) Зельдович, 7) Кондратьев, 8) Воинов, 9) Гуссак, 10) Когарко, 11) Беляев, 12) Апин, 13) Лейпунский, 14) Щелкин, 15) Франк-Каменецкий, 16) Ковальский, 17) Эмануэль, 18) Налбандян, 19) Рябинин, 20) Зельманов.

Всего у нас 12 квартир: в доме — 3, в Институте обязательно предусмотреть две квартиры: у лестницы — одну, где Иоффе, и вторую — внизу, обязательно! Больше хороших мест для квартир в Институте нет, одна моя в Академии, т. е. 16 квартир. Четыре добудем позднее (пока Беляева, Апина — в одну, Налбандян, Когарко — придут позднее). Я хотел бы, чтобы Ковальский и Эмануэль жили в Институте, как раз в двух квартирах у лестницы, так что эту квартиру можно отделать зимой. Квартиру Кондратьева зарезервировать и пусть стоит пустая. Главная задача — обеспечить квартирами этот костяк Института. Затем всех переехавших сотрудников лаборатории (хотелось бы, кроме Варшавского и Макарова, которых хорошо бы устроить на чужой площади) в течение этого года разместить в лабораторных

и канцелярских помещениях второго этажа, которые надо разгородить под лаборатории.

Я хотел бы, чтобы с середины зимы все эти сотрудники могли прочно жить с семьями. В течение зимы мы должны достать дом и так, чтобы летом будущего года отремонтировать и переселить из Института.

Мне все-таки хотелось бы все усилия направить к тому, чтобы большая часть Института зимовала в Москве, а весной — весь Институт. Ну, приедете — поговорим.

Ваш Н. Семенов.

Многоуважаемый Федор Иванович!

Прежде всего благодарю Вас за внимание и за заботу о Марии Ивановне, но боюсь, что из всего этого ничего не выйдет по следующим причинам: такой уж мы «невезучий» народ, что когда мы и находим людей, желающих нам помочь, обстоятельства складываются против нас. Так обстоит дело и сейчас.

1. В Шелангу принимают только академиков, членов-корреспондентов и, как исключение, докторов. Следовательно, исключение из правил, а это — уже трудность, которая может успехом и не увенчаться.

2. При теперешнем (на сегодняшний день) положении, когда М. И. уйдет в отпуск без сохранения зарплаты, достать 1600 руб. я, конечно, не смогу.

3. Премии у нас осталось 3,5 тыс. руб. Из них какая-то часть должна быть забронирована для премирования Когарко (распоряжение Н. Н.), а может быть, и для других. Меня Вы премировать вообще не можете, не говорю уже о том, что 5000 руб. я из этого фонда получил.

4. Если бы даже путевку М. И. и дали, скидку она может иметь не более месячного оклада, т. е. 400 руб.

Вот те трудности, о которых по телефону я не нашел возможным Вам говорить.

Вообще, Федор Иванович, я совершенно упал духом. Самое главное это то, что в моей «душевной механике» есть какое-то зло, корень которого я никак не могу найти, чтобы ухватиться за него и вытащить и самое зло.

Перехожу к делам служебным:

1. О состоянии институтских дел вообще не хочу говорить, т. к. это будет все та же старая песня. Будет, вероятно, лучше, если на этот мотив споет Вам песню какой-либо другой певец. Письмо это хочу послать с Ниной Альбертовной, она и будет этим новым певцом, вероятно. Ну это, конечно, шутка.

2. С переводом денег на зарплату за старое время ничего не вышло. На будущее время нужно иметь список людей, которые хотят получить свою зарплату в Москве. Причем изменения в этом списке должны быть нам известны каждое 10 и 25 число. Только при этом мы будем иметь возможность переводить Вам на Ваш счет зарплату с тем, чтобы Вы получили с Вашего счета ее беспрепятственно. Поэтому за старое время по тем листам, которые Вам были посланы, и если они еще Вами не оплачены, телеграфируйте кому, за какое время, куда следует перевести. Но только обязательно телеграфируйте, а не передавайте по телефону, и после телеграммы в Москве не платите. Так как все это довольно канителью, было бы хорошо извернуться и заплатить по старым листам в Москве. Жуковскому обязательно надо заплатить в Москве, а то он уже прислал жалобу в местком.

Тем, кто не оставил доверенности на получение зарплаты в Казани, т. е. Салиной, Арбузовой, Гуссаку, Садовникову, Ривину, будем посылать зарплату по почте по адресу Института. Если этот адрес их не устраивает, пусть сообщат по телеграфу другой.

Коршуновой передайте мое возмущение тем, что она, не закончив передачу, смылась в Москву, хотя времени у нее было достаточно. Прилагаемую при сем ведомость на баллон (за составление ее Коршунова должна будет заплатить мне по халтурным ценам) Коршунова должна подписать и срочно вернуть в Институт; Коршунова должна представить Вам рапорт с визой Зельдовича с просьбой о переводе ее на другую работу. Этот рапорт с Вашей резолюцией необходимо направить сюда для оформления в деле. Укажите, с какого числа она переводится и с каким окладом.

3. Дайте распоряжение о Вашей зарплате. Об этом я пишу Вам уже не первый раз. А то, честное слово, прекратим выдавать ее Кашниковой.

4. Т. к. проект штатного расписания Иютковская перепечатать не успеет, она заменяет М. И., и это письмо я пишу на машинке сам, сообщаю Вам следующее:

А. Вакансии:

Ст. н. с.	2	Эл. монтер	2
Мл. н. с., канд.	5	Моторист	1
Зав. констр. бюро	1	Механики	6
Конструктор	1	Слесарь	1
Техник-химик	1	Зав. мех. маст.	1
Техник-механик	1	Курьер	1
Ст. лаборант	1	Садовник	1
Пом. директора	1	Дворники	2
Секр.-маш.	1	Шофер	2

Комендант	1	Истопники	4
Пож. стор. охр.	9	Уборщицы	2

Всего 51 вакансия

Конечно, это при том условии, что штат утвержден Институ-
ту в таком виде, как был представлен в Штатную комиссию.
Б. Нужно решить, куда переводить:

Симонову, Клабину, Авраменюк, Коршунову, Харитон М. Н.
и Харитон Т., Дейча, Рудковскую. Переводить ли С. М. на долж-
ность машинистки-секретаря, или она будет оставлена на той же
должности?

В. Переведены в моем наброске:

Беляев — зав. лабораторией.

Беляева, Юзефович, Кашникова — м. н. с.

Ивановская — с. инж.-констр.

Цинис, Ратенер — ст. лаборанты (нет др. вакансий).

Веселовская — лаборант.

Г. Зачислены:

Франк-Каменецкий, Макаров — ст. н. с.

Штейнбок оставлен без изменений.

Всем привет.

Уважающий Вас С. Березин.

13.04. 43 г.

Уважаемый Федор Иванович!

Согласно последним сплетням, Ваш Институт переведен в
Москву. Адреса здесь никто не знает, но я надеюсь, что наши
московские коллеги будут так любезны, что переправят Вам мою
записку.

У меня к Вам большая просьба, надеюсь, что Вам будет не
трудно ее исполнить. Дело в том, что перед эвакуацией в Ваш
Институт была передана диссертация Когана. Меня интересует
ее судьба. Вывезли ли ее или оставили в Ленинграде или со-
жгли?

Если она цела, то каким образом можно воспользоваться су-
ществующим, якобы, положением о возможности заочной защиты
для участников Отечественной войны.

Коган сейчас под Харьковом и просил навести соответству-
ющие справки.

Если диссертации в Вашем Институте нет, то как это нужно
оформить все снова, учитывая, что один экземпляр у нас в Ин-
ституте.

Если Вы сможете сообщить мне все эти вещи, я буду Вам
весьма признательна.

23.VII 43 г.

Ю. Битепаш.

Здравствуй, дорогой Федор!

После разговора с тобой, я особенно ясно почувствовал, сколько надо мне времени, чтобы наверстать упущенное, и я сейчас всеми силами стремлюсь из Казани, но речь идет не только о семье, но и обо мне самом. Я думаю, если семья будет в Бородино, это в значительной степени меня развяжет для той деятельности, о которой мы с тобой говорили.

Я тебя прошу ускорить дело с пропусками. Кроме всего прочего, ребята и Леля здесь совершенно запаршивели. Типичная казанская болезнь (здесь много типичных болезней) — ножная — совсем замучила и Витьку, и Юрку. Конечно, причина этой болезни не только Казань, но и недостаток витаминов и питания, притом полноценного. Держу их пока главным образом на картофеле.

Думаю, что у Маруси они поправятся, да и Леля оживет, а то тоже на скелет стала похожа. Одним словом, все дороги ведут в Рим, и на тебя у меня сейчас вся надежда.

С приветом твой друг Колька Чирков.

25.VIII 43 г.

Уважаемый Федор Иванович!

Извините меня, что беспокою Вас даже в Ваше отсутствие в Казани.

Меня очень интересует вопрос об отправке в Москву моей дочери. Сообщите, можно ли это осуществить, как и когда.

В отношении себя сообщить нового ничего не могу. Все по-прежнему, с работы не отпускают из-за отсутствия замены.

Прошу Вас, если Вас не затруднит, передать ответ моему мужу, а он поговорит со мною по телефону.

25.VIII 43 г.

Жорникова.

Федор Иванович!

Очень попрошу Вас, может Вы сможете помочь мне выехать из Казани, получив в Наркомате Авиационной промышленности отношение на наш завод с директивой отпустить меня с завода.

Буду Вам очень признательна.

Сизов, наш пом. директора по найму и увольнению, заявил, что если будет отношение за подписью Наркома или зам. Наркома, он не имеет права задерживать.

Жорникова.

Федя, здравствуй!

Уже 1.IX, а Вы все не пишете ни приказов, ничего. Кому нужно упаковываться? Куда ориентировать Институт, в университет или оставаться на месте? На сколько человек и их членов семейств дать сведения Матвееву, на выезд в Москву требует в сентябре, октябре месяцах? Работы полно. Институту необходимо выгрузить 500 м³ дров для Академии, и за это получим сотрудникам 100 м³ дров. Транспорт достать сейчас чрезвычайно трудно. В августе не додали нам 1,5 т бензина, 3 т нефти и 100 кг автола. Оформляйте немедленно наряд НКО на бензин и автол, а то будет труба.

Федя, сам приезжай к 15.IX или присылай Куюмджи.

Сил в Институте мало. Все болеют. Не забывай о пальто. Лаборатории упаковываются. Готовимся к уборке.

Привет Николаю Николаевичу, Кириллу, Семену, Яше и всем. Приезжай.

Самсонова и Шелковникова отправили к Вам.

Пишите.

Всего, Павел.

3 сентября 1943 г.

Директору ИХФ АН СССР
академику Н. Н. Семенову

Зам. директора по научной части
Ф. И. Дубовицкому

Направляю заявление, служебную характеристику и автобиографию Бреслер Анны Ефимовны, желающей поступить в аспирантуру нашего Института. А. Е. Бреслер с отличием окончила специализацию химической физики ЛПИ им. Калинина.

А. Е. Бреслер является женой и. о. старшего научного сотрудника Института М. Я. Гена, поэтому в предоставлении специальной жилплощади она не нуждается.

Проф. В. Н. Кондратьев согласен принять на себя руководство работой А. Е. Бреслер, если она будет принята в аспирантуру.

Прошу Вас сообщить возможность приема А. Е. Бреслер в аспирантуру, а также условия ее приема (т. е. следует ли ее подвергать вступительным экзаменам и в какой степени). Если Ваше решение будет положительным, прошу сообщить мне, т. к. дополнительно нужно составить представление в аспирантуру, а также приложить анкету для Управления кадров АН СССР.

3.09. 1943 г.

Н. Эмануэль.

Дорогой Федор Иванович!

Наш институтский народ, в свое время хорошо относившийся к Пете Садовникову и Леле Самбурской, просил меня написать Вам это письмо. Мы решили, что Вы, пожалуй, единственный в Институте человек, который может сделать что-либо для Лели..., но она находится сейчас в Сибири в очень тяжелом материальном и моральном состоянии.

Было бы великим делом в память Пети и в отношении самой Лели перевезти ее в Москву. Человек она добросовестный и Институту пригодится, да Вы это знаете лучше меня сами. Кроме того, Аркаша уже большой и ходит в школу, а Инночку все равно нужно поместить на длительный срок в санаторий. Я просил Юзефович и свою Таню, которая переписывается с Лелей, узнать, нет ли у нее возможности устроиться в Москве. Об этом я Вам сообщу дополнительно.

Думаю, что Вы подумаете, что можно для нее сделать.

Я сейчас, несмотря на болезнь, по-настоящему много работаю, в основном, по науке.

Есть результаты и желание работать. Очень большое. Сильно мешает то, что нет отдельной комнаты для моих людей — это снижает производительность раза в два.

Федор Иванович! Помогите не проворонить университет — это будет невозместимая потеря, т. к. дров нет.

Уважающий Вас Н. Эмануэль.

3.09. 1943 г.

Федор Иванович!

Кончил большое письмо Вам и пишу еще дополнительно, что была полная ясность.

Мне кажется, и это действительно так, после отъезда ленинградских учреждений в Казани никакой группы оставаться не должно. Все должны уехать в Москву или временно в Ленинград. Я думаю, что в Ленинград нужно устроить тех, кто Институту не очень нужен, и тех, кто имеет хорошие квартиры с перспективой обмена на Москву. При этом все это нужно сделать без шума. Ясно, что ленинградская группа должна быть работоспособной в научном смысле единицей. Я понял в передаче Матвеева именно так, что Вы приняли какое-то решение о ленинградской группе. Поэтому прошу Вас немедленно телеграфировать (я скажу, чтобы телеграммы не валялись в канцелярии, а передавались мне) о следующем:

1. Действительно ли собираться в Ленинград.
2. По какому вопросу.

3. Каково Ваше отношение к варианту небольшой (или большой, я не знаю) ленинградской группы.

4. Разрешение мне немедленно выехать в Москву (подпирают ужасно) — вызов мне не нужен.

5. Вызов на Блюмберг для сдачи спецотдела.

6. Кому передать дела уполномоченного (. . .).

Я хочу выехать следующим вагоном или даже в промежутке.

Ваш Н. Эмануэль.

Казань, 8.09. 43 г.

Добрый день, Федор Иванович!

Т. к. Коля сегодня на полигоне и И. Л. не увидит, чтоб успеть написать и передать тебе письмо, то с просьбой нашей обращаюсь к тебе я: ускорь на сколько можно высылку пропусков. Нам очень хотелось бы попасть на первый эшелон, а он отправляется, по слухам, между 15 и 20 сентября. Хотелось бы успеть помочь сестре с уборкой урожая и окончанием постройки дома. Нужно подготовиться к зиме, ей одной трудно учесть все необходимое.

Мы уже собрались ехать, и ужасно нудно сидеть и ждать.

Будь добр, помоги нам скорее выбраться отсюда, будем очень тебе благодарны.

С приветом, Леля.

Федя, здравствуй!

Мне совершенно не ясно, какие лаборатории едут в Москву в сентябре, октябре реально. Я действую согласно плану, мне оставленному, и не буду отвечать, если оборудование очутится в Москве, а сотрудники впоследствии будут оставлены на зиму в Казани. Почему ты, Федя, собираешься ехать к нам в конце сентября, а раньше нельзя? Какие семьи предназначаются к выезду в сентябре? Когда на них и на сотрудников придут пропуска? Готово ли у вас овощехранилище? Мы через Самтрест получим вагон специально под картофель и овощи и направим его в Москву с картофелем в конце сентября. Учтите. Кулей триста доставим мы в Самтресте — обещают. Доставайте в Москве кули, шлите нам. С транспортом сейчас в Казани чрезвычайно тяжелое положение. Нельзя достать полуторку даже на следующих условиях: даем бензин на заправку лишний и плюс к этому 30 л бензина за работу — одного дня. Нефтебывт августовскую норму, которую мы не выбрали, не дает. Из сентябрьской нормы 1,5 т обещают дать числа 15.IX 1 т бензина. Как перевести августовский остаток бензина и автола на сентябрь? В технабе имеется много стекла и посуды — шлите наряд — получим. Выгрузку дров

500 м³ начнем 13.IX и за это получим 70—100 м³ для сотрудников... Институт, я думаю, все-таки на зиму перевести в университет. Там уже имеется топливо, а у нас его нет. Когда приедешь, договоримся. Картошку начнем копать 20.IX. Что Кирилл сидит в Москве, гоните его . . . в Казань. Скажи сотрудникам, что немного дров дадим каждой семье — пусть не волнуются. Вагоны под оборудование нужно будет выгрузить на железной дороге собственными силами. Матвеев спустил туда только заявки и на этом конец его заботе. Если это можно — помогите доставить вагоны на конец месяца через Москву. До чего противна вся эта неопределенность с переводом Института. Тут и так много работы, а эта неопределенность усугубляет трудности. Моя квартира уже отделана? Федя, достань пальто у Зубова, Борисов поможет. Очень жаль, что его сейчас нет в Казани. Детали потом узнаешь, когда увидимся. Пиши и вызывай с семьями в Москву в октябре. Что будем делать с капустой — черт его знает. Замечательная капуста. О ней потом.

Привет Николаю Николаевичу, Кириллу, Сене, Сергею Петровичу, Яше, Абраму Соломоновичу и всем.

Пиши и звони почаще. Когда будет командировочный фонд? Ей-ей прекращу давать две подписи и тогда в Москву никто не выедет.

Казань, 15.09. 43 г.

Всего, Павел.

Уважаемый Федор Иванович!

Когда Вы были последний раз в Казани, я говорил Вам о кандидатуре моей подруги Абрамовой Галины Васильевны на должность нач. спецотдела нашего Института. Вы тогда отнеслись к этому положительно и разрешили мне начать это дело. Недавно я получила от нее телеграмму о том, что ее это очень устраивает и она просит начать хлопоты в этом направлении. Муж ее, Любарский Лев Саввич, мог бы поступить в аспирантуру. Эмануэль против этого не возражает.

Мне кажется, что Институт в лице этих двух людей приобретает хороших работников и Вы никогда не будете меня ругать за рекомендацию. Они оба члены партии, имеют прекрасные характеристики. Бумаги свои они уже выслали в Казань.

В Москве живет мать Гали и, таким образом, площадью они обеспечены постоянной и с этим вопросом никогда к Вам не будут приставать. Я им писала, что Институт никогда не сможет представить им площади, и они ответили, что это их устраивает.

Очень прошу Вас поскорее решить этот вопрос и, в случае положительного решения, сообщить, что нужно делать дальше. Посылать ли им вызов из Казани для приезда сюда, или Вы

сделаете это в Москве и пр. В настоящее время они находятся в Сталинабаде (до востребования), работают не по специальности.

Сообщаю Вам некоторые сведения о Любарском и Абрамовой. Оба они кончили Ленинградский технологический институт приблизительно в 1933 году. Затем работали на заводе литер «Б» — Любарский начальником установки, а Абрамова инженером и начальником учетной группы, затем также начальником установки. С 1938 г. Любарский работал научным сотрудником НИИ при Технологическом институте у Алексеевского на спецтематике. Вел сам и теоретическую и экспериментальную часть. Неплохо владеет стеклотканым искусством. В 1941 году в первые же дни ушел добровольцем, был ранен, после госпиталя уехал в Среднюю Азию к родителям. Абрамова провела зиму 1941 года в Ленинграде, работала в какой-то спец. химической лаборатории, кажется, начальником. Она, вообще, имеет склонности административные и преуспевает в этом направлении.

Простите, если надоела Вам таким длинным письмом, уж очень мне хочется, чтобы Вы согласились.

Эрна Блюмберг.

Здравствуйте, Федор Иванович!

Может быть, Вы теперь уже не интересуетесь сухофруктами, но на всякий случай сообщаю, что мне написала сестра. Во-первых, она берется закупить фрукты и, если можно для Института, но не знает, как это будет оформлено. Главное, ее пугают разъезды.

Она просит, если это дело будет решено, прислать ей внушительные документы, с которыми ей можно было бы свободно разъезжать по районам в пределах Узбекской, а если можно и Казахской республик. Без документов в совхозах разговаривать не хотят. Рыночные цены таковы: яблоки 100—130 руб. кг, урюк и изюм 150, алыча 80, помидоры 100 — это сухие фрукты. Оптовые цены в совхозе должны быть дешевле. Сейчас она их не знает, но ей обещали узнать. Доставка сухих фруктов в Москву могла бы быть произведена сестрой, которая в сентябре должна возвращаться в Москву с эшеленом Гипроазота. С ней поедут и все мои. Я думаю, что если будет от Академии соответствующее письмо, то можно включить этот груз в эшелон. Если же письма почему-либо не будет, тогда не знаю как. Для того чтобы Нина могла сопровождать груз в Москву, ей нужен вызов, т. к. через Олю ей не дают, как не самой близкой родственнице. Я, кажется, пишу очень бестолково, но Вы, надеюсь, поймете, Федор Иванович, обращаюсь к Вам по старой памяти за советом. Я не могу брать маму с Женей и Ниной в Казань. Здесь очень трудно с дровами и не легче с комнатой. Я думаю, что гораздо лучше им

будет жить пока в Москве у Оли. Скажите, можно было бы им 1) получить в Москве карточки как моим иждивенцам через магазин научных работников; 2) получить причитающиеся мне карточки и овощи с коллективного огорода не в Казани, а в Москве, т. к. Вам, вероятно, все это будут переправлять. Можно ли получить на них какое-нибудь количество дров. Для меня это чрезвычайно важные вопросы, и я Вам буду очень благодарен за ответ и возможную помощь. А что Вы думаете делать с нами из лаборатории кинетики? Как идут московские дела? У нас циркулируют самые разнообразные слухи на этот счет. Желаю Вам успеха и хорошего настроения.

А. Маркович.

Федя, здравствуй!

Итак, завтра 18.X приступаем копать картошку. Рабочей силой за счет техникума и нашего Института, как будто бы, хватит. С транспортом обстоят дела хуже, но предпринимаем все, что в наших силах, чтобы обеспечить вывоз картошки.

Одновременно всюду по лабораториям, материальному складу и с 21.IX по механической мастерской проходит упаковка. Добываем доски со скрипом. Но вот мы упакуемся, забудем, предположим, вагоны, кто же будет сопровождать вагоны? Пропусков в Москву на сотрудников нет. Допустим, пропуска пришлете, кого именно посылать в Москву в качестве сопровождающих? Это ведь связано с будущим. Кто едет в Москву семьями, без семей, это ведь чрезвычайно важно. По этим данным можно рассчитать, сколько картошки отправлять в Москву. Сообщите, Федя, эти данные, т. е. список сотрудников, кто, куда.

Давно уже Руссиян, по-видимому, вместе с Боболевым навезли в мехмастерскую (нашу) совхозные тракторы, цилиндры двигателей и т. п. Разрешения ни у кого не спрашивали, и вот сегодня т. Федоров, секретарь парторганизации и являющийся сейчас и. о. вице-президента, направил нам приказ — немедленно забрать цилиндры, организовав работу в мастерской в 3 смены. Откровенно говоря, не знаю, обязан ли я подчиняться этому приказу. Раньше я получил от тебя телеграмму, а затем по телефону договорился с тобой сворачивать работу мастерской. Это для меня приказ. Потому я здесь распорядился к 20.IX закончить заказы Зельдовича и 21.IX вытаскивать станки из мастерской. Таким образом, до 21.IX я приказа т. Федорова не выполняю. Как быть дальше? Пусть Николай Николаевич телеграфирует мне приступить к упаковке мастерской немедленно, а Федорову пусть телеграфирует Николай Николаевич — меня оставить в покое — не выполнять этого заказа (работа большая). Или те-

легграфируйте (немедленно) продолжать работу в мастерской, а следовательно, и выполнять приказ т. Федорова. Чтобы получить бензин, добейтесь распоряжения — разбронировать энное количество бензина, и тогда мы его получим. Одним словом, я считаю, что тебе, Федя, необходимо сейчас же выехать в Казань. Работы здесь, исключительно ответственной и по характеру сезонной, очень много. Передай это Николаю Николаевичу. Руссиян сейчас в «лес» смотрит и не является надежной опорой. «Осинники» его больше интересуют.

Телеграфируй. Привет всем.

Павел.

Федор Иванович!

Почему следует от тебя такой вопрос, т. е. что нужно делать в Наркомате в отношении меня? По моему, совершенно ясно, раз заварили кашу, надо действовать. В зависимости от Вашего умения поставить вопрос (Николай Николаевич и Ты) в Наркомате, несомненно, будет положительное решение.

Я хочу пойти работать в лабораторию Соколика вместе с Румянцевым. Если бы можно было вызвать меня в Москву для переговоров, было бы хорошо. А такая возможность у меня сейчас есть, т. к. к началу учебного года я готов.

Что нужно будет сделать в отношении отправки Надежды Петровны, я сделаю.

С приветом, С. Когарко.

25.09. 43 г.

P. S.

Позвони ко мне по телефону, телефон мой работает все время бесперебойно.

Федя, здравствуй!

Завтра, 26.IX, кончаем копку картошки и ее вывезем до 28.IX. Из «Осинник» Руссиян привез 1 тонну гороха, 1 тонну ячневой крупы и 100 кг луку, а раньше вывезли 0,5 тонны гороха, оставшегося: картошка и крупа — вывезем.

26.IX Руссиян едет в «Осинники» сдавать электростанцию. Из Куйбышева Рудковская ничего не сообщает — дал сегодня ей телеграмму. На Руссияна оформляем документы для пропуска, но кому он сдаст дела? Ведь имущества за отделом главного механика числится очень много. Кто будет руководить демонтажом различных проводок, труб и прочим? Или, невзирая ни на что, Руссияна все же спешно посылать в Москву?

Поскорей сообщи — может быть даже телеграфируй.

Сведения на всех сотрудников на пропуска частично послали, а на остальных пошлем скоро.

Оборудование будем отправлять в Москву в начале октября. Пропусков на сотрудников ты, Федя, не прислал, и я вынужден добывать пропуска, оформляя командировки на некоторых сотрудников. Как хорошо было бы, Федя, если бы ты приехал сюда. Больше было бы ясности.

Приезжай.

Всего, Павел.

Федор Иванович!

Положение с бензином и автолом безнадежное. Не удастся без этого обеспечить ни дровами Институт, ни сотрудников, ни вывезти овощи. Нужно принимать самые срочные меры, чтобы Вы приехали с нарядом. Кроме того, у Рябинина интересные результаты, и для окончания работ нужно 1 тонну бензина.

Количество минимальное для перевозки дров и овощей:

1. Для сотрудников на двух газогенераторных машинах — 300 литров.

2. Дров Институту на чужих машинах с нашим бензином с оплатой 30% — 1200 литров.

3. Перевозка овощей из совхоза на площадку Института на газогенераторных машинах — 500 литров.

Автола на все это необходимо 150—200 кг.

Считаю необходимым:

1. Чтобы Академия дала все 1200 литров. Поставьте остро этот вопрос перед Президиумом, и Вам самому нужно добиваться этой цели прямо в Совнарком, иначе Институт работать не сможет.

Ботвиник обещает 250 литров — это и недостаточно, и не очень твердо.

2. Получите по наряду на Рябинина 2 тонны (одна для дров и овощей и одна для Рябинина).

Без этого Вам в Казань приезжать нельзя. Керосина также необходимо около тонны.

Повторяю: без твердых нарядов не приезжайте.

Через Наркомпищепром необходимо достать соли для засола трех тонн капусты.

Сеять в будущем году будем в Москве. Нужно получить место по Калужскому шоссе для нашего хозяйства вместе с полигоном. Хорошо бы подыскать усадьбу. Проверьте в Узком у директора, есть ли что на реке Десне. Осенью придется поднимать зябь. Узнайте, где можно, и соберите сведения. Окончательно решим,

когда Вы приедете в Казань. Весной этот вопрос решать будет поздно.

Заказы Зельманова будем стараться всемерно выполнять, но больше заказов не присылайте. Невозможно.

Н. Семенов.

Дорогой Федя!

Письмо получил, говорил с Когарко, так что в основном познакомился с московской обстановкой и условиями. И все же, понимаешь, Федя, как-то неожиданно, я уже совсем собирался ехать к Вам, об этом мне говорил Коля Э. по возвращении из Москвы, то же самое говорил Куюмджи, и вдруг приезжает Когарко и т. д.

Ну, как видно, тут уже делу не поможешь. Главное то, что мне в Казани делать нечего — неудобно болтаться без работы. Просиживаю, читаю в библиотеке и таким образом провожу время. Я с тобой согласен, что мне лучше поехать в Москву. Ты мне сделай вызов, чтобы здесь Иван Васильевич или кто-либо другой оформил командировку. Приедет скоро Беляев, посоветуйся, Федя, с ним, когда удобнее всего меня вызывать в Москву. Когда, хотя приблизительно, я смогу забрать семью в Москву? Мне это хотелось бы знать, и в зависимости от этого я отправлял, хотя бы частично, семейное «барахло» (кровати и проч.). Эшелон ведь будет не раньше как осенью? (да и то вряд ли?). Напиши.

Партгруппу Вам необходимо создать немедленно. Это ведь азбучная истина. Нужно этим вопросом заняться Кириллу.

Тебе, Федя, необходимо сходить в РК, и пусть они затребуют твое личное партийное дело из РК Молотовского района г. Казани и уже на основе этого дела выдадут партбилет. Это разъяснение я получил в Молотовском РК ВКПб. Всем остальным членам партии нужно сообщить РК (как будто Ленинского р-на), где находятся их партийные дела, в каком райкоме Ленинграда и Ленинский РК их затребует. После этого, после получения партдел (учетных карточек), Вам разрешат создать партгруппу. Передай Кириллу, Васе, Леве, Семену, что их дела в Ленинграде, а не в Казани. Твое дело в Казани (здесь тебя принимали в чл. ВКПб). Взносы за тебя уплачены. Судя по письму, ты, Федя, . . . — держи себя в руках и будь осторожен, это, мне кажется, сейчас требуется в большей степени, чем даже в спокойной обстановке.

Привет всем. Пиши.

Руссиян ничего не рассказывает.

Твой Павел.

Николай Николаевич и Федор Иванович!

Я уже многократно Вас просил, чтобы Федор Иванович спешно выехал в Казань. Мы, особенно сейчас, явно не справляемся с работой. Целый ряд задач, который необходимо решить весьма срочно, максимум до 20—25.IX — это вывоз картошки в Москву, вывоз картошки из Куйбышева и из совхоза «Осинники». Качество картошки низкое — гниет. Тары нет и достать не можем. Все это вместе взятое распыляет наши и так недостаточные силы. Академия транспорта не дает. Места на вокзале, чтобы вывозить оборудование для погрузки в вагоны, не дают.

Работу провели за истекший период времени большую, но нет у нас ни одного толкового организатора и сроки выполнения, особенно предстоящих задач, не выдерживают никакой критики. Поэтому, чтобы спасти положение, хотя бы в какой-либо степени, Федору Ивановичу необходимо срочно приехать в Казань.

Картошку с коллективного огорода убрали — 35 тонн. Капусту убираем.

Упаковка по лабораториям приближается к концу. Приступили к демонтажу электропроводки и проч. С электростанцией закончили (благополучно). Плана действий, общего плана от Вас мы так и не получили, что затрудняло и затрудняет работу.

Еще раз повторяю — спешный приезд Федора Ивановича крайне необходим — может быть, сведем концы с концами.

Телеграфируйте или лучше приезжайте.

Всего, Павел.

P. S.

Переезжаем в университет. Дрова сотрудникам (многим) не вывезли.

Федор Иванович!

Я совершенно убита неожиданным отказом Академии в пропусках моей матери и дочери и не понимаю причин. Вызывать их в Казань бесполезно. Больная старуха и больной ребенок (у Жени малярия) не могут ехать зимой с двумя пересадками. И даже не зимой. А сейчас, имея пропуска, они бы приехали совершенно спокойно в прямом вагоне с организованными. А ведь рано или поздно Академия все равно должна дать им пропуск, когда, скажем, я буду в Москве. Так почему не дать его сейчас. Тем более что они будут жить у сестры и ничем обременять Институт не будут.

Федор Иванович, я очень прошу Вас объяснить мое положение в Президиуме. Я уверена, что пропуска они дадут, узнав все положение вещей. Надеюсь на Вашу помощь.

Уважающая Вас Маркович.

Федор Иванович!

Здесь дела с получением вагонов обстоят следующим образом: пассажирский и товарные вагоны должны быть использованы нами обязательно в январе.

На пассажирский вагон мы подали заявку на 31 января.

По телеграмме НКПС нам предоставляется вагон в поезде № 46. В этом вагоне пассажиры будут ехать из Свердловска до Казани, в Казани они слезут, и мы должны будем погрузиться в него в течение одного часа (время стоянки поезда). Казань дала телеграмму в Свердловск о бронировании нам вагона на проезд из Казани до Москвы в поезде № 46 на 31 января 1944 года. Ждем ответа.

Если все будет проходить нормально, то приедем в Москву 1 февраля.

Хуже дело обстоит с товарными вагонами, т. к. развернутого плана дороги нами представлено не было. Мною было составлено письмо за подписью Косарева на имя начальника дороги о предоставлении все же нам товарных вагонов. В письме была пущена слеза, и это пока дает некоторые надежды на получение двух вагонов. Зам. нач. дороги т. Каратышев наложил резолюцию, обязывающую плановый отдел дороги разобраться в нашем деле и заготовить распоряжение. Распоряжение на предоставление двух вагонов написано, но пока еще не подписано. Просили сегодня зайти после двух часов.

Косарев считает, что если мы это распоряжение получим, то он по нему уже сумеет получить вагоны.

Обдумали вопрос с транспортом, даст одну машину Косарев, а другую получим в Академии. Если даже выйдет задержка с товарными вагонами, то народ все равно выедет 31-го, т. к. иначе пропадет вагон. Мне в этом случае придется задержаться.

В отношении партвзносов я говорил с Морозовым, обещал сделать, но пока еще не сделал.

Камышеву сказал о приготовлении Вашей посылки.

С приветом, С. Когарко.

27.01. 44 г.

Дорогой Федор Иванович!

Благодарю за столь быструю реакцию на мое письмо. Ваш вызов совпал с телеграммой от Таниного брата и сестры, приехавшей в Москву. Кроме того, мы даем ей несколько поручений в отдел аспирантуры и по части новой литературы, которой нет в Казани.

До меня дошли слухи, что, якобы, в Институте появились новые лаборатории, в том числе и моя. Правда ли это, и с какого

числа и как оформлено? Вероятно, в немалой доле это зависело и от Вас, а посему также благодарю (я помню, что летом Вы говорили о возможности дать мне лабораторию). Фактически эта лаборатория уже у меня была, только не называлась моей лабораторией — в ней все темы мои и работают сотрудники под моим руководством.

Сейчас, несмотря на громадное количество дел по Казгруппе, спецотделу и т. п., я вечерами и по выходным дням запустил две работы и получил весьма интересные результаты (с Майзуз и Маркович). Информацию (предварительную) я послал Николаю Николаевичу. Сейчас интенсивно разворачиваю работу.

Федор Иванович! Если назначение мое прошло официально, то хорошо бы меня сейчас освободить от обязанностей ученого секретаря, а главное, от спецотдела. Очень прошу решить наконец этот вопрос. Ознакомьтесь у Волкова с письмом, из которого Вам станет ясно, что это дело стало серьезным. Есть превосходная кандидатура — Павел Федорович Похил. В Москву Вы его пока не взяли, а здесь он в абсолютном бездельи. Либо вообще его нет в Институте, а когда бывает, то либо читает журнальчики вроде «Наука и жизнь», либо беседует с друзьями. Я ничего не имею против Павлушки, но он здорово . . . поправился и абсолютно не загружен. Вряд ли можно признать допустимым и справедливым такое положение, особенно если вспомнить ошибку, что меня, а не его назначили начальником. Все было бы ничего, и я бы дотерпел до конца, но история с печатями, за которые пришлось дать Эрне строгий выговор с предупреждением, ухудшили положение. Пришлось очень много времени посвятить спецотделу.

Приезжайте обязательно в Казань, поглядите на нашу жизнь и примите решение насчет Похила. Он очень удобен. Примет дело здесь, поедет в Москву работать и заодно передаст со временем спецотдел в Москве следующему начальнику.

Теперь еще вопрос. По-моему, нужно продумать вопрос о возможности обменять квартиры в Ленинграде на Москву. Надо как-то получить в Ленинграде или путем Постановления СНК, или путем временного перевода хозяев квартир в Ленинград и с последующим обменом. У меня, например, есть даже кандидатура на сей счет.

Наконец, нужно решить вопрос, кто из сотрудников казанской группы нужен нам в Москве, а тем, кто не нужен, нужно помочь устроиться в Ленинградские учреждения с тем, чтобы они могли реэвакуироваться в свои квартиры в Ленинград. Это будет вполне благородно. Поговорите по этим вопросам с Н. Н., я ему также написал об этом.

Насчет нашей квартиры прошу поговорить с Таней — она в этих делах понимает. Если будет возможность получить хоро-

шую квартиру на Калужской, то это лучше, чем в Институте, и я предпочитаю последний вариант. Потом я не знаю, где там выходит 3 квартиры рядом с Н. Н., по-моему, там больше 2-х никак не наскрести. В общем, покажите Тане план, а то я в этих делах не шибко силен.

Если лаборатория моя факт, то нужно немедленно освободиться от всех лишних нагрузок и работать. Нужно стать в короткий срок полным специалистом в своей области — планы у меня правильные и широкие, но образования и эрудиции не хватает.

Приезжайте в Казань.

Послал на имя Н. Н. представление о вынесении благодарности и о премировании В. Д. Грамматчиковой. Прошу поддержать его — она одна безвозмездно исполняет обязанности библиотекаря, машинистки, секретаря, счетного работника.

Ваш Н. Эмануэль.

30.01. 44 г.

Тов. Дубовицкий!

Мое письмо к Вам вызвано тем, что, насколько я знаю, в Институте в Москве парторганизация еще не создана, а есть ряд вопросов, которые возникли здесь в Казани, и я не могу, чтоб они неправильно осветили истинную картину.

Партбюро Академии хочет ходатайствовать перед Президиумом АН о реэвакуации ленинградцев, ранее эвакуированных различными организациями АН, но по ряду причин не могущих уехать сейчас с ними (ряд институтов переехал в Москву и их оставили здесь, не поймите, что это я говорю о ИХФ и т. д.). Вполне ясно, что, узнав об этом, многие люди поставили вопрос — «как быть?» Вообще, вопрос, конечно, деликатный. Но мне кажется, что здесь есть плюсы и минусы. Минусы — может создаться мнение, что выразят желание на реэвакуацию люди, нужные Институту. Но для этого требуется конкретное указание, в котором Институт заинтересован, и одновременно избавит Институт от забот о лицах, которых Институту обеспечить жильем в Москве представляется трудным. Еще раз хочу, чтоб Вы поняли это не как дополнительную трудность для работников дирекции, которой и без того нелегко с организацией работ в Москве. Это ни в какой мере не нарушит проведение работ научных сотрудников, которых дирекция считает нужным закрепить. С этим мы здесь, бесспорно, справимся. Но . . . неясные вопросы, которые, бесспорно, возникают в связи с подготовкой ряда организаций по реэвакуации в Ленинград и дестабилизируют сотрудников в момент самого отъезда институтов. Нужно внести ясность сей-

час, иначе нервозность со временем будет расти. О других плюсах говорить не буду, они и так ясны. Очень возможно, что при не совсем ясной информации у директора Института акад. Н. Н. Семенова может создаться не совсем правильное представление о том, что здесь происходит, и я боюсь, что без ясной картины у Вас это может вызвать ряд ненужных осложнений. Вы понимаете, что субъективное изложение этого вопроса отдельными людьми не поможет делу, а лишь обострит.

Коротко говоря, нужна ясность по лицам и не оттягивая вопроса, т. к. для отъезда оформление проходит сейчас.

Тов. Дубовицкий, если партгруппа у Вас создана, то я бы хотел, чтоб они были Вами информированы, и нам желательно для ориентации знать ее мнение.

Парторг ИХФ Казанской группы.

11.02. 44 г.

Федор Иванович!

Только что ко мне зашла одна сотрудница столовой АН в Казани. Ее направили в наш Институт, поскольку в АХУ известно о нашем эшелоне. Я ее знаю очень мало (видел, что она работала поваром и одно время официанткой), но хорошо ее знает О. С. Сидорова. Так вот, она просит взять ее сопровождать грузы с тем, чтобы ей приехать в Москву. У нее московский паспорт и жила она до войны в том же доме, где О. Сидорова. Она, вероятно, сможет работать по снабжению, если Вам это понадобится. У нее сын взят недавно в армию, о чем есть справки из военкомата. Я ей ответил, что я не хозяин этих дел и единственное, что могу сделать, — это написать Вам. Если Вы этим заинтересуетесь или просто захотите сделать, то поговорите с Сидоровой для получения характеристики.

Эта женщина — Ольга Евгеньевна Гольдберг. Вот и все. Поскольку она сюда заходит, и я должен сообщить ей решение Москвы — черкните мне Ваше решение.

Ваш Н. Эмануэль.

19.01. 44 г.

Дорогой Федор Иванович!

Вашу телеграмму получил и вчера Вам ответил, узнав все, что можно в Выборгском отделе связи. Приемники начали выдавать по мере разборки их на складе по биркам или надписям на приемнике.

Разобрали далеко не все. Узнал, что почти все приемники типа Т6 взяты военным ведомством и по ним расчет будет позже.

По получении повестки необходимо явиться на склад с квитанцией о сдаче приемника и с паспортом. Если квитанция утеряна, то подается об этом заявление, и особая комиссия разрешает выдать приемник по паспорту. На многих приемниках не сохранились надписи. Тогда нужно подать заявление и приложить квитанцию. Если нет квитанции и надпись на приемнике не сохранилась, то дело хуже, и придется им устанавливать владельца по корешкам квитанций.

Я просмотрел списки владельцев приемников, находящихся на складе К. Маркса, 37 (туда свезли часть приемников из 21 п/о) и не нашел там ни одной фамилии сотрудников ИХФ.

Договорился следующим образом: я подаю заявление в 21 п/о о том, чтобы повестки на получение приемников, поступающие по адресу: Приютская, 1/4, Ольгинская, 12, Сосновка, 1/3, Раевского, 2, на имя Н. Семенова были доставлены мне. Называю я следующие фамилии: Н. Семенов, Ф. Дубовицкий, В. Кондратьев, А. Апин, А. Беляев, А. Налбандян, А. Ковальский, Н. Чирков, В. Боболев, Л. Авраменко, Л. Гуссак, Сухотин. Если кого-либо пропустил, напишите. Что касается остальных, не проживавших в районе обслуживания 21 п/о, я ничего сделать не могу, не зная их адресов и номеров почтовых отделений. Когда получу повестки, то буду телеграфировать. Независимо от того, что делаю я, советую Вам сделать следующее. Написать письмо в Областное Управление связи с изложением сути дела, со списком лиц, сдавших приемники, с указанием: куда сдал, когда сдал, тип приемника, № квитанции с просьбой разыскать их по спискам, составленным складами, и с просьбой сообщить результаты поисков мне. Я с этой бумагой пойду на почтамт и постараюсь что-либо сделать. Относительно доставки приемников придется договориться с проводником академического вагона. Он за небольшую плату занимается транспортными операциями. Здесь же придется нанять какого-нибудь сотрудника, который будет возить приемники со склада на вокзал и т. п. Кажется все.

Мои дела улучшились. А. С. Гуца помог мне, и жену мою отпустили с завода. Теперь наслаждаюсь семейной жизнью и привыкаю к ней после 3,5 лет. В ЛПИ дела идут туго. Собираются принять осенью 900 чел. на I курс, но что выйдет из этого, не знаю. Что слышно в ИХФ? Построили ли стандартный дом? Какова дальнейшая перспектива с жилплощадью?

Привет Н. П. и всем, кому нужно.

Ваш Шойхет.

Ленинград,

10.04. 45 г.

ТЕЛЕГРАММЫ

Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Отчет первое полугодие Московской группы необходимо оформить Москве, передать отделение. Отчет Казани высылаем. Отделение третьего июля. Одновременно составляются квартальные планы.

10.03. 43 г.

Похил.

Москва, Наука, Зубову, Дубовицкому

Выехал женой двадцать четвертого академическим вагоном. Прошу встретить машиной обеспечить номер гостинице Москва.

25.04. 43 г.

Семенов.

Молния, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Если штаты подлежат регистрации Казани, шлите два экземпляра утвержденных Президиумом. Расписание смет административных расходов телеграфируйте. Первого отсутствие штатов счет банка закрывается.

28.04. 43 г.

Березин.

Москва, гостиница «Москва», академику Семенову

Выясните Бродянского ускорьте сроки представления два вагона заявка подана.

10.05. 43 г.

Куюмджи.

Срочная, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Березин выехал десятого.

11.05. 43 г.

Куюмджи.

Молния, Москва, Наука, Дубовицкому

Срочно необходим вызов Жуковскому, Салиной, Зельманову.

14.05. 43 г.

Академик Семенов.

Срочная, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Деньги общежитие перечислены тринадцатого мая расчетный 150009 поручением 121 Московско-Фрунзенское отделение.

20.05. 43 г.

Москва, гостиница «Москва», академику Семенову

Институт поставлен тяжелые условия отсутствием горячего останавливаю транспорт, стеклодувную мастерскую. Молнируйте ответ мои многочисленные телеграммы.

4.06. 43 г.

Куюмджи.

Срочная, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Соколик выехал четырнадцатого просит сотрудников лаборатории встретить вокзале. Подготовьте помещение.

15.06. 43 г.

Березин.

Срочная, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Предлагаю Козаченко организовать прием разгрузку оборудования лаборатории Зельдовича. Вагон отправляется восемнадцатого.

16.05. 43 г.

Семенов.

Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Годовой лимит командировки исчерпан полностью.

17.06. 43 г.

Березин.

Молния, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Вагон оборудованием с Айвазовым вышел.

24.06. 43 г.

Зельдович.

Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Отчет выслан Отделение задерживать дальше нельзя. Прошу ознакомиться.

15.07. 43 г.

Эмануэль.

Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Выезд Самсонова, Щелковникова, Камышева решится после вашего приезда Казань.

27.07. 43 г.

Семенов.

Молния, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Встречайте Варшавского просимым грузом.

18.07. 43 г.

Похил.

Срочная, Москва, Ин-т хим. физики, Дубовицкому

Дана заявка шесть крытых вагонов одну платформу погрузка двадцать пятого тридцатого сентября.

13.09. 43 г.

Похил.

Срочная, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Большое спасибо внимание.

9.09. 43 г.

Павловская

Срочная, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Срочно шлите Щелкиным план перевода взятый Москву Березиным. Шлите охотничий порох.

15.09. 43 г.

Похил.

Срочная, Москва, гостиница «Москва», Дубовицкому

Добейтесь разбронирования сентябрь фонда на бензин срочно телеграфируйте Щелкину и нам.

15.09. 43 г.

Похил.

В 1977 году в типографии филиала Института химической физики была издана малым тиражом закрытая книга «К истории Института химической физики», в которой описывалось создание и развитие филиала.

К этой книге академик Николай Маркович Эмануэль написал предисловие, которое мы и приводим здесь без сокращений.

Ф. Дубовицкий

В основе научно-технического прогресса лежит эффективное соединение научной идеи и организаторской работы по ее воплощению в жизнь.

Ф. И. Дубовицкому — автору этой книги — посчастливилось стать творческим и инициативным проводником в науку и практику многих идей как собственных, так и высказанных товарищами по Институту.

Можно сказать с полной уверенностью: не было бы в нашем коллективе Федора Ивановича Дубовицкого, значит, не было бы в Академии наук СССР Ногинского научного центра. При этом для истории не столь уж важно, простым ли, легким ли был Федор Иванович, по своей или не по своей воле бывал он таким. Важно, что сделал он очень много, а потому и мысли его о пройденном пути в науке и его огромном опыте в организации науки важны чрезвычайно.

Очень существенно, чтобы люди будущей Большой Черногловки — Ногинского научного центра — знали, как возник этот замечательный город науки. Время проходит быстро, и в книге Ф. И. Дубовицкого упоминается уже много имен, которых не знают нынешние «черноголовцы», а будущие не будут знать тем более.

Надо сохранить для будущего историю рождения идей, облик ученых, которые были одержимы этими идеями, историю того, как идеи претворялись в новые главы науки, новые методы, новые технологические процессы.

Книжка написана Федором Ивановичем искренне, критично и самокритично. Поэтому я в своем предисловии упомянул о том, что не все и не всем из нас могло нравиться в нашей институтской истории.

Важно, что рождение и нынешний расцвет Ногинского научного центра — это весомый вклад в научно-технический прогресс нашей страны.

Ф. И. Дубовицкий влюблен в этот центр, ибо в нем два десятилетия его *напряженного труда*, два десятилетия *его жизни*. Прекрасны строки о далекой истории черногловских поселений, о лесах и болотах вокруг Черногловки. Это делает любовь к воз-

никшему здесь научному городу сродни любви к своей родной земле, к Родине. Такими я представляю себе мысли Федора Ивановича, когда проходит он по улицам теперь уже совершеннолетнего, двадцатилетнего Научного центра.

Нам, старожилам Института, приятно вспомнить свои жизненные пути в науке. О них пишет Федор Иванович в своей книге. Об этом интересно будет прочитать тем, кто знает нас, кто работает с нами. Об этом будет полезно прочитать будущим поколениям ученых.

Перед нами проходит история бывшей научной молодежи Института, пришедшей в Черноголовку 25-летними, которым сейчас 45 и на которых «держится» наш Институт. Огромный коллектив Черноголовки сформировал Ф. И. Дубовицкий. Я много пишу в предисловии как бы лично о Федоре Ивановиче. Это, действительно, так. Книга очень личная, но в этом и ее ценность. Книга учит правильному взгляду на науку, учит настойчивости в научно-организационной работе, она учит тем качествам, которыми в избытке обладает Ф. И. Дубовицкий. Было бы очень жаль, если хотя бы крупницы этой жизненной мудрости оказались бы потерянными. Поэтому я приветствую опубликование книги Федора Ивановича и настоятельно рекомендую ее читателям.

Академик *Н. М. Эмануэль*.

6 февраля 1977 г.

РАЗНОЕ

Дарственная надпись на книге «О некоторых проблемах химической кинетики и реакционной способности»:

«Дорогому Федору Ивановичу Дубовицкому — другу и соратнику по Институту химической физики в надежде, что он сумеет поднять этот наш институт на должную высоту во всех отношениях и сумеет дать ход всему талантливому и инициативному, что есть в нашем институте, во славу советской науки».

30.02. 1958 г.

Н. Семенов.

Поздравление с 60-летием:

Дорогой Федор Иванович! Дорогой мой друг и соратник вот уже в течение более сорока лет. Примите мои горячие поздравления с тем, что Вам хоть и стукнуло 60, но энергия Ваша, Ваша изумительная работоспособность, Ваш дар предвидения ничуть не изменились. Вот разве с возрастом стал немного мягче Ваш характер. Но поверьте, этому мы все радуемся, да и Вам, наверное, от этого легче становится. Пусть себе мягчеет дальше.

Поздравляю Вас, да и нас всех с тем, что строительство Вашего детища — Ногинского филиала — в этом году заканчивается, и заканчивается просто хорошо.

Выращенные Вами молодые научные кадры уже развернули могучие крылья. Ваш девиз — единство науки и ее промышленного применения под Вашим руководством блестяще осуществляется в Ногинске. Жизнь там творческая, радостная и здоровая.

Желаю Вам, дорогой Федор Иванович, здоровья, радостного творчества, желаю продолжения еще на долгие годы нашей с Вами совместной деятельности, любви и дружбы.

20 февраля 1967 г.

Н. Семенов.

Записка академика Александра Наумовича Фрумкина

Дорогой Федор Иванович!

Я Вас своевременно не поздравил с награждением. В начале мая я был в Тбилиси, а потом Амалия Давыдовна расхворалась, и я как-то несколько потерял связь с внешним миром. Разрешите это сделать с некоторым опозданием.

Я всегда радуюсь Вашим успехам и желаю Вам всего-всего самого лучшего.

Теперь несколько слов о деле.

Я говорил с Николаем Николаевичем, который сочувствует расширению наших работ в Черногловке. По-видимому, для того чтобы это решить, нам нужно у него с Вами встретиться. Так как практически меня гораздо легче разыскать, чем Вас, то было бы очень хорошо, если бы Вы с ним как-нибудь сговорились и мне позвонили бы по телефону.

С сердечным приветом, Ваш А. Фрумкин.

23.05. 67 г.

К 70-летию ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ДУБОВИЦКОГО

Он начал свою работу аспирантом, после окончания Воронежского университета, будучи направлен университетом в ИХФ в ответ на обращение Н. Н. Семенова рекомендовать ему наиболее одаренных студентов. Рекомендация была правильной: в настоящее время Ф. И. Дубовицкий является крупным и признанным ученым в области химической кинетики и горения, ведущим специалистом в проблеме ВВ и порохов.

24-летний Дубовицкий легко вошел в коллектив института благодаря своим научным способностям и потому, что был хорошим, отзывчивым и смелым товарищем. Таким он остался по сей день. Природа одарила его не только талантом ученого, но и талантом организатора, и добавила к этому редчайшую способность к сочетанию научной и организационной деятельности.

Это сочетание позволило ему полностью воспринять особенности научной школы А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенова — Ленинградского физико-технического института и Института химической физики.

В основе научной школы Иоффе, организовавшего в 1918 г. Ленинградский физико-технический институт (в котором вскоре 26-летний Н. Н. Семенов стал заместителем директора), лежали два убеждения. Во-первых, наука для социализма, во-вторых, наука XX века создаст новую технику XX века, подобно тому, как наука XIX века (термодинамика, электродинамика) создала технику XIX века — теплотехнику и электротехнику.

Условием этого является создание институтов нового типа, активно стремящихся к поиску перспективных фундаментальных исследований и к поиску новой техники, вытекающей из этих научных исследований. Эти научно-организационные задачи привели к появлению ученых нового типа — ученых-организаторов, способности которых отвечали задачам науки, поставленным в 1918 г.

Ученики Иоффе и Семенова воспроизвели генетический код, заложенный в Ленинградском физико-техническом институте.

Можно в этой связи вспомнить ученых из ЛФТИ и ИХФ — создателей новой науки и новой техники: И. В. Курчатова, А. П. Александрова, Ю. Б. Харитона, Я. Б. Зельдовича, Б. П. Константинова, Г. В. Курдюмова, К. И. Щелкина и многих других. К этому генотипу ученых относится и Ф. И. Дубовицкий. Это поколение основателей.

Для этой научной школы и поколения ученых характерно стремление к разветвлению идей, направлений, лабораторий, институтов. ЛФТИ выделил из себя добрый десяток институтов, а ИХФ уже учетверился (Ереван, Новосибирск, Черноголовка да еще в ней — завод). Становление Дубовицкого как ученого и как организатора происходило под благотворным и непосредственным влиянием Семенова.

В начале 30-х годов остро стоял вопрос об экспериментальной и количественной проверке цепной теории разветвленных реакций. Дубовицкий разработал тонкую, виртуозную методику экспериментирования около пределов воспламенения водорода с кислородом. Дубовицкий показал, что около нижнего предела пламя является холодным, его температура практически равна температуре стенки сосуда (отличие 4°C). Этим классическим опытом Дубовицкий одновременно доказал цепной механизм горения водорода у нижнего предела.

Другой цикл работ Дубовицкого, имеющих также фундаментальное значение для обоснования химической кинетики цепных реакций, относится к воздействию ионов и фотохимическому воздействию на положение пределов самовоспламенения: пределы воспламенения расширяются и длина цепи вблизи пределов увеличивается. Этим демонстрируется основное утверждение цепной теории, что нижний и верхний пределы вызваны обрывом цепей на стенке и в объеме соответственно. После еще нескольких работ в области индуцированного окисления водорода, научные интересы Дубовицкого переключаются на реакции в конденсированных системах. Эта перемена тематики произошла как следствие внимательного наблюдения и правильного понимания тенденции развития техники применения процессов горения. Эти ценные качества вообще характерны для Дубовицкого-ученого. Он начал уникальные по тому времени (1946 г.) исследования горения взрывчатых веществ, нарушения устойчивости горения в условиях высокого давления (1000 атм). Здесь опять проявилось экспериментальное мастерство Дубовицкого, разработавшего для этих исследований уникальную экспериментальную установку. Время не уменьшило актуальности полученных результатов и этого направления работ.

В последующих работах Дубовицкого произошел синтез его ранних интересов в области кинетики газовых реакций и новых интересов в области процессов в конденсированных системах.

Вместе с А. Г. Мержановым они распространили классическую теорию теплового взрыва газов на случай конденсированных систем. Ими была разработана теория теплового взрыва конденсированных систем (в том числе с учетом удаления газообразных продуктов), которая была подтверждена экспериментально в опытах по тепловому взрыву разных ВВ, — тетрила, дины и др. Этот цикл теоретических работ включил в себя и рассмотрение механизма стационарного горения пороха в случае, когда в конденсированной фазе происходит экзотермическая реакция.

Эти работы развились в самые крупные из предпринимавшихся Дубовицким направления исследований: кинетика и механизм термического разложения взрывчатых веществ и порохов. В этом русле соединились и научное, общекинетическое значение работ и чрезвычайная важность прикладных аспектов исследования, т. к. речь идет о создании научной теории химической стойкости взрывчатых веществ, порохов.

Ф. И. Дубовицкий совместно с Г. Б. Манелисом начали с формально-кинетического подхода и вывели уравнение кинетики термического разложения конденсированных систем с учетом многих факторов (автокатализ, базовые особенности и др.). Параллельно проводились экспериментальные исследования термического разложения взрывчатых веществ, подтвердившие теоретические представления. В работах этого цикла следует особо отметить исследования кинетики термического разложения тетрила — классического примера (с работ Фермера, Хиншельвуда в 20-е годы) автокаталитической реакции. Но лишь Дубовицкий с сотрудниками, произведя полный анализ продуктов разложения, смогли осуществить мечту кинетиков: сделать переход от формальной кинетики к механизму реакции; они сделали полный анализ продуктов разложения и дали однозначную трактовку роли всех веществ, участвующих в реакции.

Далее Дубовицкий непосредственно обратился к лозунгу научной школы ИХФ — связь строения молекул с реакционной способностью. Эти работы были сделаны на примере термического разложения большого числа нитросоединений (полинитросоединений, нитроаминов и пр.), и был выяснен детальный механизм их распада. Тем самым в основе была создана теория термической устойчивости нитросоединений, обладающая не только объясняющей, но и предсказывающей силой. В этом цикле работ опять проявилось свойство Дубовицкого к выбору и сочетанию общенаучных проблем с их прикладным развитием. Это свойство закономерно привело к получению Дубовицким более 40 авторских свидетельств о решении практических проблем.

Одна из самых главных научных работ Дубовицкого — это создание школы в области кинетики горения и разложения конденсированных веществ. Школа — это не только и не столько

направление работ, но и подбор и воспитание новых ученых. Это сложное дело, здесь нужно сочетание многих условий, но прежде всего существенны личность учителя, в частности его душевная щедрость. Федор Иванович создал школу, потому что сочетал в себе эти условия. Его ученики ныне возглавляют лаборатории. Среди них несколько докторов наук — Г. Б. Манелис, А. Г. Мержанов, Г. М. Назин, Ю. И. Рубцов, В. В. Барзыкин, Л. П. Смирнов, Б. Л. Корсунский, занимающих выдающееся положение в своих областях работ. Н. Н. Бахман и А. Д. Марголин получили свое научное «крещение» от Федора Ивановича, руководившего их дипломными работами.

Кроме Дубовицкого — ученого, есть Дубовицкий — организатор, сформировавшийся в традициях упоминавшейся ленинградской школы ученых-организаторов. Главные организационные принципы этой школы просты: непрерывный поиск актуальных направлений в науке и поиск талантливых людей. Основная производительная сила в науке — талантливая личность, она создает передний фронт работ.

После удовлетворения этим принципам идет тяжелая организаторская техника — подбор и управление людьми, связь с организациями, финансы, строительство, конфликты и т. д.

«Профессором быть — любовь и привет,

Директором быть — горше участи нет...»

Но есть чувство личной ответственности за нашу советскую науку и «есть упоение в бою у дикой бездны на краю». Ленин писал, «что без человеческих эмоций... быть не может человеческого искания истины».

Постоянная устремленность вперед, в новое, туда, где трудно, характерно для эмоционального строя Дубовицкого-организатора. Но не только это. Я расскажу про одну организаторскую операцию Дубовицкого в начале войны — «Боровичи, 41».

Дело в том, что сразу после начала войны все ожидали интенсивных бомбардировок Ленинграда. Поэтому многие предприятия и учреждения в первую пару недель вывезли детей сотрудников на запад и юг от Ленинграда, чтобы спасти их от бомбежек. И из ИХФ поехали 40 детей (в сопровождении двух матерей) в Боровичи (недалеко от Угловки — станции Октябрьской ж. д.). Вскоре выяснилось, что это было трагической ошибкой. Ленинград в начале войны не бомбили, немцы устремились в западные и южные подступы к Ленинграду, чтобы окружить город и взять его целым. Места эвакуации детей оказались на оси немецкого наступления, и именно там происходили интенсивные бомбежки. Федор Иванович организовал спасательную экспедицию и вместе с А. Д. Гурьевым поехали на грузовике вырывать детей. Ехали они уже под бомбежкой. По приезде в Боровичи

машина была мгновенно заполнена напуганными детьми и две сопровождавшие их взволнованные матери торопили Гурьева отъезжать. Федор Иванович внимательно посмотрел на это смятение и сказал Гурьеву: «Не ехать». Затем он пошел в дом и тщательно осмотрел, буквально обыскал весь дом и наткнулся на то, чего он опасался: на забытого ребенка. Он спал в каком-то закутке. Федор Иванович разбудил ребенка, одел его, посадил в машину и тогда машина отбыла. Федор Иванович пересадил детей на станции Угловка в один из последних поездов, шедших в город Ленинград, а сам на машине, с вещами детей, вернулся туда по бомбардируемому шоссе. Дети были тотчас же устроены в предпоследний эшелон, увозивший сотрудников Академии наук в Казань. Забытый ребенок теперь специалист — научный сотрудник-исследователь, живет в Москве.

В этом эпизоде проявились еще одни характерные черты Дубовицкого-организатора: стремительность, человечность и высокое понимание долга.

По просьбе Института высоких давлений (Ленинград), Института физической химии (Москва), Московского физико-технического института Семенов переводил туда Дубовицкого директором, заместителем директора на время их трудных организационных ситуаций. Потом Дубовицкий возвращался в ИХФ, к своей научной работе, пока не возникали очередные, новые и трудные организационные задачи. Особенно следует отметить деятельность Дубовицкого в годы Великой Отечественной войны, когда ему была поручена эвакуация института в г. Казань и налаживание там работ. В трудных условиях военного времени, благодаря организаторскому таланту Дубовицкого Институту химической физики удалось необычайно быстро подготовить и поставить в Казани крупные исследования оборонного характера. В это время Дубовицким были налажены прочные связи института с Управлением минометных частей, Химическим и Инженерным Управлением Наркомата Обороны и другими ведомствами. Благодаря этому научный коллектив института и лично Дубовицкий в годы войны внесли значительный вклад в дело победы нашей Родины. В 1943 году Дубовицкий подготавливает и в значительной степени осуществляет второй за годы войны переезд института из Казани в Москву, на сей раз на постоянное жительство. Институт снова в предельно короткий срок включается в решение важнейших оборонных проблем. Начиная с тех пор и по настоящее время Дубовицкий играет ведущую роль в деле использования научных достижений института для оборонных и народнохозяйственных целей.

В 1956 году Семенов Н. Н. поручил Дубовицкому как заместителю директора института создание загородной экспериментальной базы — Филиала Института химической физики, кото-

рый благодаря целеустремленной и в высшей степени энергичной деятельности Дубовицкого превратился фактически в крупный научно-исследовательский институт, при котором в последнее время организован еще и приборостроительный завод.

Филиал (Черноголовка) — это научный город, один из крупных научных центров Союза. Такова эволюция и размах работы Дубовицкого-организатора. Филиал ИХФ в Черноголовке послужил примером для других организаций АН СССР, и теперь там создан Ногинский научный центр АН СССР в составе 10 институтов и Экспериментального завода научного приборостроения.

Ф. И. Дубовицкий является Уполномоченным президиума АН СССР по этому центру.

Под руководством Дубовицкого в Москве и Черноголовке работает крупнейшее научное подразделение — сектор горения и взрыва, решающий важнейшие научные и прикладные задачи. Велика роль Дубовицкого в подготовке научных кадров. Он возглавляет кафедру физики горения и взрыва в Московском физико-техническом институте.

Правительство по достоинству оценило различные этапы научной и научно-организационной деятельности Дубовицкого и наградило его двумя Государственными премиями и Премией Совета Министров по науке, орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалями.

Федор Иванович — доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР.

Жизнь Дубовицкого не легка и проходит в «буче, боевой, кипучей», а сквозь эту «бучу, боевую, кипучую...» мы видим доброго, сердечного человека, нашего хорошего товарища. И мы желаем Федору Ивановичу и его близким здоровья и счастья.

20.02. 77 г.

О. И. Лейпунский.

* * *

Дорогой Федя! К сожалению, по не совсем зависящим от меня обстоятельствам я не могу быть на твоём юбилее. В связи с юбилеем мне хочется тебе сказать, что, пожалуй, никто из нас (конечно, кроме Н. Н.) столько не сделал для нашего института, его развития и процветания, сколько сделал ты.

Здесь нужно вспомнить и твою деятельность в Ленинграде, и в Казани, и в Москве, которой ты отдавал всего себя. Без тебя у нас не было бы процветающего отделения, в создание которого вложено столько твоего поистине героического труда. Если бы это зависело от меня, за все это я сделал бы тебя героем социалистического труда.

Я сердечно поздравляю тебя с 70-летием и желаю хорошего здоровья и благополучия и еще многих лет творческого труда во славу нашей советской науки.

Я поздравляю также Надю с дорогим юбилеем и желаю ей всего самого лучшего.

25.02. 77 г.

Твой В. Кондратьев.

Глубокоуважаемый Федор Иванович!

Уверен, что Вы, так же как и я, озабочены «лицом» — нашего Института. Период, когда мы думали, что полезно было бы разделить наш Институт на несколько, теперь уже прошел. С этим мы опоздали, хотя бы уже потому, что состарились. Сейчас надо отобрать те «козырные тузы» (немногие и конкретные), которые укрепили бы позиции Института в СССР и в мире. Одним из таких несомненных «тузов» является Ваш сектор. Другие сектора — расплывчатые, хотя их тоже можно было бы строго профилировать, если ликвидировать искусственно созданную мешанину, породившую ненужную конкуренцию и портящую отношения между людьми, вредящую делу и репутации Института.

«Лицо» Института — это горение и взрыв и кинетика. И вот мне кажется, что мы могли бы создать хороший «козырный туз», кинетический, если бы создали в качестве некоего Всесоюзного центра (что-то вроде межсекторной общепрофессиональной организации, немного похожей на математический отдел, теоретический отдел, вычислительный центр) под названием «Банк численных данных по химической кинетике» на базе Комиссии по численным кинетическим данным, которая входит в Научный совет по химической кинетике и строению. Создавать такой Банк можно только на основе современной вычислительной техники. Наиболее подходящим местом является, конечно, Отделение ИХФ АН СССР в ННЦ. К организации Банка следовало бы приступить уже в этом году.

В связи с этим я хочу просить Вас подумать над статусом Банка (самостоятельная производственная единица), его штатным обеспечением (уже в этом году было бы целесообразно выделить из общих штатов ИХФ и ОИХФ 7—10 штатных единиц для организации первой очереди Банка), территориальным размещением (один из вариантов — выделение площади в торцовом помещении корпуса 2/1 после того, как Вы его сможете освободить). С целью обсуждения этого вопроса и принятия решения было бы целесообразно провести совещание нужных для этого людей.

2.02. 81 г.

Н. Эмануэль.

ДОРОГОМУ ДРУГУ ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ

Мы в жизни с Вами шли почти что рядом —
И в этом нам обоим повезло!
Да и теперь, лишь встретимся мы взглядом,
Как на душе становится тепло.

Над колбами мы вместе колдовали
В дни юности — то было так давно!
Вы с той поры большим ученым стали,
Я — скромный педагог —
Не всем дано!

Науке Вы все силы посвятили,
Вам бесконечно дорог Институт,
Любовь и уваженье заслужили,
В Черноголовке Вас хозяином зовут.

Пусть время приближается к закату,
Осталось много радостей у нас:
Есть внуки, даже правнуки, есть дети.
Давайте поживем еще на свете —
За дружбу, долголетье и за Вас!

31.12. 86 г.

Н. Семенова.

Ф. И. ДУБОВИЦКОМУ

(Из непоставленного Обозрения к 50-летию ИХФ АН СССР)

Презрев столицы гам и шум,
Стоял ОН полн великих дум
И вдаль глядел. Пред ним далеко
Леса темнели. За спиной
Огонь в деревне одиноко
В ночи горел. И думал ОН:
«А место вроде бы неплохо!
Здесь будет город заложен
На зло ИНЕОСу и ИОХу.
Судьбою здесь мне суждено
В бессмертье прорубить окно!»
Прошло пять лет, и юный град,
Ногинских мест краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
Где прежде волки по ночам
Надрывно и протяжно выли,
Где лоси по лесам бродили,
Где филин ухал, — ныне там...
А впрочем, каждый видел сам.

Люблю тебя, творенье Феде,
Люблю твой строгий, стройный вид!
Москвич, едва сюда приедет,
С презреньем на Москву глядит.
Люблю я утреннюю живость
Твоих особых проходных,
Неколебимых часовых
Однообразную красоту.
Люблю я четкий силуэт
Твоей гостиницы высотной
И, символ жизни беззаботной,
Лыжни зимою ясный след.
Люблю, научная столица,
Твоих банкетов блеск и шум,
Подвыпивших ученых лица.
На них печать высоких дум.
Красуйся, Фединград, и стой
Неколебимо как твердыня!
Да усмирятся же тобой
Начальства ссоры и гордыня!
Пусть с шефом помирится шеф,
Пусть споры все они забудут
И тщетной склокою не будут
Позорить имя ИХФ!

ЦАРЬ ФЕДОР ИОАНОВИЧ
(Трагедия в одном действии)

Осьмнадцать лет я царствую спокойно,
Но счастья нет моей душе. Напрасно
Завлабы мне отчеты присылают —
Мне все равно их некогда читать.
На первый взгляд сильна моя держава:
Мержанов, Стесик и Манелис Жора
Опорою достойной служат мне.
Но остальные ... О Черноголовке
Никто не мыслит. Всякий о себе
Душой болеет, за свои дела,
Своих людей. И все друг с другом спорят.
И каждому чего-то не хватает,
И каждый шепчет: «Федор виноват».
Какие им я корпуса построил!
Какие выбил им ассигнованья!
Все мало им! Всех жадность обуяла!
И с каждым годом новые приходят,
Как будто нет у них лабораторий

В Москве, а то и сектора им мало.
Я так устал. Мне все осточертело.
И все тошнит, и голова кружится,
И жадные ученые в глазах!

4.03. 93 г. Л. А. Блюменфельд (не без помощи А. С. Пушкина)

ВETERANAM ИХФ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Час прошел, а зал не умолкает,
Хорошо сидеть среди друзей.
Новый год Химфизика встречает,
Новый год и славный юбилей.
Вспомни, Семенов, старый Ленинград,
Физико-технический 40 лет назад.
Вспышек пределы, 1-й и 2-й,
Вспомни, товарищ, вспомни, дорогой!
Незаметно время проходило,
В суете годов не поседев,
Вы своим трудом сложили имя,
Дорогое имя ИХФ.
Вспомни, Кондратьев, хоть на зло годам,
Первые снимки первых спектрограмм,
Гидроксила полосы на пластинке той,
Вспомни, товарищ, вспомни, дорогой!
И неторопливо, как сказанье,
Годы шли, но цель была ясна.
Месяцы голодные Казани,
И Москва, и кончилась война.
Вспомни, товарищ, трудные года,
Те, что проходят, к счастью, без следа.
Крики Акулова, спор на Моховой,
Вспомни, товарищ, вспомни, дорогой!
Крепли Института мощь и имя,
Корпуса росли со всех сторон.
И для дел, стране необходимых,
Был построен Энский полигон.
Вспомни, Дубовицкий, годы славных дел.
Первую площадку, городка задел.
И поры заветной, той, итог простой,
Выговор парткома, Орден трудовой.
Годы быстро проходили мимо,
Незаметно молодость прошла.
И уже пришли неудержимо
Новые и люди, и дела,

Заново строя работу и житье,
Помни, химфизик, прошлое свое!
Пусть же ты будешь вечно молодой!
Будь же, товарищ, будь же, дорогой!

Декабрь, 71 г.

Л. Блюменфельд, А. Пурмаль.

Минск, 7 февраля 1993 г.

Дорогой Федор Иванович!

Это письмо и книгу «Физики о себе» (вышедшую в 1990 г. под редакцией Виктора Яковлевича Френкеля: у меня имелся лишний экземпляр) передаст тебе в Черноголовке мой внук, вместе с которым я был у тебя в середине декабря. Я был очень рад этой встрече и надеюсь на новые встречи. Сейчас осталось мало тех, кто помнят начало тридцатых годов в Химфизике.

Прежде всего поздравляю тебя с наступившим 1993 годом и от души желаю здоровья, бодрости, продолжения активной работы, полного благополучия семьи, всего самого лучшего, оптимизма в наше сложное и трудное время.

Книга «Институт химической физики», с которой я подробно ознакомился, содержит исключительно интересный материал. Для меня она особенно интересна, как работавшему в ИХФ с его организации (в 1931 г.) до 1935 г., а затем тесно сотрудничавшему со спецсектором ИХФ с 1946 г. и даже работавшему в этом секторе в 1955—1956 гг. (когда я чуть не перебрался в Москву), что в книге отмечено на стр. 201. В последующие годы я много встречался с В. Н. Кондратьевым (одним из моих учителей, в лаборатории которого я работал еще в 1930—1931 гг. в главном здании Физтеха, после окончания в 1930 г. Ленинградского университета) и с Н. М. Эмануэлем, в связи с их работой в ИЮПАК (я был членом одной из комиссий ИЮПАК, национальный комитет которого, помещавшийся в ИХФ, возглавлял сперва Виктор Николаевич, а затем Николай Маркович; эта их деятельность заслуживает быть отмеченной).

Думаю, что книга «Физика о себе» будет для тебя интересна как содержащая материалы о Н. Н. Семенове, В. Н. Кондратьеве, Ю. Б. Харитоне, Я. Б. Зельдовиче, Я. И. Френкеле. Посылаю тебе также отпечаток моих воспоминаний об Якове Ильиче Френкеле (эти прекрасно подготовленные В. Я. Френкелем «Воспоминания о Я. И. Френкеле» вышли в 1976 г., а в 1986 г. вышло их 2-е, дополненное издание под названием «Я. И. Френкель. Воспоминания, письма документы»). В книге «Физики о себе» (на стр. 101—102) приведены и воспоминания Я. Б. Зельдовича. К сожалению, в книге «Институт химической физики» в главе о ленинградском периоде нет отдельного раздела о теоретической груп-

пе, которой руководил Я. И. Френкель, а на стр. 534 лишь перечисляется состав этой группы. Я также входил в эту группу, а В. Р. Бурсиян (правильно Бурсиан) не был членом группы (это был известный профессор старшего поколения, родившийся в 1886 г.). Но это замечание ни в коей мере не ставит под сомнение ценность материала книги. Конечно, было бы очень желательно снабдить книгу именным указателем, что весьма облегчило бы нахождение имен. А вообще, было бы весьма желательно продолжить работу по истории ИХФ и издать воспоминания об основных его деятелях, в первую очередь, разумеется, о Николае Николаевиче Семенове. Предполагается ли подготовка таких воспоминаний? Если предполагается, то я охотно принял бы в этом участие не только как автор воспоминаний, но и как историк науки — я занимаюсь историей науки более 20 лет (начав с истории периодического закона в 1969 г. в связи со столетием его открытия Д. И. Менделеевым), притом не как любитель, а профессионально, в тесном контакте с Институтом истории естествознания и техники РАН (в котором работал В. А. Крицман, сейчас он работает за рубежом, не знаю постоянно или временно). И было бы очень желательно привлечь к работам по истории ИХФ Виктора Яковлевича Френкеля, одного из лучших историков естествознания, который защищал докторскую диссертацию в 1981 г. по истории Физтеха и развития в нем работ по твердому телу (я был одним из оппонентов и поддерживаю с ним тесный контакт; когда я, по возвращении из Черногловки, говорил с ним по телефону, он мне сказал, что слышал о подготовке тобой книги по истории ИХФ от В. И. Гольданского).

К сожалению, до сих пор я не публиковал моих воспоминаний, кроме воспоминаний о Я. И. Френкеле. Но предполагаю заняться этим в ближайшее время, и, в частности, написать небольшие воспоминания о Н. Н. Семенове (о котором я впервые услышал в последнем классе ленинградской школы в 1924—1925 гг. от моего школьного товарища Саши Бурцева, брата Наталии Николаевны, тогда Н. Н. был женат на ее тетке, которая вскоре умерла; а познакомился я с Н. Н. в 1930 г., когда он был уже женат на Наталии Николаевне). Если мне в ближайшее время удастся написать такие воспоминания, то я сразу их тебе пришлю.

В книге по истории ИХФ мне были особенно интересны твои воспоминания о походе в Сванетию (на стр. 58—59), этот поход был в 1932 г. (а не в 1933 г.), что я точно помню, и участвовали в нем, кроме нас двоих, В. Н. Кондратьев, А. Я. Апин, А. Ф. Беляев, А. Б. Налбандян, П. Ф. Похил, Н. М. Чирков, а также Борис Злобинский, Гуревич (из Политехн. института, глухой) и 4 человека, которых присоединили к нашей группе. Из Сванетии мы спустились по долине Ингура в Зугдиди, откуда доехали на

автобусе до Сухуми (где я остался, захворав дизентерией, в больнице).

Передай от меня привет и лучшие пожелания на Новый год Виталию Иосифовичу Гольданскому, с которым ты, очевидно, встречаешься.

С самыми лучшими пожеланиями всегда твой

М. Ельяшевич.

7.02. 93 г.

Дорогой Федор Иванович!

Твое выступление на защите Либровича 22.III затронуло очень серьезные вопросы. Я жалею, что не ответил сразу, теперь хочу четко сформулировать свою точку зрения. Мне кажется, что ты не прав по существу: за последние 10—20 лет достигнуты большие, принципиальные успехи в теории горения. Сама диссертация Либровича ярко иллюстрирует это — напомним отдельные результаты: анализ устойчивости шарового пламени, расчет распространения сложных цепных реакций, устойчивость горения в потоке и многое другое.

Вспомни работы Щелкина, Трошина, Дремина, Похила, Лейпунского, Новожилова, Марголина, Боболева, Бахмана — я боюсь, что обижаю многих достойных быть названными в этом ряду. И ведь это только ИХФ и ФИХФ. Посмотри список литературы в диссертации Либровича — сколько там работ советских и иностранных.

Для нас с тобой и наших сверстников годы, когда закладывались основы теории горения, навсегда останутся яркими, незабываемыми. Эти годы совпали с нашей молодостью. Работа по горению сливалась с военной тематикой, которой мы отдавали все силы во время войны. Но эта яркость воспоминаний, которую я с тобой разделяю, не должна мешать нам видеть то, что делается новым поколением, в новом периоде.

Здесь таится психологическая опасность твоего выступления: не может ли оно расхолаживающе подействовать на молодежь? Твое мнение весомо — и в ФИХФ особенно весомо. Не поймут ли тебя так: что бы мы ни сделали, Федор Иванович все равно будет хвалить Зельдовича, а нас не оценит?

Когда я начинал работу по горению пороха, в литературе были самые дикие взгляды: будто горение сперва происходит без изменений плотности, а затем горячий газ расширяется; будто конечные продукты непосредственно граничат с холодной поверхностью пороха и удары этих молекул вызывают разложение. На таком фоне простой здравый смысл, рассмотрение тепловых процессов и химической кинетики были полезными, звучали — для приверженцев старых взглядов — как откровение.

Сейчас, в середине семидесятых годов, всякий разумный человек старше III курса пишет уравнения теплопроводности гидродинамики и кинетики.

Иногда это называют методом З—ФК, но это совершенно не обязательная любезность. Утверждение, что горение есть реакция в сложных условиях давно стало общим достоянием — и слава богу, это и есть высшая форма признания! Вопрос сейчас не в том, какие уравнения писать, а как их решать, выделяя главное в каждом случае. Утверждаю (см. выше, Либрович, с его широкими научными интересами, как пример), что у нас есть сильное 2-е и 3-е поколения горельщиков.

Наконец, ты поставил вопрос: почему до сих пор не могут (подразумеваемая — теории) предсказать скорость горения той или иной композиции. Но ответ на встречный вопрос: изучена ли — в простейших изотермических условиях — кинетика разложения отдельных компонентов смесевых порохов, кинетика взаимодействия в газовой фазе? Какого рода теорию ты себе представляешь для горения, например, дымного — имени Бертольда-Шварца — пороха?

Надо ли начинать с квантовой теории кристаллов селитры и серы? Или нужно опираться на кинетические опыты?

Семенов и Хиншельвуд получили Нобелевскую премию за идейный вклад в кинетику. За развитие эксперимента премию получил Эйген (ФРГ) и не случайно, что после этого он сделал интереснейшую теоретическую работу — химическая кинетика и происхождение жизни. Наш эксперимент отстает от зарубежного.

В газовой и жидкостной кинетике процветают новые методы: ударные трубы, сверхскоростные потоки. В кинетике твердых тел прогресс меньше. Итак — советский эксперимент в твердотельной и двухфазной кинетике — вот, как мне кажется, слабое звено. За это звено надо взяться всерьез, чтобы подготовить новые успехи. Надо трезво, не преуменьшая, заботливо оценивать и поощрять существующие теоретические и экспериментальные направления в горении газов и порохов, в детонации газов и ВВ. Надо активнее включаться в новые задачи, связанные с охраной среды (CO , NO — в выхлопе, SO_2 — зола) и с проблемой энергетики. Новые перспективы в науке о горении открыли лазеры: здесь и диагностика, и воздействие на пламя, и генерация. А сколько задач связано с магнитной гидродинамикой! Федор Иванович, давай останемся молодыми хотя бы для того, чтобы посмотреть что будет в 2000 году!

26.03. 74 г.

Я. Б. Зельдович.

Дорогой Федя!

Большое спасибо за Вашу телеграмму и за добрые пожелания.

Надеюсь, что наше сотрудничество с Черноголовкой будет успешно продолжаться и дальше.

Привет и лучшие пожелания.

25.07. 74 г.

Искренне Ваш, П. Л. Капица.

Мой дорогой Федор Иванович!

Я прочел Вашу книгу. Я прочел ее всю. Она написана человеком мудрым и неравнодушным, написана сдержанно, с большой внутренней силой, с большой теплотой и любовью к Химфизике и ее людям — к тем, кто сейчас жив и действует, и особенно к тем, кто уже ушел. Думаю, что любой, кто прочтет эту книгу, испытает к Вам благодарность и признательность — это естественно и других чувств не может быть... Книга нужная — и не только как память о минувших делах и ушедших людях, она больше всего нужна нам, живущим и действующим сейчас.

Впечатляют многие страницы книги — их нельзя спокойно читать, они волнуют, тревожат, рождают и благодарность, и почтение, и уважение к тем, о ком идет речь. И прежде всего к Н. Н. и к автору книги как главным участникам этого славного и доброго дела — становления Химфизики, ее развития, ее взлетов и падений. Да, и взлетов, и падений... Все было, и Вы пишете об этом честно, прямо. Искренность — это, может быть, самая главная, покоряющая черта Вашей книги.

Сильное впечатление производит конец книги, в нем все — тревога и забота о будущем, боль и опасения за него — а каким оно будет? Куда идет Химфизика? Но рядом с тревогой — вера и надежда. Вера в то, что такая Химфизика, с такими людьми должна выстоять, должна снова стать счастливой...

Мне очень близки Ваши мысли, Федор Иванович! Они мучают меня тоже. Мне тоже бывает и тревожно, и грустно, но тогда я думаю, что в Химфизике столько хорошего, умного, талантливого, порядочного и честного, что она не может погибнуть. Нельзя, нет права у нас погубить или разрушить то, что создавали наши предшественники и создавали такой дорогой ценой...

Я делаю свою науку и делаю ее, кажется, неплохо, люблю свое дело. Но я не могу не думать о всей Химфизике, о семье, в которой я работаю и общаюсь. Меня не привлекал мой нынешний пост и только воля обстоятельств привела меня к нему. И, конечно, если бы не Гольданский, я бы никогда его не принял. Это благо для Химфизики, что пришел Виталий Иосифо-

вич, работать с ним — большое удовлетворение и ощущение внутреннего комфорта. И я теперь уже не могу отмахнуться от забот Химфизики, сказать — это меня не касается. Не могу. И не из-за должности, не столько из-за должности, сколько из внутреннего долга... Поэтому мне близко все, что Вы написали в книге, все чувства, с которыми прошли Вы снова, написав эту книгу. Да ведь книга Ваша — это часть Вашей жизни.

Я Вам очень благодарен, Федор Иванович, за многие советы и подсказки, я учусь под Вашим влиянием шире смотреть на многие вещи, у меня появляются новые идеи, но есть и новые вопросы, есть желание снова общаться, говорить с Вами.

Будьте здоровы. Всегда Ваш А. Бучаченко.

Надеюсь скоро Вас увидеть...

26.11. 92 г.

Ф. И. Дубовицкому по поводу его книги «История Института химической физики», подаренной им мне 7 сентября 1992 г., в подражание Пушкину.

Как новый Карамзин, он ныне написал
Свою «Историю», и смело, и правдиво,
Сумев собрать в пыли архивов
Ценнейший материал.

А. Ш.

Дорогой Федор Иванович! Мое «Подражание Пушкину» относится только к необычному изысканному ритму 4-строчного произведения Пушкина, написанного им по поводу выхода в свет знаменитой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Этот пленивший меня ритм я постаралась воспроизвести в точности. Но Пушкин в своих 4-х строках с блеском осуждает Карамзина за его «реакционность», а я («ветеран» Института химической физики, работавшая в лаборатории Н. Н. Семенова в ФТИ, когда Н. Н. еще только вынашивал проект создания Института химической физики) в своих скромных 4-х строках попыталась выразить мое искреннее восхищение Вашей «Историей».

Ваша книга — настоящая энциклопедия, охватывающая не только дела Института за 60 лет его существования, но и людей, эти дела выполнявших. Как живые, предостоят на страницах Вашей «Истории» и старые, и молодые сотрудники ИХФе, хотя многих старых друзей уже нет — увы — в живых. «Иных уж нет, а те — далече, как Саади некогда сказал».

Прочсть Вашу книгу «в один присест» — невозможно из-за изобилия материала. Но, раз начав читать ее, хочется еще и еще много раз возвращаться к этой книге. Ее можно открыть на лю-

бой странице — и всегда происходит встреча с интересными людьми.

Остается только жалеть, что листаж Вашей книги 50, а не 100 печатных листов.

А то, что Вы в Вашу «Историю» включили некоторые документы, повествующие о темных делах, творившихся в ИХФе в 1953 году (казалось, надежно скрытые в архивах), и в наше время является смелым поступком, заслуживающим большого уважения.

Жаль, что Симону Залмановичу не довелось увидеть Вашу книгу.

Желаю Вам и Надежде Петровне всего самого хорошего в Новом году. Будьте оба здоровы и счастливы. Если заглянете к нам во время Ваших поездок в Москву, мы всегда будем Вам рады. Ира шлет привет Вам и Надежде Петровне.

19.01. 93 г.

Ваша А. Шехтер.

Дорогой Федор Иванович!

Эрна Альбертовна Блюмберг прислала нам Вашу книгу* о Химфизике, которую я читал с большим вниманием и волнением. Волнение это объясняется тем, что книга воскресила в памяти трудное время моей работы в институте в военные годы, оживила лица многих близких людей и события. Я с особым волнением читал страницы о Николае Михайловиче Чиркове, с которым мы познакомились в институте, крепко подружились и пронесли эту дружбу до самой безвременной его кончины. Но помимо чисто личных чувств, которые вызывает Ваша книга, мне хочется Вам сказать о ней как сочинении историческом. Книга основана на большом и разнообразном источниковедческом материале — официальных документах, рассказах участников событий, личной и общественной переписке и т. д. Это делает ее по настоящему документальной и убедительной.

Одним из самых привлекательных мне представляется в книге большая портретная галерея большинства сотрудников института, начиная от его руководства и кончая самыми рядовыми работниками. Думали ли Вы об этом или нет, но объективно Вы поставили им всем памятник, и за это Вам особое спасибо. Ваша книга, помимо всего прочего, является своеобразным очерком истории развития в стране ряда областей науки — физики, химии, биологии — и указывает место института в этом общем развитии. Я не являюсь специалистом в области этих наук, но довольно

---

* Речь идет о книге: **Ф. И. Дубовицкий.** Институт химической физики. Очерки истории. Черноголовка, 1992 г.

ясно себе представил по Вашей книге те проблемы, которые занимают ученых, что сделано, что предстоит сделать и т. д. То обстоятельство, что Вы, с одной стороны, подняли завесу над многими секретными работами, а с другой — не скрыли и факты неудач, делает Вам только честь.

В книге встречаются отдельные неточности или ошибки (меня, например, Вы называете филологом, хотя я историк), но они ни в коей мере не снижают ее многочисленные достоинства.

Что касается до ее политической направленности, ее идейной основы, то, как мне кажется, она менее остра, чем она могла быть. Впрочем, находясь в США, говорить легко...

Заканчивая свое письмо, я хочу Вам сказать, Федор Иванович, что Вы проделали колоссальную и очень ценную работу, которая займет свое почетное место среди трудов по истории науки и ее творцов. Большое Вам за это спасибо. Будьте здоровы и благополучны.

С искренним уважением,

профессор Русской истории
Генрих Маркович Дейч

28 февраля 1994 г.

Соединенные Штаты Америки

**ВЫСТУПЛЕНИЕ Ф. И. ДУБОВИЦКОГО НА СЕМИНАРЕ ИНСТИТУТА
ХИМИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
ОВСЕЯ ИЛЬИЧА ЛЕЙПУНСКОГО 13 АПРЕЛЯ 1990 ГОДА**

Сегодняшнее заседание ученых, специалистов в области процессов горения и взрыва, посвящено выдающемуся ученому-физику, широко известному научной общественности нашей страны и в мировой науке, Овсею Ильичу Лейпунскому.

Четыре месяца не дожид Овсей Ильич до настоящего семинара, на котором обсуждаются поставленные им вопросы воспламенения и горения порохов при высоких давлениях.

Жизнь свела меня с Овсеем Ильичем в 1931 году, в только что образованном Институте химической физики при довольно-таки неожиданных обстоятельствах: тогда нам было нелегко жить материально, а главное, плохо было с питанием. И вот в один прекрасный день в нашу комнату № 66 на втором этаже здания Физико-технического института входит молодой человек. К нему обратился Николай Николаевич Семенов, который в этот момент был у нас в лаборатории, с просьбой: «Как у Вас с деньгами, Вы не могли бы одолжить Дубовицкому несколько рублей на обеды?». Молодой человек ни слова не говоря, одалживает мне 3 рубля. Этим человеком был Овсей Ильич Лейпунский, уже работавший в институте. Он был «побогаче» нас (я имею в виду и Николая Михайловича Чиркова), потому что ему удалось устроиться на Физмехе лаборантом на одной из кафедр. С этого дня у нас началась крепкая, верная дружба, продолжавшаяся до последних лет жизни Овсея Ильича.

Овсей Ильич был умным человеком высокой культуры — настоящим интеллигентом. Он обладал исключительной выдержкой и все достававшиеся ему неприятности и даже обиды переносил без внешнего возмущения. Был верным другом и порядочным человеком.

Овсей Ильич родился в 1909 году, в семье десятника дорожных работ, в г. Соколки, Белостокской области. В 1926 году окончил среднюю школу и поступил в Ленинградский политехнический институт на физико-механический факультет. После окончания института, в 1930 году он был принят на работу в Физико-технический институт, в лабораторию Николая Николаевича Семёнова и поступил в распоряжение Александра Иосифовича Шальникова.

Тема работы для того времени была злободневной — вопрос о существовании критической температуры конденсации двухмерного (т. е. адсорбированного) газа. Кокрофт (Англия) напечатал сообщение о наблюдении такого явления, и многих заинтересовала перспектива экспериментального изучения явлений в

реальном двухмерном газе, аналогичных таковым в обычном реальном газе.

Овсей Ильич показал, что критической температуры конденсации не существует.

После этой работы Овсея Ильича направили в лабораторию Симона Залмановича Рогинского, где он занимался исследованием адсорбции на чистых, непористых металлических поверхностях — обычной и активированной. Впервые была изучена кинетика рекомбинации атомов (водорода) в адсорбированном состоянии.

Эта работа стала основой кандидатской диссертации, которую Овсей Ильич защитил в 1935 году.

После этого он был увлечен возможностями обнаружения новых явлений при использовании высоких давлений. В связи с этим он стал работать в лаборатории взрывчатых веществ Юлия Борисовича Харитона. Им была разработана методика, позволявшая работать при давлениях до 50.000 атм, проведена широкая экспериментальная и теоретическая разведка области: реакции разложения эфира или спирта, мутаротации глюкозы, эффектов в коллоидных системах, полимеризации, смещение точки Кюри (в связи с проблемой земного магнетизма), фазовые переходы.

Овсей Ильич выбрал цель работы — получение искусственных алмазов. В 1939 году им была напечатана статья об искусственных алмазах, в которой он изложил расчеты, диаграммы, равновесия в системе углерод—алмаз, сформулировал условия (сочетание давления, температуры растворяющей и катализирующей среды), которые должны привести к успешному получению алмазов из углерода. Заодно было показано, что все (полустолетней давности) предыдущие попытки не соответствовали этим условиям.

В пятидесятых годах появились сообщения о первом успешном синтезе алмазов в Швеции и США. Джeneral Электрик (США) взяла патенты во многих странах, в частности в ФРГ, и захватила тем самым эти рынки сбыта.

Из последующих научных публикаций (60-х годов) выяснилось, что условия промышленного синтеза алмаза с удивительной точностью совпадают с условиями, сформулированными в работе Овсея Ильича 1939 года. По этой причине Джeneral Электрик под угрозой аннулирования ее патента, согласилась на экспорт в ФРГ алмазов, сделанных нашей промышленностью, практически по той же технологии (у нас синтез алмазов был освоен в 60-х годах).

Овсей Ильич получил диплом об открытии условий синтеза алмазов с приоритетом от 1939 года. Этот диплом утверждает

приоритет Советского Союза в теоретической подготовке промышленности синтеза алмазов.

В статье газеты «Правда» от 26 июня 1984 года заведующим отделом ЦК Компартии Украины Ф. Рудич написано, что в СССР экономический эффект от использования в народном хозяйстве алмазов, производимых по технологии в соответствии с теорией О. И. Лейпунского, превышает миллиард рублей в год. В этом успехе, разумеется, решающую роль сыграли приоритетные для советской науки работы профессора О. И. Лейпунского по теории синтеза алмазов.

Нужно сказать, что поначалу Николай Николаевич Семенов не совсем охотно воспринимал постановку работ по изучению свойств вещества при сверхвысоких давлениях. Он считал, что новые работы должны ставиться в русле тех направлений, которые развиваются институтом теперь. Овсей Ильич, молодой, начинающий ученый, настойчиво доказывал необходимость изучения реакций в экстремальных условиях. Привожу стенограмму выступления Овсея Ильича Лейпунского на партийно-хозяйственной конференции в декабре 1935 года, когда он настаивал на постановке своих работ по сверхвысоким давлениям при обсуждении планов на 1936 год:

— Я хочу сказать о том вопросе, который я поднимал однажды и за который был дважды выруган — относительно комплекса при высоком давлении. Мне кажется, что нужно было ориентировать эту работу не только с точки зрения использования ее для получения различных соединений в пламенах, но и для изучения гомогенных реакций при высоком давлении.

Когда я высказал это предположение, Николай Николаевич обрушился на меня, что это, мол, противоречит принципиальной установке института относительно порядка тем и проблем, которыми институт должен или не должен заниматься. Точка зрения Николая Николаевича о том, что институт должен заниматься только теми теоретическими вопросами, которые вытекают из имеющегося круга идей института и только теми техническими проблемами, которые из этих идей вытекают, по-моему, неверна. С этой точки зрения не следовало бы заниматься газовой реакцией при высоком давлении, потому что это чуждо разрабатываемым в институте направлениям. Эта установка неверна, и сам институт ее не придерживается. Кроме того, нужно сказать, что организация группы взрывчатых веществ или группы катализа противоречит такой установке. Когда эти группы были организованы, то кроме идей изучения ничего не было. Кроме того, эта установка принципиально неверна, потому что она противоречит лозунгам, которые мы считаем правильными, о взаимной связи науки и практики, которая подразумевает не одностороннюю

связь. Мы обязаны не только давать технике выходы из наших теоретических идей, или как тут говорят — технические отходы наших идей, но и наоборот, — обогащать наши теоретические направления тем опытом, который накапливается в технике. Это последнее требование противоречит установке Николая Николаевича, потому что техника развивается в общем своими законами и своими темпами, и тот опыт, который в ней накапливается, зачастую является внешним по отношению к научным работникам и не вытекающим из их идей. Так что с этой точки зрения научный работник должен проходить мимо того технического опыта, который время от времени накапливается.

Сам Николай Николаевич не всегда последовательно придерживается такой точки зрения, потому что организация групп взрывчатых веществ и катализа является отражением такого обогащения теоретического направления с техническим моментом.

Со времени Шварца накопилось много вещей и это отразилось в нашей тематике. Только такое обогащение нужно делать не раз в 10 лет, а последовательно и систематически корректировать свою тематику в соответствии с теми моментами, которые происходят в технике, так же как мы корректируем нашу тематику, каждую тему, которую мы ставим. Мы используем весь опыт теоретической работы не только в нашем институте, но и в других институтах. То же нужно делать и в отношении технического опыта. С этой точки зрения институт не может пройти мимо указанных реакций при высоких давлениях, потому что здесь возникают весьма важные и принципиальные факты, которые не только важны для техники, но имеют существенное значение для разработки некоторых областей у нас в институте, хотя бы области катализа; чем обусловлен переход гетерогенной реакции в гомогенную, мы не знаем, потому что высокое давление обеспечивает только сумму условий, которые даются катализаторам. Происходит ли снижение горба в поле молекулярных сил, или это происходит благодаря высокому давлению, и смещается равновесие промежуточной продукции, — этого мы не знаем, но факт, что гетерогенная реакция происходит в гомогенной — это факт принципиальный, и институт не может пройти мимо него, потому что институт занимается вопросами гетерогенного катализа. Если институт занимается вопросом адсорбции, переходом гетерогенной реакции в гомогенную, то он должен задаться вопросом о влиянии высокого давления на гетерогенную реакцию.

Я не думаю, что институт поставит это как техническую проблему, — это дело ГИВДа, но теорией этих вопросов мы должны заниматься.

Тут могут сказать, что можно и в лаборатории выяснить роль высокого давления. Конечно, можно, но важно не только знание

возможности реакции при высоких температурах или при разложении взрывчатых веществ, но и изучение гетерогенной реакции.

В 1940 году Овсей Ильич от Юлия Борисовича Харитона перешел во вновь создаваемую лабораторию «Физики горения», под руководством Якова Борисовича Зельдовича.

Овсей Ильич занимался тогда изучением химических реакций в ударной волне. Сильная ударная волна создавалась у тупого кончика пули, движущейся со скоростью около 2000 м/сек. Пуля выстреливалась из ствола мелкокалиберного ружья, имеющего специально сконструированную и изготовленную в мастерских института казенную часть. По тем временам скорость пули была рекордно высокой. Рассматривалось свечение перед носиком пули. Перед стволом ружья устанавливались цилиндрические, достаточно широкие стеклянные трубки, наполненные различными смесями исследуемых газов. Так как температура ударно-сжатого газа при данной скорости ударной волны (равной скорости пули) растет с ростом молекулярного веса молекул, то были поставлены опыты для получения рекордно высоких температур; была получена температура около 20000°C. В дальнейшем (метод адиабатического сжатия) эта установка получила название «адиабатическая пушка», применявшаяся в других лабораториях института для изучения реакций синтеза в экстремальных условиях p и T (Рябинин Ю. Н., Маркевич). Теперь этот метод используется в опытных работах по изучению химических реакций в экстремальных условиях.

Идея исследования химических газофазных реакций, протекающих при быстром нагреве и охлаждении, принадлежит Ю. Б. Харитону. Во второй половине 30-х годов в Ленинградском институте химической физики Харитоном совместно с Н. М. Рейновым и В. Г. Клязером была создана лабораторная установка, в которой свободный поршень, двигаясь под действием сжатого газа, сжимал исследуемый газ в цилиндрическом канале установки. При обратном движении поршня газ расширялся до атмосферного давления. Продолжительность такого опыта составляла доли миллисекунды и поэтому температура газа на стадиях сжатия и расширения с достаточной точностью описывалась адиабатой. Авторам удалось исследовать некоторые реакции при максимальных давлениях в несколько тысяч атмосфер и установить образование окиси азота при сжатии воздуха. Война и эвакуация института в Казань остановили эти исследования.

На этом кончился Ленинградский довоенный период работы Овсея Ильича. Наступили война и эвакуация института в Казань.

В Казани в лаборатории Якова Борисовича Зельдовича началась пороховая ракетная тематика — изучение физических основ внутренней баллистики пороховых ракет — («Катюша»). При отработке реактивных снарядов возникли два неприятных обстоя-

тельства, препятствовавшие проектированию ракетного двигателя: во-первых, происходило самопроизвольное потухание пороха, во-вторых, давление в камере зависело от длины заряда. Все это не могло быть объяснено никакой из имеющихся теорий горения и химической кинетики. Явление малопонятное; разбором его занимались специалисты в этой области — профессор Победоносцев, генерал, член-корреспондент АН СССР Костиков. Был привлечен и Яков Борисович Зельдович.

Потухание пороха объяснялось разработчиками тем, что скорость движения газов вдоль пороха внутри камеры настолько большая, что поток движущихся газов сдувает пламя и гасит горение пороха. Я. Б. Зельдович и О. И. Лейпунский пришли к идее нестационарной скорости горения пороха. Из нее следовало, что в камере порох может затухать не потому, что сдувается пламя, а потому что горение может быть принципиально нестационарным. Стационарное горение может происходить как частный случай нестационарного при соответствующих значениях камеры и пороха. Анализируя, что может сделать поток продуктов горения вдоль поверхности горящего пороха, Зельдович и Лейпунский О. И. пришли к мысли, что поток газов не сдувает пламя, а наоборот, увеличивает скорость горения, раздувает пламя. Таким образом, к концу 1941 года у Я. Б. Зельдовича сложилась основная концепция внутренней баллистики пороховых ракет. Так была создана количественная теория нестационарного горения, которая была опубликована в 1942 году. Вокруг этой теории была развернута большая дискуссия. Вопрос был острый, потому что он касался решения актуальной оборонной проблемы. Применение этого оружия в войне всегда обещало успех нашим воинам. Работали Яков Борисович и Овсей Ильич Лейпунский с большим энтузиазмом, с исключительным увлечением и самоотверженностью.

Во всем комплексе этих исследований участие, как в экспериментальном, так и в теоретическом разборе процессов, Овсей Ильича Лейпунского было весьма плодотворно. Результаты этих работ были основой его докторской диссертации, которую он защитил в 1945 году.

В 1946 году, в связи с работами по атомной технике, Яков Борисович Зельдович перешел в специальную организацию. Отдел был снова преобразован в лабораторию, руководителем которой стал Овсей Ильич Лейпунский.

Яков Борисович Зельдович, как и Юлий Борисович Харитон, не сразу расстался с Институтом химической физики. Первое время он поддерживал научные связи со своими учениками, завершая в Москве некоторые начатые им работы. Нужно отметить, что в этих работах происходит значительный поворот в теории

горения и взрыва в сторону гидродинамики и теплопередачи, в значительной мере дополнивший кинетические представления о механизме горения взрыва. В работах Я. Б. Зельдовича с сотрудниками первых послевоенных лет института в Москве изучались основные гидродинамические и тепловые явления, происходящие при горении и детонации; в это время были завершены работы, связанные с распространением пламени с медленным горением; изучались условия возникновения пламени, распространения газовой детонации в трубе; переход медленно распространяющегося горения в детонацию. По заявлению самого Якова Борисовича в то время, когда начинались все эти работы, никакой разумной количественной теории воспламенения не было. Было только ясно, что для того, чтобы воспламенить искрой взрывчатую смесь, необходимо иметь какой-то объем.

Оценивая работу своего отдела за 1946—1947 годы, Я. Б. Зельдович на заседании Ученого совета института 6 декабря 1948 года по итогам работы за 1947 год говорил (привожу стенограмму заседания):

«Успех в указанных работах был получен благодаря тому, что исследователи повернулись в сторону гидродинамики, в сторону теплопередачи. Цепная теория всегда ставила своей задачей исследовать также и явления воспламенения и связать ее с теорией горения. Но надо прямо сказать, что пока пытались разрешать вопросы горения только с помощью цепной теории, то были возможны такого рода объяснения студентам явления горения: когда цепей нет, идет медленная реакция; если имеются разветвляющиеся цепи, то идет распространение пламени; когда цепи разветвляются, то происходит детонация. И такие работы печатались. Кроме того, такие работы, как, например, по воспламенению фосфора, оказывались в стороне от главных задач теории горения, от наиболее важных, наиболее существенных и распространенных случаев горения. А когда Кириллу Ивановичу Щелкину удалось установить связь этих явлений с гидродинамикой, то работа пошла в другом направлении. И создалась школа горения в Институте химической физики, школа, которая учитывает и кинетику, но не как главное.

Почему я об этом говорю? Дело здесь не к каком-нибудь ущемлению самолюбия, вовсе нет. Это существенно, и это надо для того, чтобы правильно выбрать направление работы. Позвольте привести пример. Отдел взрывчатых веществ занимался одной работой, послужившей темой диссертации А. Ф. Беляева. Занимались изучением давления в детонационной волне. Однако работы, которые шли в этом направлении, считались в нашем институте работами второго сорта, а самым важным считалось изучение кинетики. В области аккумуляции этих двух направле-

ний наш институт сделал гораздо меньше, чем он мог бы сделать, хотя работы Беляева велись именно в направлении аккумуляции. Очень красивые работы Г. Покровского, который, не стеснялся того, что его работы не содержали грамма кинетики. Таким образом, вся работа отдела (ВВ) строилась так, чтобы вытянуть на первую линию кинетику. То же самое относится и к отделу горения. Мы стыдимся работ тривиальных, работ второго сорта, в которых мало кинетики. Речь идет о том, как мы должны ориентировать наших работников: считать ли все эти работы второсортными и подчинять все кинетике или смело заявлять, что не все дело в кинетике. В конце концов и кинетика становится тривиальной.

В этом же плане мы и ставим свои задачи исследования теплоотдачи в широком диапазоне различных явлений горения, при различных режимах горения. Мне кажется, что надо осознать и для себя, и для дирекции, что есть еще и другое направление.

Когда я ставил этот вопрос на диссертации Курбангалиной, то Николай Николаевич сказал, что у нас все-таки институт кинетики, и мы должны интересоваться и искать в каждой вещи кинетическое начало. С этим соглашаться нельзя и нужно более резко ставить вопрос, а именно, что Институт химической физики не только институт кинетики, что в нем должно находить место и то, что достаточно резко отходит от кинетики. Я думаю, что институт очень обиделся бы, если бы все, не занимающиеся кинетикой, заявили бы, что они с институтом не связаны или связаны только организационно. И надо прямо сказать, что в институте есть два направления, и второе направление — горение и взрывчатые вещества.

— С места: А почему не три направления?

Боже меня упаси закрывать двери для третьего направления. Пусть оно себе процветает! Ваша реплика не приводит к абсурду то, что я говорил, наоборот, что нормальное положение, когда сотрудники института будут знать, что они могут развивать и третье, и четвертое направления.

Н. М. Эмануэль: — Отдел горения сейчас является вторым по величине отделом открытого сектора института и никаких тенденций со стороны дирекции и Н. Н. Семенова к какому-либо ущемлению деятельности отдела не наблюдается.

Я. Б. Зельдович: — Я говорил лишь о том, что есть и другая школа горения, а это имеет большое принципиальное значение».

На вопрос, что такое школа, Я. Б. Зельдович ответил: «Я полагаю, что научной школой называется группа людей, объединенных общими научно-теоретическими вопросами и общими методами подхода к решению этих вопросов, общностью направления тем и круга задач».

Это выступление одного из самых молодых тогда научного сотрудника с критикой научных взглядов своего наставника по науке, директора института, по возрасту намного старше его, указывает на деловую, дружескую, творческую научную атмосферу среды, в которой жил коллектив Института химической физики тех лет. Такого рода научные дискуссии, затрагивающие интересы того или другого сотрудника, не вызывали обид. Скорее, они способствовали совместному разбору спорных точек зрения и постановке совместных работ. Особенно это хорошо проявлялось в дружной совместной работе самого Якова Борисовича с Николаем Николаевичем на протяжении всей их жизни. Были часто и другие критические выступления молодых научных сотрудников по отношению к более старшим ученым, заведующим лабораториями на заседаниях Ученого совета, на активах института. Но они, эти выступления, порой резкие, не расслаивали коллектив, не тормозили творческую активность.

Занимая должность заведующего лабораторией, Овсей Ильич Лейпунский продолжал исследования механизма горения пороха, начатые им во время войны в эвакуации в г. Казани, когда им было открыто явление раздувания, т. е. увеличение скорости горения пороха при обдуве его продуктами сгорания. В Москве им исследовалась структура волны горения в конденсированной фазе и другие параметры горения пороха — размеры прогретого слоя, запас тепла в прогретом слое, температура на поверхности пороха (около 300°C), температурный коэффициент скорости горения. Работы проводились интенсивно; в них принимали активное участие сотрудники лаборатории З. И. Когарко, Симонов, Ник. Ник., Б. В. Айвазов, Ривин Михаил Абрамович, Зинаида Ивановна Аристова, Дробанцева Конкордия Терентьевна, Леонова Елена Ильинична, Шаулов, Коротков Александр Иванович и др.

В самый разворот работ, в начале 1948 года О. И. Лейпунский был переведен в спецсектор М. А. Садовского на должность заведующего Отделом радиационной физики. Требовалось по известным литературным данным о делении ядер и физической картине ядерного взрыва определить дозы гамма-лучей и нейтронов в поле взрыва. Задача решалась путем количественного моделирования распространения гамма-лучей в воздухе. Была получена достаточно точная картина распределения доз от проникающих излучений ядерного взрыва. Были сделаны также гипотезы о связи электромагнитного излучения ядерного взрыва с гамма-излучением.

Отделом радиационной физики О. И. Лейпунский руководил до 1960 года. После этого он снова вернулся к горению конденсированных систем. Под его руководством была создана лаборато-

рия с прежним названием — физики горения твердого топлива, которая имела перед собой цель в первую очередь развить направления исследований и идеи, базирующиеся на работах Овсея Ильича с Яковом Борисовичем Зельдовичем в годы войны по теории и механизму горения твердых топлив и внутренней баллистике твердотопливных ракет. В лабораторию пришли молодые специалисты, окончившие хорошие вузы — Московский физико-технический институт, Московский инженерно-физический институт, Физический факультет МГУ, — Зенин, Маршаков, Колесников-Свинарев, Кузнецов, Смирнов, Истратов, Либрович, Лессовский и др. Образовался сильный коллектив, способный решать сложные теоретические и экспериментальные задачи.

А. А. Зенин разработал и довел до совершенства методику измерений тепловой структуры волны горения с помощью сверхтонких термопар, широкие исследования, в которых позже принял участие В. М. Пучков, привели к созданию богатой картины явлений, обнаружению широких зон химических реакций и выяснению их макрокинетических характеристик, анализу параметров устойчивости горения и многого другого.

Нестационарное горение твердого топлива, теоретически предсказанное Я. Б. Зельдовичем как следствие тепловой релаксации прогретого слоя вблизи горящей поверхности топлива, впервые получило прямое экспериментальное подтверждение в работе В. Н. Маршакова и В. И. Колесникова-Свинарева по измерению нестационарной скорости горения в ракетной камере при быстром подъеме давления. В. Н. Маршаков стал известен своими обширными исследованиями процесса погасания твердого топлива при спаде давления — одного из важных эффектов нестационарного горения. Изучение частичного погасания и дальнейшего воспламенения было сделано им совместно с В. И. Земских.

Горение частиц металла как элемент сгорания современных твердых топлив высокой энергетики стало предметом интенсивных исследований с конца 60-х годов. В. И. Колесников-Свинарев и Г. П. Кузнецов создали уникальную установку по изучению горения частиц металла в условиях невесомости. При этом преследовалась цель максимально приблизить экспериментальную обстановку к тем приближениям, в которых горение частиц металла рассматривалось теоретически в отсутствие конвективных потоков. В результате эксперименты подтвердили принципиальные положения оригинальной теории, развитой О. И. Лейпунским вместе с теоретиками лаборатории В. М. Гремячкиным и А. Г. Истратовым, и дали много нового материала для дальнейшего совершенствования представлений о механизме горения металлов.

С 1960 года по инициативе Я. Б. Зельдовича в лаборатории была создана сильная теоретическая группа, в состав которой первоначально входили В. Б. Либрович и А. Г. Истратов, позже появились В. М. Гремячкин и И. Г. Ассовский. Таким образом, исследования в лаборатории О. И. Лейпунского проходили в тесном единении теории и эксперимента: теоретические работы способствовали отчетливой формулировке экспериментальных задач и всестороннему анализу результатов, близость теоретиков к экспериментальной работе, в свою очередь, предопределила конкретность и физическую осмысленность теоретических постановок. Было много сделано по теории нестационарного горения смесевых систем, теории устойчивости горения, теории горения металлов и др.

Группа инженеров-электронщиков во главе с В. И. Смирновым создавала приборное обеспечение исследовательских методик.

Большая физическая эрудиция О. И. Лейпунского позволяла сотрудникам лаборатории не ограничиваться изучением лишь нестационарного горения и горения металлов, вызвала стремление расширить тематику исследований. В разные годы им и сотрудниками лаборатории были исследованы распространение горящих трещин в твердом топливе, некоторые теоретические вопросы структуры и устойчивости газовых пламен, созданы приборы для контроля кинетики полимеризации, изучалось нестационарное горение при высоких давлениях, СВС-процессы и т. п. Много внимания было уделено разнообразным проблемам внутренней баллистики твердотопливных ракет.

Интересно отметить, что в течение ряда лет в лаборатории существовала группа В. Н. Сахарова, занимавшаяся биологией. Это было связано с интересами Овсей Ильича в период изучения им проблем радиации. Исследования В. Н. Сахарова по энергетическим воздействиям на живую клетку принесли ему ныне мировую известность.

Овсей Ильич Лейпунский уделял большое внимание воспитанию молодых ученых. Им создана обширная школа учеников, успешно продолжающих развитие им направления: химической физики горения; химической физики высоких давлений; радиационной физики; им заложены научные физические основы современной внутренней баллистики ракетных двигателей на твердом топливе; открыты условия синтеза алмаза из углерода в области его термодинамической стабильности; обнаружены закономерности распространения проникающих излучений, их особенности при ядерных взрывах и глобальных радиоактивных излучениях.

Овсей Ильич как ученый и общественный деятель внес большой вклад в разработку научных предпосылок по договору о за-

прешении ядерных взрывов и в формирование соответствующих взглядов советской и мировой общественности.

Овсей Ильич Лейпунский, будучи членом соответствующих делегаций, представлял научно-политические интересы СССР на международных конференциях экспертов 1958—1959 годов в Ученом комитете Организации Объединенных Наций 1959—1962 годов, Пагуошских конференциях.

Овсей Ильич награжден почетной грамотой Советского Комитета защиты мира.

Он имеет высокие правительственные награды: орден Ленина, Орден Трудового Красного Знамени, дважды награжден Орденом Знак Почета, дважды удостоен звания лауреата Государственной премии.

Жизнь и деятельность Овсея Ильича как одного из основоположников Института химической физики является достойным примером для грядущих поколений ученых нашего Института.